

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

5114

Р. А. КИРЕЕВА

ИЗУЧЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
в дореволюционной
России

с середины XIX в.
до 1917 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1983

Автор — кандидат исторических наук Раиса Александровна Киреева — впервые монографически разрабатывает историю изучения русской историографии дворянско-буржуазными историками дореволюционной России: С. М. Соловьевым, К. Н. Бестужевым-Рюминым, В. С. Иконниковым, М. О. Кояловичем, В. О. Ключевским, П. Н. Милюковым, А. С. Лаппо-Данилевским и другими учеными. Автор с марксистских позиций анализирует историографическое наследие прошлого, освещает основные тенденции развития русской историографии со времени становления этой научной дисциплины до кризиса буржуазной исторической науки в начале XX века.

Книга рассчитана на специалистов-историков, аспирантов и преподавателей исторических факультетов.

Ответственный редактор

академик

М. В. НЕЧКИНА

РАИСА АЛЕКСАНДРОВНА
КИРЕЕВА

ИЗУЧЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
в дореволюционной

России

с середины XIX в.
до 1917 г.

Утверждено
Ученым советом
Института истории СССР

Редактор издательства М. М. Медведев

Художник С. А. Киреев

Художественный редактор Н. Н. Власик

Технический редактор Н. Н. Кокина

Корректоры Д. Ф. Арапова, Л. В. Письман

ИБ № 26864

Сдано в набор 14.06.83. Подписано к печати 07.09.83
Т-15855. Формат 60×90^{1/16}. Бумага для глубокой печати

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 15,7. Усл. кр. отт. 13,75.

Тираж 3700 экз. Тип. зак. 4602 Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ВВЕДЕНИЕ

Все научные дисциплины имеют свою историю — свое прошлое имеет и историография. Оговоримся сразу, что термин «историография» употребляется нами в смысле «история исторической науки», в отличие от других бытующих в литературе употреблений этого понятия, таких, как историография той или иной страны, эпохи, направления или историография как обзор литературы по отдельным проблемам.

История историографии. Еще некоторое время тому назад, когда работы по истории исторической науки были редки, это выражение, быть может, могло вызвать недоумение. Но, благодаря глубоким и многоаспектным историографическим исследованиям последних десятилетий, оно получило «права гражданства». За эти годы круг историков, работающих в области историографии, заметно расширился. Советскими учеными историографически разрабатывается по самой широкой тематике весь многовековой период с древнейших времен до современности. Совершенствуется методика историографического анализа; углубляется теоретическая разработка наиболее важных проблем истории исторической науки; вводятся в научный оборот новые историографические источники; научная литература пополняется монографическими трудами, учебными пособиями, исследовательскими статьями, публикациями. Естественно, что успешное развитие историографических исследований выдвигает задачу изучения и обобщения накопленного опыта, вызывает интерес к истории самой историографии как специальной дисциплины. Отсюда правомерен вопрос: когда и при каких обстоятельствах историки становились биографами своей науки, когда возникла у них потребность разобраться в пройденном исторической наукой пути, когда они осознали необходимость понять движение науки, раскрыть характер происходивших в ней процессов, т. е. как и когда происходило становление новой отрасли знания — истории исторической науки. Эти вопросы отсылают нас к трудам ученых дореволюционной России.

Владимир Ильич Ленин неоднократно подчеркивал, что «марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата, тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культу-

ры»¹. Это ленинское положение в полной мере относится и к опыту дореволюционной русской науки в области историографии. Среди авторов историографических сочинений — крупнейшие историки России. Большинство из них обладало высшим научным званием академика: действительными членами Академии наук были С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, В. С. Иконников, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. И. Багалей. Работали в области историографии и другие видные историки. Современные исследователи не могут пройти мимо тех размышлений об истории науки, которые оставили им ученые прошлого. Достигнутые ими научные результаты не только могут, но и должны быть критически восприняты, сохранены и развиты на новой методологической основе, ибо знание накопленного опыта обогащает и современную науку. Задача марксистов, писал В. И. Ленин, суметь усвоить себе и переработать позитивные знания, добытые наукой². Образцы историографического анализа дали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

В исторической литературе можно встретить утверждение о том, что историография — молодая наука, а история историографии — совсем новая область знания, привлекавшая к себе внимание лишь в последние десятилетия. Между тем начало частичной разработки данной темы было положено еще дореволюционными историками. Уже М. О. Коялович в 1884 г. открывал свою книгу «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» главой «Состояние науки русской истории и ее литературы». «История науки русской истории, как нечто целое, составляет весьма недавнее явление»³, — написал Коялович и тут же встретил возражение со стороны одного из оппонентов. Дело в том, что Коялович начинал свой экскурс с работ С. М. Соловьева, И. В. Лашнюкова и Н. И. Костомарова, т. е. с середины 50-х годов XIX в. Заметим попутно, что заканчивался этот очерк рассмотрением историографической части труда К. Н. Бестужева-Рюмина «Русская история» (1872). И вот в 1885 г. профессор Казанского университета, читавший там с 1883/84 уч. г. курс историографии русской истории, Д. А. Корсаков выступил в печати с резкой рецензией на книгу Кояловича, где, в частности, упрекал его за начало фиксации историографических работ лишь с 50-х годов XIX вв., в то время как работа А. З. Зиновьева была издана в 1827 г., а Н. И. Надеждина — в 1837 г.⁴ Возражал Корсаков и против трактовки историографии как «недавнего явления»: «Смеем думать, что вопрос, затронутый в 1827 г., т. е. *пятьдесят четыре года тому*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

³ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 3-е изд. СПб., 1901, с. 2 (1-е изд. — СПб., 1884).

⁴ Зиновьев А. З. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827; Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России. — Библиотека для чтения, 1837, т. XX.

назад, не может быть назван явлением недавним»⁵. «Смеем думать, г. Корсаков,—отвечал ему педантичный Коялович,—что тому назад в 1827 г. не 54, а 58 (1885—1827=58)»⁶. Но по существу дела, как видим, Коялович в данном вопросе не спорил. Таким образом, уже в 80-х годах прошлого столетия оспаривалась «молодость» историографии как особой области знания.

Коялович не ограничивался констатацией историографических трудов своих предшественников только в первой главе,—он обращал внимание на работы по истории исторической науки и в других частях книги. При рассмотрении «Русской истории» К. Н. Бестужева-Рюмина, например, он подробно говорил об историографическом опыте названного автора («Литература науки в Истории К. Н. Бестужева-Рюмина. Ее достоинства и недостатки»). Важно подчеркнуть, что Коялович заметил историографические моменты в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, что было чрезвычайно редким наблюдением в дореволюционной историографической литературе.

В 1891 г. вышел из печати первый том (в двух книгах) «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова. Автор обладал большим опытом библиографической работы и фиксировал историографическую литературу с первых же шагов своей преподавательской деятельности. Со свойственным ему трудолюбием и обстоятельностью, Иконников собрал и свел воедино сочинения по истории исторической науки, указав рецензии на них и даже упоминания о подобных работах. Видимо, раздел «Труды по русской историографии» был включен автором в книгу уже на стадии ее печатания, так как эти страницы (в отличие от основной пагинации книги) помечены особым знаком — звездочкой⁷. Этот раздел носит характер аннотированной библиографии. Материал расположен под порядковыми номерами и по авторам в хронологической последовательности. Иконников начинал обзор значительно раньше Кояловича — с сочинений историков XVIII в. Г.-Ф. Миллера и А.-Л. Шлёцера, чем существенно раздвигал хронологические пределы проблемы. Очерк Иконникова из опубликованных работ в дореволюционной России — самый обстоятельный и полный и до сих пор не теряет своего значения как историографический источник.

Труд Иконникова облегчил положение П. Н. Милюкова, который коснулся этой темы во введении, где писал об отношении своего труда «к новейшим работам по русской историографии». Словами «новейшие работы» он заранее отводил упреки в не-

⁵ Корсаков Д. А. М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 г.— Исторический вестник, 1885, март, с. 704.

⁶ Коялович М. О. Указ. соч., с. 585.

⁷ К сожалению, некоторые авторы при ссылках на этот раздел не обращают внимания на указанную деталь, что, естественно, затрудняет быстрое отыскание соответствующего места в книге и порой ведет к путанице. См.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. I, кн. 1, с. 259*—269*.

полноте информации, за которой и отсылал к недавно появившемуся тогда первому тому «Опыта русской историографии», выражая при этом уверенность, что названный труд, по мере его выхода из печати, сделается настольной книгой каждого занимающегося русской историей. Милюков критически отзывался о сочинении Кояловича, полемикой с которым пронизана его книга. Этими двумя работами и ограничивался обзор Милюкова.

Несколько ниже, уже в связи с рассмотрением другого вопроса — проблемы периодизации русской историографии, — Милюков упомянул еще одну историографическую работу — «Взгляд на историю, как на науку» И. Н. Среднего-Камашева (1827)⁸, выделяя ее как возможный рубеж в истории исторической науки⁹.

В целом указанными авторами проводилась работа по выявлению, фиксации и первичному описанию существовавших к их времени работ по истории отечественной историографии. Значительно дальше своих коллег продвинулся А. С. Лаппо-Данилевский. В истории изучения историографии его опыт чрезвычайно интересен. Однако его работы в этой области не были изданы и не были завершены, а рукописи ученого только еще начинают изучаться. Лаппо-Данилевский не ограничивался краткой информацией о трудах по истории исторической науки — он уже переходил к научной разработке темы.

Истории историографии Лаппо-Данилевский посвятил сравнительно крупный раздел. К сожалению, эта часть, как, впрочем, и вся работа в целом, была им разработана неравномерно. Невозможно точно датировать данную группу материалов, можно лишь сказать, что она создавалась в 1910-х годах (в тексте встречаются упоминания об изданных в те годы книгах). Рукописи Лаппо-Данилевского носят черновой характер, отразивший процесс уточнения отдельных положений: многие слова и выражения вычеркиваются, вписываются, восстанавливаются и т. п. Это была не столько редакционная правка, сколько смысловая. В частности, сказалась она и в поисках названия раздела, который сейчас привлекает наше внимание. Автор то озаглавливал его «Обозрение развития русской историографии», то «Обозрение развития *истории* русской историографии» (подчеркнуто нами. — Р. К.), то вновь возвращался к первому варианту, сохраняя при этом и второй.

В отличие от своих предшественников (лишь фиксировавших литературу по истории исторической науки), Лаппо-Данилевский подходил к самой историографии, как к историческому явлению, которое проходило в своем развитии несколько ста-

⁸ Средний-Камашев И. Н. Взгляд на историю, как на науку. — Вестник Европы, 1827, № 4, с. 241—256; № 19, с. 193—217; № 20, с. 257—272; № 21, с. 3—19; № 22, с. 81—101. Этой работе Среднего-Камашева долгое время «не везло», так как последующие историки и библиографы не могли ее обнаружить и поэтому не учитывали в соответствующих работах.

⁹ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913, с. 5 (1-е изд. — М., 1897).

дий. Так, в истории отечественной историографии он отметил три периода (правда, и при решении этого вопроса у него наблюдаются колебания — иногда он склонялся к выделению четырех периодов, деля второй период на два).

Первый период датирован им 20—30-ми годами XIX в. и назван «Изучения научной обработки русской истории с точки зрения критической школы» (вариант: «...с точки зрения школы, основанной Шлёцером»). Критерий определения данного периода вполне историографичен: споры между «скептиками» и «апологетами» о достоверности древнейших памятников вызвали появление ряда обзоров критической истории. Эту литературу Лаппо-Данилевский, в свою очередь, делил на три части: «с точки зрения низшей критики: А. Шлёцер»; «с точки зрения высшей критики: А. Зиновьев, Н. Надеждин, А. Федотов» и «с критической точки зрения в связи с феноменологической: Н. Иванов». Видимо, позднее автором был добавлен А. Александров.

Выявление второго периода также основывалось на историографическом событии — на возникшей потребности в общих историографических обзорах в связи с дискуссиями славянофилов и западников — «желание взглянуть на нашу историографию с каждой из этих точек зрения»¹⁰. К работам по истории исторической науки данного периода он относил труды А. Б. Старчевского, М. О. Кояловича, А. Н. Пыпина.

Третий период — «Новейшие попытки изложения русской историографии с научной точки зрения» — он начинал с С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. В. Лашнюкова, Н. И. Полетаева, а заканчивал В. С. Иконниковым, П. Н. Милюковым и Д. И. Багалеем. Правда, для работы последнего был заготовлен лишь лист, так и оставшийся чистым.

Вне названных периодов Лаппо-Данилевский предусматривал такие разделы, как «История умственного и общественного движения XIX в., в виду связи ее с историографией того же периода» и «Главнейшие пособия по историографии», к которым зачислял и литературу по истории философии. Упомянул он и труд Н. П. Загоскина «История права русского народа», где был отдел «Русская историография в связи с зарождением и первоначальным развитием русского историко-юридического знания»¹¹. Называл он и другие «не чисто» историографические работы.

Анализировал Лаппо-Данилевский историографическую литературу по четко разработанной схеме: полные библиографические данные; краткое содержание; достоинства работы; ее недостатки; рецензии (если они были). Историографические работы получали четкую, а порой и острую характеристику, которая, к сожалению, все же носила скорее характер заметок для

¹⁰ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 72, л. 440.

¹¹ Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. 1.

памяти, чем готового текста. В ряде случаев оценки были сравнительно пространными, в других — лапидарными; бывали случаи (как с работой Багалея), когда по задуманной теме не было еще сделано никаких записей.

Итак, дореволюционными историками было не так уж мало сделано в подходе к теме «История отечественной историографии»: собиралась и аннотировалась литература проблемы, а усилиями Лаппо-Данилевского была предпринята попытка выявить этапы в развитии изучения истории историографии.

В советской исторической литературе ряд авторов указывал на существование отдельных историографических работ, наиболее полно они упомянуты (до 60-х годов XX в.) во введении в книге Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». Здесь названы всего семь историографических работ (от С. М. Соловьева до М. Н. Покровского) и на этом основании сделан вывод о том, что литература русской историографии «отличается бедностью общих историографических работ»¹².

В течение продолжительного времени специальной разработки темы не велось. Первой работой в этой области явились статьи В. Е. Иллерицкого «Историография», написанные для второго и третьего томов «Очерков истории исторической науки в СССР»¹³, в которых история историографии рассматривалась с 20—40-х годов XIX в. и до начала XX в. включительно. Естественно, в небольших очерках, входящих в многотомный коллективный труд, невозможно было сказать обо всех работах по истории исторической науки. Впоследствии данная работа была положена автором в основу статей на ту же тему для учебного пособия «Историография истории СССР: С древнейших времен...»¹⁴ и для «Советской исторической энциклопедии», в которые внесены отдельные уточнения, в частности в очерке для последнего издания отмечались историографические элементы в трудах русских историков XVIII в.

Благотворное влияние на развитие историографической мысли оказала дискуссия о периодизации истории исторической науки, начатая академиком М. В. Нечкиной на страницах журнала «История СССР» (1960 № 1).

В 1965 г. был издан первый том библиографии «История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период»¹⁵. Составители, ставя перед собой цель возможно полного выявления печатных работ по русской историографии, указывали и на работы по истории историографии. Хотя этот том и не исчерпывает всю имеющуюся литературу, он, бесспорно, представляет со-

¹² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 16.

¹³ Иллерицкий В. Е. Историография. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 548—574; М., 1963, т. 3, с. 558—565.

¹⁴ Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961 (2-е изд. — М., 1971).

¹⁵ История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965.

бой прекрасную основу и добротный фундамент для дальнейшего изучения проблемы.

В ряде устных и письменных выступлений все чаще стало говориться о том, что вне поля зрения исследователей все еще остается проблема изучения истории самой историографии, что история русской историографии еще не разработана, что литература по этой теме крайне бедна. Это сыграло положительную роль, так как привлекало внимание историков к теме.

Важным моментом в изучении нашей проблематики являются работы по общим вопросам методологии истории исторической науки, в которых затрагиваются иногда и отдельные аспекты истории отечественной историографии в досоветский период. Заслуга разработки методологических проблем историографии принадлежит академику М. В. Нечкиной. Ее основополагающая статья «История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)» получила дальнейшее развитие в последующих трудах советских историков. В этой статье, в частности, указывалось, что «в истории исторической науки входит прежде всего историография ее собственной истории»¹⁶.

Наиболее значительными работами последних лет в области методологии истории исторической науки являются статьи Е. Н. Городецкого и А. М. Сахарова, которые при решении важных методологических проблем современной историографии, непосредственно обратились к опыту русских дореволюционных историков, в частности, при освещении проблемы предмета историографии¹⁷.

Сильный импульс историографическим исследованиям дают коллективные обсуждения — «историографические среды», все-союзные и региональные конференции и симпозиумы, где обсуждаются важнейшие теоретико-методологические проблемы, такие, как предмет и задачи историографии, понятие историографического факта, критерии анализа и оценки историографических фактов, классификация и использование историографических источников, рецензии как историографический факт и как историографический источник. В центре внимания специалистов неоднократно находилась и одна из сложнейших проблем истории исторической науки — кризис буржуазной исторической науки.

Однако история историографии все еще редко становилась объектом самостоятельного изучения. Здесь мы можем отметить

¹⁶ Нечкина М. В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). — В кн.: История и историки: Историография истории СССР. М., 1965, с. 8.

¹⁷ Городецкий Е. Н. Историография как специальная отрасль исторической науки. — История СССР, 1974, № 4; Сахаров А. М. О предмете историографических исследований. — Там же, № 3; Он же. Некоторые вопросы методологии историографических исследований. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

статьи и учебное пособие В. И. Шевцова, посвященные истории исторической науки начала XIX в.¹⁸ и несколько наших работ, главное место среди которых занимает книга «В. О. Ключевский как историк русской исторической науки»¹⁹. Ценная информация о преподавании историографии в дореволюционной России содержится в статье группы воронежских авторов²⁰, которые взяли на себя труд по выявлению этих сведений из учебных планов, ежегодно публиковавшихся в «Обзорах преподавания» по университетам. Ими зафиксированы систематические курсы по отечественной историографии и по историографии всеобщей истории, историографические введения, единичные занятия по историографии отдельных проблем и периодов. Однако, к сожалению, их основной источник — «Обзоры преподавания», как отмечают авторы, дошел до нас в неполной сохранности, вследствие чего отдельные факты могли остаться невыявленными. Но и имеющаяся констатация важна для изучения истории становления и развития историографии.

Обычно, та небольшая литература, которая имеется по нашей проблематике, ограничивается освещением печатных работ. Между тем исследования последних лет показали, что в архивах хранятся ценнейшие историографические источники, отражившие многолетнюю работу ряда ученых над проблемами истории исторической науки, труды которых по разным причинам остались неизданными. Архивные изыскания дают возможность расширить сложившиеся представления о том или другом историке, понять и проследить за напряженной работой его мысли, вникнуть во внутреннюю эволюцию его мировоззрения, уловить особенности его творчества и даже ввести в историю изучения отечественной историографии новые имена. Это чрезвычайно важно не только как факт личной биографии ученого, но имеет непреходящее значение и для истории изучения данной отрасли науки в целом. Среди авторов, которые до изучения их рукописей не были известны как историографы²¹, оказались В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский и другие менее видные или совсем неизвестные до того в истории науки лица (например, лекции Д. А. Корсакова, «Записки по историографии» А. Л. Иконниковой — единственный случай в дореволюционной

¹⁸ Шевцов В. И. Развитие прогрессивного направления в русской историографии 1-й половины XIX в.: Учебное пособие по курсу «Историография истории СССР». Днепропетровск, 1980. См. также: Колесник И. И. Исследование отечественной историографии в трудах В. И. Шевцова. — В кн.: Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII—XIX вв. Днепропетровск, 1982. Там же опубликован полный список трудов В. И. Шевцова.

¹⁹ Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

²⁰ Алленов С. Г., Матвеева М. С., Чесноков В. И. К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России. — В кн.: Проблемы истории отечественной исторической науки. Воронеж, 1981.

²¹ Под словом «историограф» имеется в виду лицо, профессионально занимавшееся историей исторической науки.

России, когда женщина пробовала свои силы в такой сложной области, как историография).

Было бы неверно подходить к этим источникам только как к неизданным и потому никому неизвестным и не оказавшим влияния на дальнейшее развитие историографической мысли рукописям. Не следует упускать из вида, что эти рукописи служили основой для многолетнего преподавания таким крупнейшим ученым, имевшим многочисленных учеников, как Ключевский или Лаппо-Данилевский. Даже более скромные «Записки по историографии» А. Л. Иконниковой выполняли определенную общественную функцию — они служили пособием для студентов Киевского университета, слушательниц Высших женских курсов и для начинающих ученых, готовившихся по ним к магистерским экзаменам. Несомненно, что и дальнейший поиск может привести к открытию новых имен историографов, к обнаружению новых важных историографических источников, хранящих в себе немалый потенциальный запас знаний.

•

Предлагаемая работа написана на основании изучения как опубликованных, литографированных, так и рукописных материалов. При изучении печатной литературы мы стремились учитывать не только крупные и наиболее известные произведения историков, но и их ранние или полузабытые работы, ибо обобщающие труды далеко не всегда вбирали в себя эти разновременные опубликованные статьи. К тому же в ряде случаев некоторые работы появлялись уже по выходе в свет известных книг. Собранные вместе и сопоставленные между собой, статьи помогают выявить и понять внутреннюю эволюцию историографических взглядов историков, уловить новые оттенки их научного поиска.

В архивах Москвы (ОР ГБЛ, Научный архив Института истории СССР АН СССР, Архив АН СССР, ГПИБ, ЦГА г. Москвы), Ленинграда (Архив АН СССР, ЦГИА СССР, Государственный исторический архив Ленинградской области, ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ИРЛИ (Пушкинский дом)), Киева (ЦНБ АН УССР, ЦГИА УССР), Нежина (Филиал Государственного архива Черниговской области), Пензы (Государственный архив Пензенской области) мы работали главным образом над личными фондами историков и фондами тех учреждений, где протекала их деятельность. Просматривались также дела из фондов Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел, различных учебных округов и ведомств.

Центральное место среди источников по праву занимают историографические труды — книги, серии статей и отдельные статьи, лекционные курсы и отдельные лекции, а также фрагменты, наброски, варианты, черновики и другие разрозненные и разнохарактерные сопутствующие основным трудам историографические материалы. Значение этих источников столь очевидно, что нет необходимости подробнее говорить об их ценности.

Близко к этому виду источников стоят рецензии, отзывы и ответы на критику.

Важным источником являются материалы, содержащие сведения об историографической работе ученых. На первый план здесь должны быть выдвинуты учебные программы и отчеты о прочитанных лекциях по русской историографии, которые до сих пор не привлекали к себе специального исследовательского внимания. Между тем эти документы помимо того, что дают богатый материал для изучения истории высшего образования, для исследования методики преподавания, являются также ценным историографическим источником. В ряде случаев они (особенно тогда, когда отсутствуют какие-либо другие источники) помогают восстановить недостающее звено в истории становления историографии как самостоятельной дисциплины. Эти материалы демонстрируют весьма интересное индивидуальное творчество историков и дают возможность выявить суть их историографических приемов, увидеть и понять истоки и дальнейшую эволюцию их историографической деятельности. Более того, программы и отчеты, фиксируя «сиюминутное» понимание каждым преподавателем задач читаемого ими историографического курса и показывая основную проблематику этих лекций, запечатлевали в себе уровень развития историографии определенного времени. Сопоставление программ и отчетов за ряд лет дает возможность увидеть движение историографической мысли, проследить за процессом внутреннего роста историографии как научной дисциплины, понять общую тенденцию развития истории исторической науки в целом.

Отдельные сведения можно почерпнуть из служебных документов, которые мы выделяем в особую группу источников.

К следующему виду историографических источников относятся материалы личного происхождения — дневники и воспоминания историков. Эти автобиографические материалы — свидетели работы ученых и той научной обстановки, которая их окружала, — представляют огромный интерес. На наш взгляд, например, нельзя исключить из поля зрения «Записки» С. М. Соловьева²², содержащие богатейший историографический материал (кстати сказать, с этой позиции еще не подвергавшийся анализу). «Записки» Соловьева включают в себя ценные сведения по истории исторической науки — прежде всего о самом авторе — крупнейшем либерально-буржуазном историке России, и об общем состоянии исторической науки тех лет с рядом ярких характеристик коллег автора, чья деятельность проходила главным образом в Московском университете. На основании сказанного «Записки» Соловьева, где воссоздается историографическая атмосфера, могут рассматриваться наряду с его такими работами по истории исторической науки, как «Писатели русской истории XVIII века» и статьи о Н. М. Карамзине,

²² Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг.: Общественная польза, Б. г.

А.-Л. Шлёцере, Г.-Ф. Миллере, М. Т. Каченовском, тем более, что все они писались автором в одни и те же годы (1855—1857). В связи с этим уместно вспомнить и примечание, данное Соловьевым к работе «Писатели русской истории XVIII века», о том, что названная работа представляет собой *отрывок* из большого сочинения о писателях русской истории вообще и что в нем обозреваются только *русские* историки²³. В «Записках» же встречаем характеристики русских и иностранных исследователей — современников автора, с которыми он был знаком.

Немаловажным источником является переписка ученых между собой и с другими лицами. В письмах нередко обнаруживаются интересные сведения о процессе работы над историографическим произведением — о замыслах, конкретных планах, о ходе работы, о встретившихся трудностях, о сомнениях или опасениях и о ряде других реальных деталей истории создания труда. Подобной информацией богата, например, обширнейшая переписка В. С. Иконникова, особенно со своим старшим коллегой К. Н. Бестужевым-Рюминым. Иконников регулярно и достаточно подробно оповещал о многих обстоятельствах, связанных с написанием и печатанием «Опыта русской историографии».

Историографические сведения содержатся также и в мемуарной литературе и переписке близких к ученым лиц.

Выявленные источники в разной степени использованы в настоящей работе, но все они составляют ее документальную основу.

Имеющиеся работы, в которых рассматривались вопросы истории отечественной историографии, строились в основном по принципу последовательного изучения творчества отдельных историков и судеб их научных трудов, без конкретного знания которых немислимо исследование каких бы то ни было историографических явлений. На определенном этапе это был закономерный и естественный подход: только через анализ индивидуального вклада ученого в науку возможно раскрыть закономерности развития исторической науки в целом, определить уровень науки на разных стадиях ее развития. Постепенно, наряду с исследованием историографических работ того или иного ученого, стала ощущаться потребность в обнаружении и изучении общих, методологических проблем, свойственных истории исторической науки как особой, специфической области исторического знания. Именно они, эти методологические проблемы, превратили в свое время историографию из подсобного, вспомогательного дополнения к общесторическим курсам в самостоятельную научную дисциплину — в историю исторической науки.

Опираясь на наблюдения своих предшественников и на свой скромный опыт изучения историографического творчества отдельных ученых, автор пробует перейти к проблемному изучению истории русской историографии.

²³ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века. — В кн.: Соловьев С. М. Собр. соч. Пг.: Общественная польза, Б. г., стб. 1317.

Естественно, что в историографии, как и в любой области знания, теоретико-методологические обобщения делались значительно позднее, чем возникла сама данная дисциплина. Прежде чем обобщать, необходимо было выявить, собрать и первоначально обработать определенный фактический материал. Постепенно у истории исторической науки стал определяться свой предмет исследования, стали вырабатываться свои, историографические понятия и терминология.

Первые историографические работы носили, как правило, обзорный характер. Их проблематика значительное время была ограничена — она складывалась по преимуществу из описаний отдельных исторических трудов и биографий историков. По мере углубления историографических наблюдений процесс осмысления истории исторической науки становился интенсивнее, проблематика историографических работ расширялась и усложнялась, появлялись элементы теоретического анализа. Историография становится самостоятельной областью знания тогда, когда вырабатывается представление о ней, как о процессе, как о развитии исторической науки.

В настоящей книге предпринимается попытка взглянуть на возникновение элементов теории историографии. Для этой цели выбираются три проблемы, которые *не исчерпывают* все стороны историографического анализа, но которые, на наш взгляд, являются главнейшими. Это — термин «историография» и предмет истории исторической науки; периодизация русской историографии и проблема историографических направлений. Выбор именно этих кардинальных проблем диктуется потребностями современной исторической науки.

В течение последних десятилетий шло плодотворное изучение историографии — углублялось осмысление историографических процессов, совершенствовались методы историографического анализа, что обусловило общий подъем истории исторической науки на качественно новую, более высокую ступень своего развития. Особенностью современного этапа является всевозрастающий интерес к теоретико-методологическим проблемам историографии, которые приобретают первостепенное значение. Исходя из этого, представляется правомерным высветить в прошлом науки указанные проблемы, проследить, как они возникали и как пытались их разрешать дореволюционные историки России. Эти вопросы по-разному ставились и решались историками различных школ, поколений и даже одними и теми же исследователями на различных стадиях работы. Раскрытию названных тем отводятся основные главные книги, которые предваряет глава, где дается общая характеристика постепенного развития истории исторической науки и кратко представляются авторы историографических работ. При этом акцентируется внимание на моменте пробуждения у них интереса к истории вообще и рассматриваются конкретные обстоятельства (как научно объективные, так и субъективные), при которых историки обратились к

историографии. В главе показывается также то место, какое занимала историография в индивидуальном творчестве каждого ученого, и степень влияния его трудов на последующее развитие истории исторической науки. На всем этом материале решается главная задача — показать становление историографии как самостоятельной дисциплины, проследить ее эволюцию и фиксировать внимание на ее внутреннем росте. С предлагаемой точки зрения история отечественной историографии еще не исследовалась. В этом состоит известный научный интерес, в этом же таятся и известные трудности.

Хронологически работа начинается с середины 50-х годов XIX в., т. е. с историографических работ С. М. Соловьева, появление которых было тем качественным скачком, который позволяет говорить о начале складывания историографии в самостоятельную научную дисциплину. В ряде случаев, чтобы лучше понять историографические процессы, проходившие с середины прошлого века, по необходимости упоминались и более ранние моменты из истории исторической науки. Изучение отечественной историографии в России доводится в книге до 1917 г.

Основное внимание в настоящей работе сосредоточено на анализе историографических сочинений русских историков, главным образом либерально-буржуазного и отчасти дворянско-консервативного направления, так как именно они в условиях царской России, владея университетскими кафедрами (а историография вырабатывалась как «университетская» дисциплина), имели возможность последовательно и профессионально разрабатывать историю исторической науки. Революционные демократы сыграли важную роль в истории развития русской исторической мысли. Их вклад в отечественную историографию специально изучал В. Е. Иллерицкий²⁴. Таким образом, эта тема на сегодняшний день наиболее разработана в нашей литературе.

В истории историографии нас интересуют не только окончательные результаты, к которым приходили ученые, что само по себе не вызывает сомнения в целесообразности изучения. Важным также представляется история научных поисков ученых — исследование самого хода их историографических рассуждений, процесса складывания их историографических концепций, изучение отдельных достижений и отступлений историков, учет их различных вариантов при решении тех или иных конкретных историографических проблем.

Не всякая историографическая работа изучаемого времени в равной степени привлекается для нашего исследования. Мы опираемся на тот круг авторов, которые проявляли постоянный научный интерес к историографии и в трудах которых содержатся элементы теоретико-методологического ее осмысления.

²⁴ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; Он же. Революционная историческая мысль в России: (Домарксистский период). М., 1974.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
•
**СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.
АВТОРЫ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ**

Историография как научная дисциплина возникла не сразу — она постепенно вызревала в недрах исторической науки и обусловливалась успехами ее развития. Отдельные элементы историографического анализа обнаруживаются задолго до складывания историографии в самостоятельную область исторического знания. Уже В. Н. Татищев обращал внимание на «историю наук и ученых» в своем знаменитом предисловии «Предъизвещение о истории общественное и собственно о русской»¹. Историографический опыт накапливался в трудах историков XVIII и начала XIX в. — И. Н. Болтина, Г.-Ф. Миллера, А.-Л. Шлёцера, П. И. Новикова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, а затем уже в работах историков 20—40-х годов XIX в. — А. З. Зиновьева, А. Федотова, А. В. Старчевского, Н. Г. Устрялова, Н. И. Надеждина². Но в целом же до середины XIX в. историография разрабатывалась эпизодически. Ее становление было теснейшим образом связано с определенными завоеваниями либерально-буржуазного направления, которое тогда в противоборстве со старым консервативно-дворянским направлением постепенно занимало ведущее положение в науке.

Середина прошлого столетия было временем, когда феодально-крепостнический строй России переживал острейший кризис; гнилость и бессилие самодержавия вскрылись поражением в Крымской войне. Вставал вопрос о немедленной ликвидации крепостного права. В 40-х по 60-е годы XIX в., писал В. И. Ленин, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом со-

¹ В. Н. Татищев писал о четырех аспектах истории: божественном, церковном, светском («политика или гражданская, но у нас более обыкли именовать светская» история) и история «наук ученых». Этот последний аспект истории Татищев раскрывал так: «О начале и происхождении разных званий училищ, наук и ученых людей, яко же от них изданных книгах и пр., из которой польза всеобщая происходит» (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 79).

² См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 548. Тема о первых опытах изучения отечественной историографии требует специального исследования, и такие работы в настоящее время ведутся.

стоянии»³. Под влиянием мощного общественного подъема в обстановке создавшейся первой в России революционной ситуации царское правительство вынуждено было пойти на отмену крепостного права и провести ряд умеренных буржуазных реформ, в результате которых старая патриархальность разрушалась, прежние устои жизни подвергались болезненной ломке. Россия вступила на путь капиталистического развития. Классовые противоречия обострялись, особенно на последней стадии капитализма — в эпоху империализма. В стране все чаще происходила резкая смена сильнейшего общественного возбуждения годами глухой, тяжелой реакции и вновь наступавшего общественного подъема. В России происходила быстрая революционизация народных масс.

Время между вызревaniem революционных ситуаций заметно сокращалось: между Первой революционной ситуацией (1859—1861 гг.) и Второй (1879—1880 гг.) прошло около 20 лет; между Второй и Третьей, перешедшей в революцию 1905—1907 гг., — около 15; между первой буржуазно-демократической революцией и Февральской революцией 1917 г. — 10 лет; между второй буржуазно-демократической революцией и Великой Октябрьской социалистической революцией — всего несколько месяцев. «Перед лицом феерической смены событий нельзя было не задуматься над смыслом истории. Эпоха научила многому: она обострила видение историков, дала им возможность в новом свете понять события самых ранних веков европейской истории, протянуть от них нити к современности, подойти к пониманию подлинных движущих сил истории»⁴. Эта совершенно справедливая характеристика, данная В. М. Далиным европейской исторической науке начала XIX в., вполне относится и к исторической науке России. В русском обществе возрастал интерес к историческому прошлому, «подогретый» предшествующей эпохой. Отечественная старина привлекала тогда к себе самый живой, взволнованный интерес не только ученых, но и писателей, публицистов, издателей, переводчиков, просто любителей, круг которых был весьма пестрым по социальному составу — от вельмож и военных до духовенства. Собирались ценнейшие коллекции, публиковались документальные источники, возникали исторические общества, создавалась историческая периодика, писались на исторические темы литературные произведения в стихах и прозе. История, входя в общественную жизнь страны, требовала от ученых более глубокого теоретического осмысления.

Широкий демократический подъем времени Первой революционной ситуации, рост освободительных идей, антикрепостническое движение не оставляли историков в стороне от общественной жизни. Они так же, как и передовые ученые других специальностей, содействовали демократизации науки, веря в воз-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

⁴ Далин В. М. Историки Франции XIX—XX вв. М., 1981, с. 8.

мжность науки преобразовать, улучшить существующие условия жизни. Это выражалось в приобщении к науке талантливой молодежи из различных социальных слоев общества в сочетании с действенными мерами по подъему общей культуры и с попытками просвещения всего народа. В стране, где еще недавно невежество народа возводилось в принцип, при почти поголовной неграмотности его, то была достаточно смелая задача.

Представители исторической науки активно включались в просветительскую деятельность. С публичными лекциями выступал очень широкий круг историков, в том числе и те ученые, о которых речь идет в настоящей книге. Иногда темами чтений становились и историографические сюжеты. Историки не ограничивались устными выступлениями и изданием популярной литературы. Главная их заслуга состояла в том, что они в ряде мест возглавили движение за образование народа во всех его звеньях — от низшего до высшего. Так, во главе первых бесплатных воскресных школ для простого народа, созданных в противовес казенным школам и целью которых было сближение передовой революционно настроенной интеллигенции с народом, стоял видный историк и общественный деятель, «шестидесятник» проф. П. В. Павлов и его ученик Ф. Я. Вороной. В обстановке нарастающего революционного и общественного подъема впервые в России был поставлен вопрос о высшем женском образовании. Стремление женщин к знаниям активно поддерживала передовая общественность, в том числе и наиболее прогрессивная университетская профессура (А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов и другие). В период проведения буржуазных реформ и обострившейся социально-политической борьбы царское правительство было вынуждено решать проблему женского образования внутри страны — до того женщины принуждены были уезжать за границу. Все чаще женщины стали допускаться как вольнослушательницы в университеты, начали организовываться в университетских городах России специальные курсы для женщин. Во главе движения за высшее женское образование также стояли историки — Высшими женскими курсами в Москве руководил В. И. Герье, в Петербурге — К. Н. Бестужев-Рюмин, в Киеве — В. С. Иконников.

Новые для России социально-экономические сдвиги, острый характер антагонистических противоречий, влиявшие на все стороны общественно-политической жизни страны, воздействовали и на развитие исторической науки, внутри которой обострялись разногласия. Бурные споры в течение всего XIX и начала XX в. проходили по актуальнейшей проблеме — дальнейшая судьба России: что ждет страну впереди — революция или реформа? Этот круг вопросов самым тесным образом переплетался с другой исторической проблемой, которую кратко можно сформулировать — народ и государство. «Вопрос о народе в настоящее время, — писал в 1862 г. чуткий к проблемам русской жизни Ф. М. Достоевский, — есть вопрос о жизни... От того или друго-

го решения его зависит, может быть, судьба будущего русского прогресса»⁵. Самые различные группировки пытались отыскать в историческом прошлом аргументы в свою пользу, что в конечном счете активизировало развитие исторических знаний.

Становление историографии, как особой отрасли знаний, явилось прямым результатом интенсивного развития исторической науки, которая с той поры развивалась во все убыстряющемся темпе. Этот нарастающий ритм диктовался идеологическими потребностями новой общественной силы России — нарождающейся русской буржуазии. Историография должна была взять на себя выполнение весьма определенной социальной функции: с помощью историографии либерально-буржуазная историческая наука, в соперничестве с консервативно-дворянской, стремилась утвердить себя и завоевать ведущее положение в науке. Для достижения указанной цели историкам либерального направления необходим был критический пересмотр прежних исторических концепций, что и являлось основным внутренним стимулом развития истории исторической науки того времени. Но, критикуя дворянскую историческую науку, историки нового направления не отказывались полностью от ее достижений, наоборот, в значительной степени опирались на них.

Русская историческая наука середины XIX в. развивалась в социально-политической и идейной борьбе трех главных направлений, отражавших идеологию основных социальных групп того времени, — революционно-демократического, либерально-буржуазного и консервативно-дворянского.

Наиболее прогрессивные позиции отстаивало революционно-демократическое направление, идеологи которого придавали исторической науке важное значение. В понимании истории они еще не преодолели идеалистических представлений, но с революционных позиций трактовали закономерный и прогрессивный характер исторического процесса, отвергая представления о возможности социальных преобразований путем мирной эволюции. Они признавали неизбежность и закономерность классовой борьбы и революций и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Революционеры-демократы не писали специализированных работ по истории исторической науки и не придавали законченного и систематизированного вида своим историографическим суждениям. Но и в области истории исторической науки ими также были высказаны ценные соображения, меткие наблюдения, аргументированные критические замечания в адрес дворянских, и буржуазных историков, в борьбе с историческими концепциями которых утверждались их демократические принципы. В. Е. Иллерицкий, проследившая развитие в России революционной исторической мысли, показал, что революционеры-демократы «подвергли глубокой и многосторонней критике теоретические основы исторических воззрений представителей офи-

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1980, т. 20, с. 5.

циальной историографии М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, а также славянофилов, буржуазных историков, в особенности сторонников „государственной школы“ в русской историографии (Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева), критически оценили философию истории Гегеля, воззрения западноевропейских буржуазных историков Ф. Гизо, Т. Маколя, А. Токвиля, Г. Бокля и ряда других. Уже это само по себе составляет выдающуюся заслугу идеологов демократического движения перед русской исторической наукой»⁶.

Продолжительное время ключевые позиции в исторической науке удерживали в своих руках представители дворянского направления — историкам других направлений приходилось вступать с ними в противоборство. Значительным историографическим событием предшествующего периода, без которого невозможно понять дальнейшее развитие исторической мысли в России, было возникновение острых разногласий вокруг знаменитого труда Н. М. Карамзина «История государства Российского», воплотившего в себе дворянскую концепцию русской истории. Н. М. Карамзин работал над созданием своего 12-томного произведения в течение 22 лет (с 1804 по 1826 г.), кроме вынужденного перерыва, вызванного войной 1812 г. Эта задержка привела к парадоксу: его творение, несмотря на невиданный до того в русском обществе успех исторического сочинения и сильный импульс, данный им исторической науке, к моменту выхода в свет концепционно устарело — оно отражало уже отжившие взгляды и не отвечало современным запросам. К работе над «Историей» Карамзин приступил в канун наполеоновского вторжения. Он стремился найти в прошлом исконные «начала», способные гарантировать устойчивость и незыблемость существовавшего «порядка вещей», т. е. самодержавия с сохранением в неприкосновенности крепостнических отношений. Карамзин как писатель-художник заботился о литературном слоге — за этим тоже стояла политическая цель: «...и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушилось»⁷. После победы русского народа в Отечественной войне положение Карамзина: «Все зависит от воли самодержца, который, подобно искусному механику, движением перста дает ход громадам»⁸ — явно противоречило новым передовым социально-политическим идеалам и не могло не вызывать энергичный протест. Резко отрицательные отзывы сразу стали выска-

⁶ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963, с. 44—45. См. также гл. «Революционеры-демократы об источниках и историографии русской истории», с. 61—90; Он же. Революционная историческая мысль в России: (Домарксистский период). М., 1974.

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 1, с. XVII.

⁸ Там же. СПб., 1892, т. 8, с. 105.

зываться представителями прогрессивных слоев общества — декабристами, которых «мирный историограф» назвал «безумными либералистами» и по собственному признанию «алкал пушечного грома» в день 14 декабря⁹. Несколько позднее с критикой монархической концепции Карамзина выступили революционные демократы. Критиковали «Историю государства Российского» и профессиональные историки либерального лагеря. Но им в противовес у Карамзина были сильные, власть имущие сторонники и восторженные последователи-панегиристы, считавшие дерзостью не только критиковать «священный труд», но и вообще писать после него русскую историю. Историческая концепция Карамзина стала официальной — из нее исходили и ее развивали сторонники теории официальной народности. Славянофилы тоже считали Карамзина своим «духовным отцом». Таким образом, «История» Карамзина углубляла размежевание различных лагерей, играя в истории исторической науки роль своеобразной лакмусовой бумажки для прояснения идейных позиций судивших о ней. Карамзинский труд и споры вокруг него объективно способствовали развитию исторической мысли в России.

Также благотворны для науки были и дискуссия Н. И. Костомарова и М. П. Погодина, и полемика славянофилов и западников, и, что особенно важно, принципиальная критика революционерами-демократами основ дворянско-буржуазных концепций. Предметом широкого и бурного обсуждения становились и другие работы историков.

К 50-м годам XIX в. господствующим направлением в официальной исторической науке все еще продолжало оставаться консервативно-дворянское, отстаивающее представление о ведущей роли в истории России самодержавия. Тогда оно было еще достаточно сильно и, не желая уступать свои позиции, оказывало сопротивление новому, постепенно крепнувшему направлению. Либерально-буржуазная наука с немалым трудом и «потерями» пробивала себе дорогу. За острую критику Карамзина и его последователей, считавших самодержавие исконным началом русской истории, М. Т. Каченовский был лишен кафедры Московского университета, а возникшая вокруг него так называемая «скептическая школа», казалось, была полностью разгромлена. Сам факт выступления против маститого историографа, развивавшего положение: «история народа принадлежит царю», квалифицировался как неблагонадежность и антипатриотизм. То же подтверждает и пример талантливого самородка Н. А. Полевого, критиковавшего тех, кто, по его выражению, «покушался» до него писать русскую историю. И здесь прежде всего имелся в виду многотомный труд Карамзина. Полевой справедливо утверждал, что «в словах: русское государство заключалась главная ошибка» его предшественников¹⁰. Он брал на себя

⁹ Карамзин Н. М. Из писем к И. И. Дмитриеву. — В кн.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1980, т. 1, с. 221, 220.

¹⁰ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829, т. 1, с. XLI.

смелость противопоставить истории государства Российского историю русского народа. Так и назван был его главный исторический труд, задуманный и начавший осуществляться как прямое противопоставление исторической концепции Карамзина. Задача историка, повторял Полевой за Нибуrom (которому посвящена «История русского народа»), состоит не в доставлении художественного наслаждения читателям, а в выявлении научной истины; первым делом историка должна быть критика исторических источников. Однако Полевой не смог воплотить свой замысел — и у него вместо истории народа на первом месте все же оказалась история государственной власти. За здравую критику в адрес Карамзина от Полевого отшатнулась влиятельная дворянская литературная верхушка, до того сотрудничавшая в его литературно-критическом и художественном журнале «Московский телеграф». Журнал Полевого, приобретший после казни декабристов антидворянскую направленность и ставший защитником прав «среднего состояния», в 1831 г. сумел вопреки цензурным препонам выразить одобрение революционным событиям Европы. Особенно одобрялась Французская революция, свергнувшая бурбонскую монархию и приведшая к власти крупную буржуазию. В 1834 г. в результате усилившихся гонений правительством был закрыт «Московский телеграф» — первый в России журнал энциклопедического типа. Министр народного просвещения гр. С. С. Уваров утверждал, что если Полевой напишет даже «Отче наш», то и это будет возмутительно. Сломленный Полевой перестал писать исторические труды. Из-под его пера наскоро выходили лишь заказные драмы на исторические сюжеты. В историю исторической науки Полевой вошел как представитель нового направления, выступивший за демократизацию исторической науки и равным образом русской литературы, которую он, по метким словам А. И. Герцена, заставил «опуститься с аристократических высот и сделал ее более народной или по крайней мере более буржуазной»¹¹.

Первые работы С. М. Соловьева тоже встречались в штыки славянофилами и сторонниками официальной народности. Во главе последних стоял его университетский учитель М. П. Погодин, считавший своею обязанностью вступать в оппозицию к новым веяниям в науке. Не стесняясь в выражениях, он, в частности, уверял, что родоначальники «новой исторической школы» (т. е. К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев) покусились якобы «коверкать» русскую историю, «точно как покойный Полевой»¹². И Погодин бросился «в атаку» на Соловьева, первым печатно выступивший против него. Соловьев болезненно переживал эту «лютую войну», однако сломить его уже не удалось. «Действитель-

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1965; М., 1956, т. 7, с. 216. Подробнее об исторических взглядах Полевого и о его месте в истории исторической науки см.: Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981.

¹² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895, т. 9, с. 146.

но, я пережил тяжелое время», читаем в «Записках» Соловьева, но «никогда не приходила мне в голову мысль отказаться от своего труда». «Как видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами истории, постоянно ежегодно выходившими (...) Книга шла, несмотря на продолжавшуюся руготню (...)»¹³

Появление «Истории России с древнейших времен» вызвало, выражаясь современным языком, настоящий историографический «бум», породивший целую литературу. Об откликах современников на соловьевский труд говорил прежде всего сам автор в только что цитированных «Записках». О борьбе против него М. П. Погодина с соратниками писал Н. П. Барсуков, о его полемике со славянофилами — К. Н. Бестужев-Рюмин¹⁴, сам оттачивавший перо на рецензиях по поводу каждого выходившего тома «Истории России». Но предметом пристального изучения и тщательного анализа этот историографический факт стал в наше время¹⁵.

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) начал свое образование под руководством отца, священника, преподавателя Московского коммерческого училища, в здании которого, кстати сказать, и родился будущий историк, о чем сообщает мемориальная надпись на доме № 38 по Метростроевской улице (бывшая Остоженка) в Москве. Сергей Михайлович очень рано почувствовал свое призвание, и это сыграло немаловажную роль в его научной жизни. В частности, он был заблаговременно выписан

¹³ *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг.: Общественная польза, Б. г., с. 148. (Далее: *Соловьев С. М.* Записки).

¹⁴ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896, т. 11, с. 147—148; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Лекции по историографии за 1881/82 года. СПб., Б. г., с. 208—210.

¹⁵ *Черепнин Л. В.* С. М. Соловьев как историк. — В кн.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959, т. 1, с. 48—50; *Пашуто В. Т.* Комментарии [к т. 1] — Там же, с. 753—754; *Илларицкий В. Е.* История России в освещении революционеров-демократов; *Цамутали А. Н.* Первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в оценке современников. — В кн.: История и историки: «Историографический ежегодник, 1971. М., 1973; *Он же.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. — Л., 1977, с. 97—126; *Колесник И. И.* М. П. Погодин об «Истории России» С. М. Соловьева. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976; *Она же.* Родовая теория С. М. Соловьева в оценке К. С. Аксакова. — Там же. Днепропетровск, 1977; *Она же.* И. Д. Беляев о географическом факторе в «Истории России» С. М. Соловьева. — Там же. Днепропетровск, 1977; *Она же.* Исторические взгляды А. А. Григорьева: (По поводу критики «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева). — В кн.: Проблемы историографии и источниковедения истории СССР. Днепропетровск, 1979; *Она же.* Полемика вокруг «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в русской дореволюционной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Она же.* Влияние С. М. Соловьева на развитие исторических взглядов А. П. Панова. — В кн.: Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII—XIX веков. Днепропетровск, 1982.

родителями из духовного звания, что открыло ему беспрепятственный путь к светскому образованию. В раннем детстве у Соловьева была своя Арина Родионовна — Марья-нянька, чье влияние на умственное развитие и формирование своего характера Соловьев ставил на первое место. То была простая женщина, прожившая тяжелую жизнь. Крепостная тульских помещиков, она маленькой девочкой была продана, а потом и перепродана купцам в Астраханскую губернию. Получив в чужом краю заусердную службу вольною, она, для того, чтобы возвратиться на родину, вынуждена была тут же пойти в кабалу к купцам, шедшим с товарами в Москву. Потом она не раз нанималась в услужение, много странствовала с богомольцами по Руси, о чем и рассказывала своему восприимчивому воспитаннику в живой и занимательной форме. На всю жизнь Соловьев сохранил о ней благодарные воспоминания¹⁶.

Вторым стимулом к развитию врожденной (как считал сам Соловьев) склонности к историческим и географическим занятиям послужили книги. Он с жадностью, по несколько раз читал и перечитывал труды по русской и всеобщей истории, а также книги о путешествиях. «Историю государства Российского» Карамзина, к примеру, до 13 лет (т. е. до поступления в гимназию, куда он был зачислен сразу в 3-й класс) Соловьев прочитал не менее 12 раз, что, бесспорно, послужило прочным фундаментом его исторических знаний. В гимназии и в университете он «почти не дотрагивался уже до Карамзина», ибо знал его «Историю» чуть ли не наизусть и, будучи студентом, «подсказывал» проф. М. П. Погодину, за что был даже прозван его суфлером¹⁷. Студенческое время Соловьева проходило «не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними»¹⁸.

По окончании Московского университета Соловьев в качестве репетитора детей семьи гр. А. П. Строганова провел два года (1842—1844) за границей. Он побывал в Германии, Бельгии, Франции, Чехии, где посещал лекции европейских ученых и сумел ближе познакомиться с состоянием исторической науки на Западе. Вернувшись в Россию, Соловьев сдал магистерские экзамены, получил в 1845 г. степень магистра за работу «Об отношениях Новгорода к великим князьям», начал преподавать в Московском университете, через два года защитил докторскую диссертацию («История отношений между русскими князьями Рюрикова дома»). Параллельно с двумя диссертациями Соловьев поразительно много писал не только по русской, но и по всеобщей истории. Как отмечал впоследствии его ученик и воспитанник по университетской кафедре В. О. Ключевский, деятельность Соловьева была «разделена между архивами, университетской аудиторией и письменным столом его кабинета.

¹⁶ Соловьев С. М. Записки, с. 5—8.

¹⁷ Там же, с. 59—60.

¹⁸ Там же, с. 60.

Он удивительно много и правильно работал», а «феноменально счастливая память помогала этой безустанной работе»¹⁹.

Формирование исторического мировоззрения С. М. Соловьева складывалось в переломную эпоху в истории России — в период кризиса феодально-крепостнической системы кануна отмены крепостного права, в период складывания идеологии русского буржуазного либерализма. В России 50-х годов прошлого столетия сильное влияние еще оказывала философия Гегеля, под воздействием которой находился и Соловьев. Гегель, писал Ф. Энгельс, «впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития»²⁰. Буржуазная историческая наука, в том числе и русская, восприняла из учения Гегеля главным образом его культ государства, которое представляет собой, по Гегелю, божественную идею и составляет основной предмет всемирной истории. Внимание к эволюции государства на определенном этапе было прогрессивным. Оно помогло русским историкам, в частности, сделать различие между «государством» и «самодержавием», а это воспринималось однозначно историками предшествующего поколения.

В основу своей исторической концепции Соловьев положил идею закономерности, толкуя ее в идеалистическом духе. Следуя общеисторической схеме Гегеля, он воспринимал историю как прогрессивный процесс смены одних «исторических» народов другими. Все народы, по Соловьеву, проходят две стадии развития: «молодости», когда преобладают чувства, и «старости», для которой характерен рассудок и спектицизм.

Выступая против субъективизма дворянских историков, Соловьев пытался вскрыть объективные, независимые от воли отдельных лиц, внутренние причины развития государства. А государство он рассматривал как продукт длительной борьбы старых родовых отношений с идущими им на смену отношениями частновладельческими. При этом государство трактовалось им как надклассовая организация, как учреждение, отражающее интересы всего общества; — в его трудах история народа отождествлялась с историей государства. Соловьев стремился выявить связь между отдельными историческими событиями и показать русскую историю, как единый последовательный процесс: «В истории ничего не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается»²¹.

Влияние Соловьева на развитие истории исторической науки в России огромно. Вполне прав В. Е. Иллерицкий, который в своей последней работе («Сергей Михайлович Соловьев») гово-

¹⁹ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 8, с. 352, 355.

²⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1957, с. 23.

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2. с. 652.

ры о том, что историческая концепция ученого во многом определила все последующее развитие буржуазной историографии в России, писал «Перефразируя известное изречение Ф. М. Достоевского: „Вся русская литература второй половины XIX века вышла из «Шинели» Гоголя“, — можно с неменьшим правом утверждать, что русская буржуазная историография последних десятилетий XIX — начала XX в., вышла из „Истории России...“ С. М. Соловьева. Этот труд представлял собой итог всего предшествующего развития русской историографии и, будучи ее высшим достижением, в свою очередь явился истоком последующего развития буржуазной исторической науки в России»²². Соловьев действительно во многом выступил новатором, и именно его имя знаменует собой начало становления историографии как самостоятельной научной дисциплины. Для личного же творчества ученого обращение к истории исторической науки было естественной потребностью и практической необходимостью. Взяв на себя труд написания многотомной последовательной «Истории России с древнейших времен», он столкнулся с необходимостью переосмысления опыта своих предшественников. Во вводной статье к новому советскому изданию «Истории России» академик Л. В. Черепнин справедливо подчеркивал, что обращение к историографии было связано для Соловьева с его общенсторической концепцией, которая, «объясняя на основе раскрытия „закономерностей общественного организма“ прошлое России, служила бы политическим ориентиром в современной автору действительности, намечая пути ее дальнейшего изменения от „малого“ к „великому“ без революционной ломки»²³.

Сам Соловьев свидетельствовал, что «Историей России» он начал заниматься потому, что «предшествовавшие труды не удовлетворяли»²⁴. Однако эту убежденность необходимо было доказывать. Для отстаивания новых взглядов на исторический процесс как процесс закономерного развития „от низшего к высшему“, Соловьев призывал историю исторической науки: сначала он выступал с университетской кафедры (с 1848/49 уч г.), затем в печати с серией историографических работ (1853—1857 гг.)²⁵.

²² Илерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980, с. 175—176.

²³ Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк, с. 18.

²⁴ Соловьев С. М. Записки, с. 141.

²⁵ Соловьев С. М. Николай Михайлович Карамзин и его «История государства Российского». — Отечественные записки, 1853, № 10; 1854, № 2, 5; 1855, № 4, 5; 1956, № 4; Он же. Герард-Фридрих Миллер. — Современник, 1854, кн. 10; Он же. Каченовский Михаил Трофимович. — В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, 1855, ч. 1; Он же. Писатели русской истории XVIII века. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855, кн. 2, ч. 1, отд. III; Он же. Шлёцер и антиисторическое направление. — Русский вестник, 1857, т. VIII; Он же. Исторические поминки по историке. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского

Первые же его историографические лекции насторожили университетское начальство. Ставленник министра народного просвещения — родоначальника пресловутой теории официальной народности гр. С. С. Уварова — ректор Д. М. Перевощиков причислил молодого профессора (Соловьеву было тогда 29 лет) к «опасным либералам» и указывал на него декану — эту должность занимал тогда сподвижник Погодина С. П. Шевырев. Ректор утверждал, что Соловьев „на первых лекциях, читая обзор русской исторической литературы, бранил всех писателей, бывших” до него, и старался показать, что до сих пор «не было сделано ничего в русской истории»²⁶. Слухи об «опасных» лекциях Соловьева распространялись и за стенами Московского университета, о чем, в частности, свидетельствуют полученные Погодиным письма из Петербурга²⁷. О несправедливости, допущенной по отношению к Соловьеву, говорит сам текст этих лекций. По счастливой случайности в архиве ученого сохранилась (в записи неустановленного лица) его первая лекция 1848/49 уч. г., — т. е. одна из тех, о которых вел речь ректор. После рассуждений о необходимости изучения истории — «чтобы узнать настоящее, нужно изучать прошедшее, отрешившись от настоящего»²⁸ — действительно идет «Обзор русской исторической литературы», о котором подробнее мы скажем в главе «Проблема периодизации русской историографии». Здесь отметим только то, что Соловьев в этом обзоре проявлял интерес к личности автора — будь то летописец, автор сказания или записок. Он следил за отражением в исторических сочинениях личностных черт автора — за их особенностями в зависимости от эпохи, от географического фактора, от социальной среды и конкретных жизненных обстоятельств; если таковые были известны. Но никаких бранных слов, в чем упрекался Соловьев, ни в чей адрес сказано не было. Сам Соловьев, вспоминая впоследствии этот эпизод, писал, что упомянутые лекции были им со временем напечатаны в «Архиве Калачова» (заметим от себя — кроме текста первой лекции). Значит, известная работа Соловьева «Писатели русской истории XVIII века», опубликованная в названном издании в 1855 г., представляет собой лекции, открывавшие соловьевский курс русской истории в 1848/49 уч. г. Как хорошо известно, данная работа была направлена вовсе не против «всех писателей, бывших» до Соловьева (наоборот, Соловьев «поднимал» многих историков XVIII столетия), а против исторической концепции Карамзина. Эту-то «опасную» направленность и почувствовал стоящий на официальных охранительных позициях ректор. Таким образом, историографиче-

университета... в день Карамзинского юбилея. М., 1867; см. также его автобиографические Записки («Мои записки для детей моих, а если можно, и для других») и ряд рецензий.

²⁶ Соловьев С. М. Записки, с. 126.

²⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 9, с. 119.

²⁸ ОР ГБЛ, ф. 285. п. 3, д. 1, л. 1.

ская проблематика не оставлялась в стороне от идейных столкновений времени, а, напротив, активно к ним привлекалась.

Потребность в историографии проявлялась в разнообразных формах. Возникновение новых буржуазных отношений и дальнейшее последовательное их укрепление в целом благотворно сказались на развитии исторической мысли в России. Рост разнотинной интеллигенции обогащал историческую науку, которая прежде была в руках почти исключительно дворянского сословия, отражавшего идеологию данного класса. Этот процесс сказывался и на изменении проблематики исторических сочинений (отход от изучения политической истории и переключение интереса на проблемы экономики, истории хозяйства, на вопросы государственности, права и т. д.), и на форме исторических трудов (наряду с многотомными работами, в которых авторы пытались охватить весь ход истории России, возникала монографическая разработка отдельных проблем). Постепенное изменение социального состава историков отразилось и на авторах, работавших в области историографии: наравне с учеными из дворян (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, А. С. Лаппо-Данилевский) историю исторической науки разрабатывали выходцы из духовного сословия (С. М. Соловьев, И. В. Лашников, В. О. Ключевский, М. О. Коялович) и других слоев разночинцев (Д. И. Багалей).

Одним из важных завоеваний восходящей буржуазной мысли было углубление и расширение исторических исследований, что в свою очередь неизбежно приводило к внутренней дифференциации исторической науки. Так, происходило разделение историков на изучавших отечественную и всеобщую историю. Однако это не означало полной профессиональной изоляции одних от других. Известны случаи, когда курсы по всеобщей истории читали специалисты по русской истории, такие, как М. Н. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, а специалисты по всеобщей истории, например С. В. Ешевский, занимали кафедры русской истории. В 1856/57 уч. г. в Казанском университете Ешевский читал даже обзор русской историографии, начиная с Хроники Сафоновича и заканчивая рассмотрением трудов С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Профессор того же университета Д. А. Корсаков, державший в своих руках студенческие записи этих чтений Ешевского, считал своим долгом засвидетельствовать, что они вызвали большой интерес у студентов и «для своего времени, по системе и полноте изложения, они являются образцовыми»²⁹. Дальнейшая специализация шла как по линии исследования отдельных эпох (античность, медиэвистика и т. д.), так и по группам стран (византиноведение, востоковедение и т. д.).

²⁹ Корсаков Д. А. Ешевский.— В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804—1904): В 2-х ч. Казань, 1904, ч. 1, с. 82.

В изучении прошлого России также расширялись, углублялись и образовывались новые сферы исторического исследования. Огромный ввод неизвестных ранее источников, возрастающие требования критического подхода к памятникам старины способствовали возникновению особых отраслей исторического знания — источниковедения и ряда так называемых вспомогательных дисциплин (палеография, дипломатика, метрология, хронология, сфрагистика, геральдика, нумизматика, генеалогия). Деятельность археографических комиссий и других организаций, учреждений и частных лиц по выявлению, собиранию, хранению и публикации источников решающим образом сказалась на создании дисциплины археографии. Усиливалось изучение смежных исторических дисциплин — этнографии и археологии. Естественно, что становилось все трудней следить за возрастающим выходом исторических сочинений. Стала ощущаться потребность в научных обозрениях исторической литературы.

Прогрессивный процесс специализации исторического знания требовал квалифицированной подготовки кадров. Прежде всего необходимо было вести профессорско-преподавательскую деятельность в открывавшихся один за другим университетах, которые становились центрами научной жизни страны. Внутри этих высших учебных заведений наибольшее число преподавателей приходилось именно на историко-филологические факультеты³⁰; лекции по истории читались и на других факультетах — юридическом, восточном и т. п. Специалисты-историки нужны были и для постоянного пополнения состава учителей гимназий, лицеев, институтов и т. д., где вводилось преподавание истории. Усилия историков требовались и при создании учебной литературы.

Появление систематического исторического образования, которого, как правило, не имели авторы XVIII и начала XIX вв., становившиеся историками по роду занятий, значительно повышало исследовательский уровень исторических трудов. Заметим, что все историки, занимавшиеся историографией, о которых идет речь в данной книге, имели высшее профессиональное образование.

Нужды преподавания также требовали обозрения источников и литературы. Подобные историографические обзоры преследовали практическую цель — собрать воедино главные работы по истории, ознакомить слушателей с тем, что было уже сделано до их появления в науке. Историография, таким образом, призывалась исполнять научно-информационную функцию.

Историография, как особая ветвь исторического знания, стала развиваться как учебная дисциплина. В дореволюционной России все основные работы по отечественной историографии

³⁰ См. таблицу численного состава профессоров и преподавателей университетов, приложенную к статье: *Эймонтова Р. Г.* Профессора старые и новые на рубеже 50—60-х годов XIX в. — В кн.: *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки.* М., 1981, с. 129.

вырастали из лекционных курсов. Вначале историографические введения предвляли общие курсы русской истории; в 70-х годах XIX в. В. О. Ключевский высказал мысль о целесообразности заканчивать общеисторический курс историей науки; когда же историография превратилась в специальный цикл лекций, то она стала обычно читаться на старших курсах — на 5—6-м или 7—8-м семестрах.

Обнаруженные нами в архиве несколько учебных программ и годовых отчетов профессора Юридического лицея кн. Безбородко в Нежине И. В. Лашнюкова достаточно полно вскрывают как общий процесс перерастания историографии из подсобного обзора источников и литературы в самостоятельный цикл лекций, так и его индивидуальный подход к преподаванию истории отечественной исторической науки, оказавшийся единственным в своем роде. Эти новые источники вносят поправку в нашу статью³¹, где мы высказывали предположение, что Лашнюков лишь готовился к прочтению историографических лекций в Киевском университете в 1868/69 уч. г., хотя при этом допускалась возможность того, что его «Очерки» являлись итоговым трудом 15-летней педагогической деятельности автора в Нежинском лицее. Архивные материалы полностью подтвердили это предположение и, более того, — они свидетельствуют, что Лашнюков начиная с 1854/55 уч. г. (то есть не после С. М. Соловьева, а одновременно с ним) регулярно читал историографию в стенах названного лицея.

Как историк Лашнюков был представителем того разночинного крыла, которое тяготело в середине прошлого века к буржуазно-демократическому течению русской исторической науки. Во многом его судьба была типичной для своего времени. В истории русской историографии Лашнюков — самая драматическая, если не сказать трагическая, фигура. К нему вполне применимы слова А. П. Чехова: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости»³².

Иван Васильевич Лашнюков (1823—1869) родился в небольшом украинском городке Конотопе в семье бедного сельского священника. Среднее образование он получил в Черниговской духовной семинарии. Мы не знаем, какие невзгоды пришлось ему претерпеть в детстве, но известно, что к моменту окончания семинарии его здоровье было сильно подорвано. Уже тогда несмотря на отличные учебные успехи, Лашнюков находился на «дурном счету за либеральные наклонности»³³. Под влиянием

³¹ Киреева Р. А. Из истории изучения отечественной историографии: (Некоторые особенности «Очерков русской историографии» И. В. Лашнюкова). — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971, с. 292.

³² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма, М., 1976, т. 3, с. 133.

³³ Вороной Ф. Предисловие к книге: Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1870, вып. 1, с. 1.

времени, когда наблюдался повсеместный процесс постепенного отхода молодежи из духовенства от своего сословия и возрастало ее стремление к светскому образованию, Лашнюков решил порвать с духовной карьерой (его прочили за незаурядные способности в Киевскую духовную академию). Но сделать это было нелегко, так как окончивший семинарию получал духовный сан и обязан был либо служить в отведенном ему церковном приделе, либо продолжать духовное образование. Чтобы вырваться из уз духовенства нередко приходилось прибегать к различным увороткам. Каким именно путем Лашнюков добился разрешения оставить церковное поприще — неизвестно.

Отдавая дань модной в то время философии позитивизма, которая начала проникать в Россию, и веря, согласно «духу» своего времени, в естествознание как основу всех наук, Лашнюков предпринял попытку поступить в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Однако из-за слабого здоровья ему в приеме было отказано. Больной, без гроша в кармане, он пешком пришел из северной столицы в Нежин и поступил в Лицей юридических наук кн. Безбородко. Из-за полного отсутствия средств к существованию, он жил в амбаре до тех пор, пока его там случайно не обнаружил сокурсник и не приютил у себя.

По окончании лицея Лашнюков окончил второе высшее учебное заведение — Киевский университет. Здесь он начал заниматься русской историей под руководством профессора Платона Васильевича Павлова — известного просветителя и демократа-«шестидесятника», тесно связанного с самыми передовыми кругами русской общественной жизни и непосредственно с А. И. Герценом. П. В. Павлова называли Грановским Киевского университета. Сам профессор в научной области считал себя последователем К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, т. е. причислял себя к «государственной школе». По авторитетному свидетельству своего друга и сокурсника Ф. Я. Вороного, Лашнюков был из первых и лучших учеников проф. Павлова. «Усвоенные в это время программа и метод остались навсегда характеристической особенностью Лашнюкова как преподавателя и исследователя, именно: критика источников истории и воззрений на нее ученых — как метод исследования, крупные вопросы политической истории культуры — как главный предмет исследования»³⁴. Автор этих строк отлично знал не только Лашнюкова, но и Павлова. Именно он был инициатором и одним из организаторов первых воскресных школ, руководство которыми, как известно, взял на себя проф. Павлов³⁵.

³⁴ Там же.

³⁵ Подробнее см.: *Ионова Г. И.* Воскресные школы в годы Первой революционной ситуации (1859—1861). — Исторические записки, 1956, т. 57; *Линков А. И.* Воскресные школы и русское революционное движение в 1860-х годах. — Исторический архив, 1959, № 6; *Тaubин Р. А.* Революционная пропаганда в воскресных школах 1860—1862 гг. — Вопросы истории, 1956, № 8.

Блестяще окончив с золотой медалью Киевский университет, Лашнюков все же не имел возможности сразу заняться научной работой. Два года (1851—1853) он проработал во 2-й Киевской гимназии учителем словесности. Затем Лашнюков вернулся в Нежин, где получил в лицее место сначала исправляющего должность, а потом и должность профессора истории и статистики. Назначали его и директором лицея, где он проработал 15 лет.

Лашнюков оказался одаренным педагогом, его заслуженно называли красой и гордостью лицея. После его ухода из лицея оставленная им кафедра пустовала пять лет — не могли найти достойной замены. Лашнюков писал специальные работы по вопросам педагогики, изучал систему образования в Европе, куда был командирован с научной целью в 1861—1862 гг. Одновременно с педагогической деятельностью он вел научную работу: в 1854 г. получил степень магистра русской истории, писал исследовательские работы по истории России (например, «Владимир Мономах и его время»), по историографии («Очерки русской историографии»), занимался проблемами славяноведения (к примеру, статьи «Славянская идея и ее судьба», «Современное политическое положение западных славян», «„Славянство и мир будущего“ Л. Штура»), выступал в печати с рецензиями на исторические труды. К большинству своих работ, в том числе и к курсу русской истории, Лашнюков подходил с историографических позиций — широко давал литературу изучаемых вопросов, сопровождая ее собственными критическими суждениями. Видимо, поэтому современники называли его курс русской истории *критическим*.

Неоднократно приглашали Лашнюкова в Киевский университет; в конце концов он решился принять это предложение. В 1868 г. он был избран одновременно с В. С. Иконниковым на одну должность — доцента русской истории. Вступительная лекция Лашнюкова «О составе древней русской летописи», по свидетельству одного из слушателей, несмотря «на то, что она произносилась слабым и прерывающимся голосом человека, страдающего злою чахоткою, произвела положительный фурор среди многочисленных слушателей, наполнивших громадную аудиторию»³⁶. Факультет представлял Лашнюкова в экстраординарные профессора. Это означало не только научное признание, но и удвоило бы его оклад, что было важно для постоянно терпящего нужду Лашнюкова. Но Совет университета отложил факультетское представление до получения решения министра. Состояние здоровья ученого продолжало ухудшаться. Он опасался, что у него не хватит больше сил продолжить чте-

Дронов И. Т. Первые воскресные школы в России.— Вопросы истории, 1970, № 6; Жураковский Г. Е. Из истории просвещения в дореволюционной России. М., 1978.

³⁶ Сребницкий И. А. Лицей князя Безбородко.— В кн.: Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881, с. 121.

ние лекций и вести научную работу вообще. Лашнюков начал строить планы возвращения в Нежин, надеясь там получить место директора лицея, должность которого он уже ранее исполнял. Он мечтал преобразовать лицей в Институт для приготовления учителей народных школ: «Нельзя придумать заведения более полезного, как это. Это было бы величайшим благодеянием для края»³⁷ — писал он другу — известному поэту и переводчику Н. В. Гербелю, систематически пересылавшего за границу А. И. Герцену русскую потаенную литературу. Киевский университет выдал Лашнюкову ссуду на лечение, помощь оказывал ему и Н. В. Гербель. Однако ничто уже не могло спасти его — в октябре 1869 г. Лашнюкова не стало.

При жизни Лашнюков мало успел опубликовать. Некоторые его работы, в том числе и «Очерки русской историографии», были изданы посмертно.

Личного фонда И. В. Лашнюкова в архивах нет. Не известно и местонахождение его рукописей. Единственным источником, дающим возможность проследить процесс складывания его историографического курса, являются найденные в общем делопроизводстве Нежинского лицея несколько его погодных учебных программ и отчетов о прочитанных лекциях.

К преподаванию в лицее Лашнюков приступил с середины 1853/54 уч. г. и поэтому вынужден был продолжать начатый другим курс русской истории. В тот год он не мог уже подключить к общему курсу историографию, но одна из тем³⁸, данная им для студенческих сочинений, стояла на грани источниковедения и историографии. Предшественник Лашнюкова (преподаватель И. Паевский) в своих чтениях историографических тем не касался. В лицее, как и в других учебных заведениях той поры, не предусматривался курс по историографии. Видимо, Лашнюков был первым, кто стал разрабатывать в Нежинском лицее историографическую проблематику. Следует обратить внимание, что он всегда во всех официально даваемых сведениях об использованной им в лекциях исторической литературе называл наряду с трудами Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и других имя своего учителя проф. П. В. Павлова.

Теперь на основании новых источников можно утверждать, что история исторической науки всегда занимала значительное место в деятельности Лашнюкова. В своем преподавании он обращался к историографии при чтении лекций на 1, 2 и 3-м курсах, ставя каждый раз перед собой как преподавателем иные задачи, с учетом подготовки своих слушателей. Так, неподготовленных первокурсников Лашнюков знакомил с историо-

³⁷ Отдел рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 179, д. 63 (листы без нумерации).

³⁸ «Какое имеет значение Несторова летопись в истории древней Руси?» — Нежинский филиал Государственного архива Черниговской области, ф. 378, оп. 1, д. 595, л. 64 об. (Далее: Нежинский филиал ГАЧО).

графией в составе общего введения к курсу русской истории, состоявшего из двух частей («источники русской истории» и «истории ее научного обрабатывания») и дополнения, содержащего сведения по исторической географии³⁹. Наиболее подробно содержание введения изложено автором в программе 1854/55 уч. г., в последующие годы оно давалось обычно более сжато, но в него вносились иногда отдельные уточнения и добавления. Во введении Лашнюкова важно подчеркнуть редкое для того уровня развития истории исторической науки понимание возможности различных подходов к одним и тем же памятникам — как к источникам по конкретной истории и как к историческим сочинениям отдаленных эпох. Именно такое понимание выгодно отличает Лашнюкова не только от современных коллег, но и от многих последующих авторов историографических работ, которые чаще всего начинали отечественную историографию с так называемых трудов по прагматической истории, т. е. с конца XVII—XVIII в., а более ранние памятники относили лишь к разряду источников. Лашнюков же писал, что он укажет «источники русской истории» и изложит «кратко историю ее научного обрабатывания», начиная с периода летописания⁴⁰. Не будем касаться его классификации исторических источников⁴¹, так как это уведет далеко в сторону. Скажем только, что он проявил себя знатоком древнерусских памятников, продемонстрировав тонкость подхода к изучению разнохарактерных источников, и перейдем к рассмотрению историографической части.

В русской историографии, или, как называл ее Лашнюков, в «истории науки русской истории», он следил за ходом ее последовательного развития и выделял три периода, каждому из которых соответствовал свой тип исторического сочинения. Поскольку речь о проблемах периодизации будет идти в другой главе, ограничимся здесь только этим упоминанием.

На следующий, 1855/56 уч. г. был оставлен для 1-го курса, казалось бы, тот же план. Однако была и разница — из истории науки русской истории Лашнюков изложил только первые два

³⁹ Лашнюков давал географический очерк земли, вошедшей в состав древней Руси. — Там же, д. 604, л. 5.

⁴⁰ Там же, л. 4.

⁴¹ Отметим попутно, что источники по русской истории он делил на два крупных разряда: 1) источники, в которых «изображается историческая жизнь русского народа с ее внешней стороны», и 2) то же — «с ее внутренней стороны». Внутри этих разрядов материал им систематизировался по происхождению (русские источники или иноземные, которые в свою очередь подразделялись по группам стран — скандинавские, византийские, западно-латинские) и по видам. К примеру, среди русских источников к первому разряду отнесены летописи, сказания и повести, Степенные книги, хронографы, разрядные книги и государственные акты. Во втором разряде выделены пять видов источников: сочинения богословские (догматические, созерцательные, полемические, слова и послания); жития святых; путешествия русских людей в другие страны — частных лиц и, отдельно, — лиц официальных — и, наконец, «русская поэзия; остатки искусств и ремесл».

периода, «причем, — отмечал он. — были читаны и сами па[мятники]»⁴². Видимо за счет знакомства студентов с самими историографическими источниками — историческими сочинениями — отведенного ранее времени на историографию XVIII — до середины XIX в. не хватало. Это — первый признак углубления чтения Лашнюкова по истории исторической науки.

В том же 1855/56 уч. г. для лиценстов 2-го курса (которые в прошлом году уже были слушателями Лашнюкова) его подход делается более сложным. Он ставит теперь задачу не только показать «постепенный ход исторического ведения», но и разобрать при этом «важнейшие исторические сочинения и те воззрения, под влиянием которых развивалось историческое ведение в разные эпохи»⁴³. Становилось очевидным, что узких рамок введения для реализации поставленной цели явно недостаточно. И действительно, в отчетах за 1856/57, 1857/58, 1858/59 уч. гг. встречаются сведения о том, что Лашнюков для вторых курсов в первом полугодии читал «историю науки русской истории по 1¼ часа в неделю»⁴⁴. Другими словами, историография в его преподавании становилась постоянным специальным циклом лекций.

В отчетах о чтении на 2-м курсе 1855/56 уч. г. Лашнюков отмечал, что, помимо ранее сформулированной цели, он сопровождал свое изложение критическими замечаниями обо всех важнейших исторических сочинениях, «Потом были разобраны мнения наших историков и новейших исследователей об удельном периоде и изложен нами наш собствен[ный] взгляд на этот период»⁴⁵. Здесь проявился известный критический метод Лашнюкова, который отличал его работы, к какой бы области исторического знания они не относились.

На следующий год для 2-го курса была сохранена та же задача — анализ исторической литературы в соединении с изучением первоисточников. Но так как второкурсники в прошедшем году прослушали историографию лишь первых двух периодов, то теперь все полугодие 1856/57 уч. г. было отведено для третьего периода — «с начала 18 века до нашего времени»⁴⁶. Таким образом, объем историографических лекций продолжал возрастать, а преподаватель, как и ранее, не укладывался в отведенное ему время. Тогда он стал делить курс по периодам и читать каждый из них отдельно. Аналогичные данные находим и в программах 1858/59 уч. г. Напрашивается вывод: у Лашнюкова постепенно выработывался единый двухгодичный цикл историографических лекций.

Для изучения творчества Лашнюкова сведения о чтении им третьего периода (с XVIII в. до современности) принципиально

⁴² Нежинский филиал ГАЧО, ф. 378, оп. 1, д. 613, ч. 1, л. 21.

⁴³ Там же, д. 616, л. 34.

⁴⁴ Там же, д. 170, л. 10; д. 183, л. 8 об.; д. 645, л. 3.

⁴⁵ Там же, д. 613, ч. 1, л. 21.

⁴⁶ Там же, д. 169, л. 26 об.

важны. Дело в том, что в посмертно изданных его «Очерках русской историографии» этот период дан слишком спрессовано. Ранее мы высказывали мнение, что Лашнюков лишь предполагал, но не успел разработать эту часть курса. Тогда мы основывались только на сведениях издателей сочинений Лашнюкова, которые сообщали во введении, что им далеко не все удалось разобрать в груде рукописей Лашнюкова; отсюда легко было допустить: либо историография XVIII — до середины XIX в. оказалась в непрочитанной части бумаг историка, либо ее совсем не было.

За последующие годы мы не располагаем программами и отчетами Лашнюкова. Сохранилась только программа по русской истории, предназначенная для III курса, которую условно можно датировать 1864 или 1864/65 уч. г. (рядом в деле лежат отчеты указанных годов). Лицеистам 3-го курса, имевшим уже представление об общем развитии исторической науки, Лашнюков предлагал изучение историографии отдельных проблем: например, «Воззрения на удельный период Карамзина, Погодина. Устрялова, Эверса, Кавелина и Соловьева», или «Славянская этнография Нестора в исследованиях Соловьева, Костомарова и Беляева»⁴⁷. Существовала у Лашнюкова еще одна форма работы со студентами — учебные сочинения на историографические темы. Итак, очевидно, что Лашнюков приучал лицеистов следить за новинками современной научной литературы и приивал им вкус к исследовательской работе.

Проблематика указанных и других сочинений говорит об особом интересе преподавателя к древнейшим периодам русской историографии и к трактовкам их в современной науке. Истоки такого интереса следует искать в его общеисторической концепции, которая во многом шла от Н. И. Костомарова. Еще в 40-е годы XIX в. сложилась традиция, поддержанная большинством киевских ученых, которая сводилась к изучению так называемой «народности» с сильным уклоном в изучение местной истории. Поэтому исследовательское внимание этих историков сосредоточивалось главным образом на Киевском периоде русской истории с противопоставлением его Московскому периоду. Последний трактовался как отступление от «естественного» хода русской истории из-за постоянных посторонних влияний (татарского, византийского и т. п.). Все эти черты свойственны и «Очеркам русской историографии» Лашнюкова.

Несмотря на то, что мы располагаем программами и отчетами Лашнюкова всего за 5 (из 15) лет его профессорской деятельности в Нежинском лицее юридических наук, но и они четко рисуют основные направления историографической деятельности этого самобытного и талантливое педагога-исследователя. В силу ряда объективных и субъективных причин Лашнюков не успел обобщить накопленный опыт. Тем не менее его педагоги-

⁴⁷ Там же, д. 680, л. 2; д. 682, л. 36 об.

ческая практика, оригинально и ярко отразившая типичный для того времени внутренний рост историографии, имеет большое значение для истории изучения отечественной историографии.

От совместной деятельности Лашнюкова и Иконникова в Киевском университете сохранилась программа, подписанная обоими доцентами и датированная ими 19 декабря 1869 г.⁴⁸ Эта программа разрабатывалась не для обычного лекционного курса в рамках учебной университетской программы — она предназначалась для испытания на степень магистра русской истории. Первый отдел ее составляла русская историография. Включение истории исторической науки в состав магистерского экзамена — важная веха в истории становления историографии как научной дисциплины. Ряд других архивных материалов также содержит сведения о том, что историография входила в состав магистерских испытаний для начинающих ученых, например, в Киевском или Харьковском университетах⁴⁹.

Таким образом, архивные источники вносят существенные коррективы в общее представление о развитии русской историографии, о коей до сих пор судили лишь по печатной продукции. вследствие чего создавалось впечатление, что после известных работ С. М. Соловьева долгое время — чуть ли не до 80-х годов XIX в., история исторической науки систематически не разрабатывалась. Между тем опыт Лашнюкова и других свидетельствует о том, что и в этот период шел хотя и медленный, но поступательный процесс накопления историографических знаний. Почти уже во всех университетах России стали постепенно вводиться специальные историографические курсы. Мы располагаем данными, что лекции по русской историографии читались в Петербургском, Московском, Киевском, Харьковском, Казанском, Новороссийском, Дерптском, Варшавском университетах, а также в Петербургской духовной академии, в Нежинском и Ярославском лицеях, на Высших женских курсах в Петербурге и Киеве и, вероятно, в ряде других учебных заведений. Все чаще в университетах историографические темы избирались начинающими преподавателями в качестве одной из пробных лекций; иногда по проблемам истории исторической науки защищались магистерские и докторские диссертации.

После реформ 60-х годов XIX в., когда социально-экономическое развитие России заметно убыстрялось, взгляды даже либеральных историков начинали отставать от запросов времени. То, что всего несколько лет назад считалось новым и передовым, превращалось в устаревшее и отсталое. Эту метаморфозу ощущали и сами историки: «Я из либерала, несколько не меняясь, стал консерватором», — признавался С. М. Соловьев⁵⁰.

⁴⁸ ЦГИА УССР, ф. 849, оп. 1, д. 77, л. 1—2.

⁴⁹ Там же, д. 27, л. 4—5; д. 77, л. 1—2; ЦНБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 73; ф. III, д. 47524, л. 3.

⁵⁰ Соловьев С. М. Записки, с. 152.

Влияние гегелевской философии постепенно ослабевало, наступала смена методологических принципов. Ту же эволюцию от гегельянства к позитивизму, которую претерпела западноевропейская буржуазная историческая наука, проделала и русская историческая наука. Позитивистское мировоззрение, возникшее в 1-й половине XIX в., но получившее широкое распространение в европейских странах с середины столетия, сильно повлияло на развитие русской буржуазной исторической науки стало оказывать с середины 70-х годов. Это философское течение претендовало на особое, «нейтральное» положение, на создание универсальной философии, всеобъемлющей синтетической системы, стоящей якобы и над материализмом и над идеализмом. Оно включало в себя множество оттенков и внутренних группировок. Но главный стержень позитивистской философии составляла идея эволюции.

Позитивизм в зависимости от конкретно исторических условий разных стран оказывал в них различное влияние. Советский историк-медиевист Е. В. Гутнова, изучавшая распространение позитивизма на развитие исторических знаний в западноевропейских государствах, показала, что в наиболее развитых капиталистических странах — Англии, Франции, Германии, где буржуазия добилась политического господства или участия в политической власти и где антагонизм между буржуазией и пролетариатом отчетливо проявился во 2-й половине XIX в., — позитивизм носил более консервативный и антиматериалистический характер. В странах же замедленного капиталистического развития — Италии, Испании, России, где еще сильны были пережитки феодализма и задерживалось обострение основного классового противоречия эпохи капитализма, — позитивистская историография конца XIX в. играла более прогрессивную роль. «Она широко использовалась леволиберальными и даже радикальными буржуазно-демократическими кругами как одно из орудий борьбы с мракобесием, мистицизмом и открыто идеалистическим, в частности религиозным, мировоззрением за утверждение научного, опытного знания»⁵¹. В России, таким образом, на определенном этапе распространение позитивистского мировоззрения было известным прогрессом в развитии буржуазной исторической мысли.

Распространялся позитивизм в России «в совокупности с либеральными, утопическими, мелкорадикалистскими и даже религиозными идеями Запада», — констатирует другой современный исследователь, философ П. С. Шкуринов в специальной монографии «Позитивизм в России XIX века». Своеобразным генератором позитивистских идей автор называет среду преподавателей и студентов высших учебных заведений, редакций журналов и газет⁵². Историки среди них занимали видное место.

⁵¹ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков: (Середина XIX в.—1917 г.). М., 1974, с. 64, ср. с. 239—240.

⁵² Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980, с. 49, 48.

Позитивисты, отождествляя естественные и общественные науки («поднимая» последние до уровня первых), признавали закономерность и прогрессивность исторического процесса, движущей силой которого считали развитие идеи. Они выступали за создание «рациональной» и «позитивной» истории, основанной на точном знании, что зачастую подменялось формальной выверенностью фактического материала. Взгляд на историю как на науку и признание возможности причинного объяснения исторических фактов объективно способствовал развитию исторической мысли и совершенствованию методов исторического исследования. Историки стали переходить от изучения индивидуальной деятельности отдельных лиц (типа правителей и полководцев), что было одной из характерных черт дворянской исторической науки, к изучению структуры и различных форм сторон истории общества. Отсюда происходил их интерес к историко-экономической проблематике.

Русских историков в системе позитивизма особенно привлекала теория эволюционизма, признававшая нормальным состоянием общества положение «равновесия» и считавшая всякое проявление классовой борьбы «болезнью общества», а революции — «аномалией» исторического развития, насильственной нарушающей органическое развитие общества. Идеей о «мирном», эволюционном общественном прогрессе, о постепенном создании идеального, в буржуазном смысле этого слова, «гармонического» общества без насильственной ломки старого строя пропитаны исторические и историографические труды русских буржуазных историков изучаемого времени. Это вполне отвечало стремлениям никогда не бывшей последовательно революционной русской буржуазии. При этом она, однако, была непрочь извлечь для себя практическую пользу из революционного опыта стран Запада — «безболезненно» перенести чужие результаты на русскую действительность, надеясь при этом с помощью реформ предотвратить революционные преобразования, остановить гнев народа и «уберечь» Россию от народного бунта. Эти настроения также находили свое отражение в трудах историков.

Между тем на историографическом фоне появлялись новые фигуры — К. Н. Бестужев-Рюмин, имя которого увековечено в истории русской культуры тем, что возглавляемые им Высшие женские курсы в Петербурге получили название «Бестужевских»; несколько позднее (в конце 60 — начале 70-х годов) В. С. Иконников выступил с ранними лекциями-статьями и лучшей своей историографической работой «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» (но основная работа Иконникова приходится на более поздний период); и М. О. Коялович, автор первой книги, целиком посвященной истории русской исторической науки.

К. Н. Бестужев-Рюмин был первым из историков России, для которого историографическая проблематика стала доминантой. Ранняя его работа по истории исторической науки (не считая

нескольких рецензий) появилась в 1859 г.; последняя — в 1896 г. Бестужев-Рюмин представлял собой весьма своеобразный тип историка; он испытывал на себе сильное влияние и либерально-буржуазной и дворянско-консервативной исторической науки. Он ярче, чем кто-либо из изучаемых нами историков, отразил в своем научном творчестве начавшийся процесс смыкания названных направлений. Характерная для него колеблющаяся позиция, пожалуй, с наибольшей силой сказалась в его историографических работах, в которых отчетливо видно сложное взаимодействие разных начал, сплетавшихся и постоянно сопутствовавших друг другу.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897) родился в деревне Кудрешках Горбатовского уезда Нижегородской губернии в старинной дворянской семье, ведущей свою родословную с начала XV в. от выходца из Англии Гавриила Беста. Но семья будущего историка в дни его отрочества начала уже разоряться. Его отец, страстный собиратель книг, прививал сыну вместе с аристократическими понятиями любовь к серьезному чтению. Он дважды вслух прочитал сыну (первый раз когда тому было 7 лет) «Историю» Карамзина и Миллота. Мальчик действительно пристрастился к историческому чтению и уже самостоятельно еще четыре раза перечитал Карамзина. С детства он также увлекся современной поэзией и иностранными языками. Однако его домашнее образование было очень не систематичным: «Заставляли меня учиться иногда очень усердно, — вспоминал впоследствии историк, — а иногда совсем забывали об учении»⁵³.

Образование Бестужев-Рюмин продолжал в частном пансионе Камбека, потом в Благородном пансионе при Нижегородской гимназии, а с 1840 г. — в гимназии. В пансионе он познакомился с будущим поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым; но прочная дружба, укрепленная позднее и родственными узами, связала двух гимназистов, двух будущих видных коллег-ученых — К. Н. Бестужева-Рюмина и С. В. Ешевского. Большое влияние на обоих друзей оказал их гимназический учитель — популярный русский писатель П. И. Мельников (псевдоним Андрей Печерский). В свое время он окончил Казанский университет, преподавал историю и статистику в Пермской гимназии, изучал историю и этнографию Пермского края, ездил за историческими материалами на Урал; с 40-х годов Мельников изучал в Нижнем Новгороде архивы, несколько позднее стал редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей». Писатель привлекал к литературной работе своих наиболее способных учеников, в том числе и Бестужева-Рюмина, чьи первые печатные статьи появились в названном издании в 1847 г. То

⁵³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Воспоминания (до 1860 года). — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1900, т. LXVII, № 4, с. 10. (Далее: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Воспоминания).

были отзывы о русских писателях — Д. И. Фонвизине, В. А. Озере, И. А. Крылове, Н. В. Гоголе.

Студенческие годы Бестужева-Рюмина совпали со временем реакции в общественной жизни николаевской России — он поступил на юридический факультет Московского университета в 1847 г. Бестужев-Рюмин слушал лекции представителей различных направлений: либеральных профессоров (Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина) и сторонников официально-охранительной теории (М. П. Погодина, С. П. Шевырева, П. М. Леонтьева). Как отмечал его ученик и биограф Е. Ф. Шмурло, Бестужев-Рюмин, мягкий и уступчивый по природе, испытывал на себе влияние всех и не мог вполне примкнуть ни к одному из них, что и впоследствии мешало ему встать на определенные позиции и стало «причиною бледности его научного „я”»⁵⁴. Для Бестужева-Рюмина действительно навсегда осталось характерным сочетание представлений историков дворянского и либерально-буржуазного направлений, но степень их влияния постоянно менялась. И все же в студенческие и первые за ними годы он был явно ближе к либеральному направлению: в полемике между Соловьевым и Погодиным он встал на сторону Соловьева, увлекался К. Д. Кавелиным, часто, помимо университета, встречался с Т. Н. Грановским, П. Н. Кудрявцевым, М. А. Максимовичем. Царившая тогда в России гнетущая атмосфера вызывала в Бестужеве-Рюмине протест, хотя и в форме умеренно-либеральной оппозиции. В кругу друзей, обсуждавших самый злободневный вопрос — крепостное право, — Бестужев-Рюмин горячо «настаивал на необходимом уничтожении его»⁵⁵. Родного племянника казенного декабриста, естественно, тянуло к прогрессивным кругам молодежи. В своих «Воспоминаниях» он свидетельствует, что под влиянием разговоров товарищей усилились его религиозные сомнения. Однако «материалистом, — пишет он, — я не сделался, но долго (до 60-х годов) оставался беспочвенным идеалистом. Революция 1848 года подействовала также отчасти возбуждающим образом; но мы носились в каком-то отвлеченном либерализме и социализме и мало понимали, в чем дело»⁵⁶. Он настолько увлекался новыми веяниями, что не мог даже сосредоточиваться на работе: «За работу я принимался какими-то порывами и ничего не кончал». Не раз в его мемуарах встречаются ремарки: «Охладел к этой работе»; «Я принялся перебирать акты, но далеко не дошел до конца»; статья «не была кончена», и т. п.⁵⁷.

В Москве зимой 1849 г. Бестужев-Рюмин вновь встретился со своим полудетским знакомцем А. Н. Плещеевым. То был как раз период наиболее активной деятельности петрашевцев. Пле-

⁵⁴ Шмурло Е. Ф. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич. — В кн.: Новый энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., Б. г., т. 6, с. 288.

⁵⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания, с. 33.

⁵⁶ Там же, с. 22.

⁵⁷ Там же, с. 32, 38.

щев к тому времени был уже известным поэтом — автором «русской марсельезы», гимна петрашевцев «Вперед! Без страха и сомненья...» и других стихотворений, звавших к гражданскому подвигу во имя освобождения. В ту зиму Плещеев сближался с прогрессивными кругами московской профессуры (Т. Н. Грановским, П. Н. Кудряцевым, С. М. Соловьевым) и студенчества, в том числе с близкими друзьями Бестужева-Рюмина Е. М. Феоктистовым и С. В. Ешевским. От последнего, в частности, Плещеев получил «запретные» сочинения: «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского, два письма Гоголя, «Перед грозой» А. И. Герцена⁵⁸. Бестужев-Рюмин был полностью в курсе этих дел, сам неоднократно встречался с поэтом. Беседы с ним, писал он, касались запрещенных книг, поэт намекал, что «в Петербурге есть общество». Вскоре — в апреле того же 1849 г. — Плещеев в Москве был арестован и отправлен в Петербург, где содержался 9 месяцев в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. За участие в кружке М. В. Петрашевского Плещеев, как известно, был приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой в Оренбургский край. «Когда Плещеева взяли, — читаем в „Воспоминаниях“ Бестужева-Рюмина, — я сильно задумался над тем, чтобы и нам не досталось, но гроза миновала нас»⁵⁹. Несмотря на достаточно сильный испуг, арест приятеля не остановил его. Вскоре он сблизился с другим видным деятелем общественного движения, помощником А. И. Герцена, членом 1-й «Земли и воли», впоследствии эмигрантом — В. И. Касаткиным. Лето 1857 г. они провели вместе: Бестужев-Рюмин читал в библиотеке Касаткина «Полярную Звезду», «Колокол» и другие запрещенные издания⁶⁰.

Вместе с тем, видимо, под влиянием поражения царизма в Крымской войне, которое Бестужев-Рюмин тяжело переживал, начался его постепенный отход от прежних позиций, обнаружившийся позднее, в 60-х годах. В условиях политической реакции пореформенного времени, когда оппозиционность либеральных кругов ослабевала и все заметнее становилось их сближение с правительственным лагерем, Бестужев-Рюмин начал править и стал солидаризироваться с реакционной теорией позднего славянофила Н. Я. Данилевского о прогрессе как смене культурно-исторических типов. Позиция Бестужева-Рюмина была очень типична для умеренного либерала, суть которой вскрыл В. И. Ленин: «Русские либералы выражают свое недовольство самодержавием лишь в такой форме, которую разрешает само самодержавие, т. е. которую самодержавие признает неопасной для самодержавия»⁶¹.

По окончании в 1851 г. Московского университета Бестужев-

⁵⁸ См. подробнее в кн.: Пустильник Л. С. Жизнь и творчество А. Н. Плещеева. М., 1981, с. 53—58.

⁵⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания, с. 24.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 257—258.

Рюмин занялся репетиторством, в частности по рекомендации Т. Н. Грановского был домашним учителем в доме Чичерных. Преподавал он и в Кадетских корпусах (в 3-м и 1-м). Со 2-й половины 50-х годов началась его журнальная деятельность. В 1856—1859 гг. он был помощником редактора «Московских ведомостей» В. Ф. Корша; пробовал вместе с университетским товарищем Н. В. Альбертини издавать свой журнал «Московское обозрение». Что касается общего направления журнала, то оно было, по признанию самого редактора, «весьма неопределенное, какое-то общее либеральное»⁶². На втором номере «Московского обозрения» прекратило свое существование.

Для своего издания Бестужев-Рюмин написал обширную статью «Современное состояние русской истории, как науки» — так произошла его встреча с Историографией. С тех пор история исторической науки стала его постоянной и любимой темой, прошедшей через всю его научную жизнь. Данная статья имела большое значение для уяснения автором своих собственных взглядов на историю исторической науки. Она служила ему основой для многих последующих работ, хотя представления Бестужева-Рюмина об отдельных историографических явлениях и претерпевали изменения. Основное содержание статьи составлял критический разбор первых восьми томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, исторические взгляды которого автор сопоставлял со взглядами на историю кн. М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, т. е. тех историков, кто писал «полные истории России». Высказывал Бестужев-Рюмин и свои требования к истории, как выразительнице народного самосознания.

Под влиянием общественного подъема, наступившего после смерти Николая I и после поражения в Крымской войне, в обстановке назревающей Первой революционной ситуации издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский пытался оживить журнал, потерявший свою былую славу после ухода отсюда В. Г. Белинского. Краевский решил обновить редакцию журнала приглашением новых сотрудников, в том числе и Бестужева-Рюмина с Альбертини. Оба приняли предложение⁶³.

Бестужев-Рюмин переехал в Петербург, где отныне протекала вся его дальнейшая деятельность. В «Отечественных записках», он сотрудничал до 1865 г. На страницах этого журнала Бестужев-Рюмин опубликовал много своих историографических статей и отзывов: об «Истории России» Соловьева (по мере выхода отдельных томов в свет), о работах М. П. Погодина, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, об историках-славянофилах и т. д. Сотрудничал Бестужев-Рюмин и в других изданиях.

⁶² Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания, с. 56.

⁶³ О деятельности журнала в этот период подробнее см.: Китаев В. А. «Отечественные записки» в идейной борьбе начала 60-х годов XIX в. — В кн.: «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 г., М., 1978.

На первом этапе Бестужев-Рюмин разрабатывал отечественную историографию в журнальных статьях. Они частично вошли впоследствии в сборник «Биографии и характеристики», частично остались рассеянными по отдельным изданиям. Специфика журнальной работы требовала от Бестужева-Рюмина сравнительно быстрого отклика на появлявшиеся новые исторические сочинения, что, естественно, накладывало свой отпечаток на тематику его историографических статей, и делало их автора по преимуществу историографом современности. Эта черта отличала статьи Бестужева-Рюмина от аналогичных работ, авторы которых сосредоточивали внимание в основном на предшествующем периоде развития исторической науки и не шли далее рассмотрения труда Карамзина.

В 1865—1884 гг. Бестужев-Рюмин возглавлял одну из главных кафедр — кафедру русской истории в Петербургском университете. В 1868 г. ему была присуждена докторская степень (минуя магистерскую) за источниковедческую работу «О составе русских летописей до конца XIX в.» (СПб., 1868). Этот труд явился важным этапом в истории изучения русского летописания — в нем высказывалась новая для того времени мысль о том, что русские летописи представляют собой не творения одного автора, а летописные своды, составленные из разнообразных источников. Крупный специалист в области источниковедения, Бестужев-Рюмин закладывал в Петербургском университете традицию начинать исследования с изучения источников.

В 1872 г. вышел первый том его главного исторического сочинения «Русская история», во введении к которому была впервые сделана попытка свести воедино результаты научных работ по отечественной истории. Здесь был собран автором большой фактический материал. Но подход его теперь к историографии изменился. Постоянные колебания, видимо, привели Бестужева-Рюмина в конце концов к выводу о необходимости подняться «над» всеми теориями, и ему казалось, что он нашел выход в так называемой «объективности». Теперь задачу историка он видел только в точном воспроизведении отдельных фактов и в изучении исторических памятников. Историк должен доставлять науке фактические знания, с которыми обязана считать любая теория. В «Русской истории» Бестужев-Рюмин выступил противником теоретических умозаключений и сам избегал высказывать категоричные суждения. Отсюда нарочитая сухость изложения материала, бесстрастная, почти протокольная фиксация фактов. Бестужев-Рюмин предостерегал историков от превращения истории в философскую диссертацию с примерами из истории: этот «род сочинений, — писал он, — наиболее вредный для самостоятельного развития науки и общества»⁶⁴. Допускалась лишь формальная характеристика фактического материала. Подобная точка зрения не была только особенностью

⁶⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 9.

Бестужева-Рюмина. Она получала все большее распространение и становилась типичной для многих позднейших представителей буржуазно-дворянской исторической науки конца XIX—начала XX в.

«Русская история» Бестужева-Рюмина открывалась обстоятельным введением, которое занимало чуть ли не половину всего тома (246 стр.). Оно сразу приобрело самостоятельное значение и было даже отдельно переведено на немецкий язык. Первая тема введения — «Понятие об истории». Как крупный источниковед, Бестужев-Рюмин наибольшее внимание уделил во введении характеристике источников. Специальный раздел введения посвящался проблемам исторической критики. Затем автор характеризовал источники по их видам: летописи, хронографы, отдельные сказания, жития святых, записки, письма, памятники юридические и государственные акты, памятники словесности (устной и письменной), памятники вещественные и сказания иностранцев. Заканчивалось введение темой «Научная обработка истории». Введение Бестужева-Рюмина к его «Русской истории» оказало заметное влияние на многие последующие труды по русской историографии. Предложенная здесь Бестужевым-Рюминым структура заимствовалась, например, М. О. Кояловичем; схема Бестужева-Рюмина легла в основу и капитального труда В. С. Иконникова «Опыт русской историографии». Ее отпечаток лежит и на ранних историографических лекциях А. С. Лаппо-Данилевского.

В разное время выступал Бестужев-Рюмин со статьями и речами об отдельных историках, начиная с ученых XVIII в. (В. Н. Татищева и А.-Л. Шлёцера) и кончая своими современниками — С. В. Ешевским и А. Ф. Гильфердингом. Некоторое время спустя он собрал эти свои работы, написанные в живой свободной форме, и издал их в одном переплете под названием «Биографии и характеристики» (1882). В отличие от работы С. М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII века», где также были собраны очерки о разных историках, работа Бестужева-Рюмина не была объединена единством замысла и единством изложения.

Заметной работой Бестужева-Рюмина по истории исторической науки оказались и «Лекции по историографии», прочитанные им на Высших женских курсах в 1881/82 уч. г. и вскоре литографированные. В своих лекциях профессор не выдержал той нарочитой сухости, которой отличалась историографическая часть введения к «Русской истории». По мере приближения к современным сюжетам материал излагался им со все большей живостью.

Взгляды Бестужева-Рюмина на отдельные историографические моменты и его оценки представителей исторической науки, таких крупных величин, как Карамзин и особенно Соловьев, претерпевали изменения, были неоднозначны и противоречивы. Эти сюжеты требуют специального исследования, а в настоящей кни-

ге будут рассматриваться лишь конкретные историографические суждения Бестужева-Рюмина в соответствии с общим замыслом работы.

В истории изучения отечественной историографии работы Бестужева-Рюмина оставили заметный след и послужили, так же как и труды Соловьева, фундаментом для последующих исследований истории науки.

Статьи, очерки, лекции по истории исторической науки, написанные Соловьевым, Лашнюковым, Бестужевым-Рюминым, ранние работы Иконникова — все они были еще написаны, так сказать, в жанре «малых историографических форм». Первым крупным историографическим трудом обобщающего характера стала книга М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», вышедшая в свет в 1884 г., затем дважды переиздававшаяся. В целом книга Кояловича была крупным историографическим событием — она свидетельствовала о качественном росте истории исторической науки и давала импульс для дальнейшего ее развития. Об историографии начали говорить как о самостоятельной научной дисциплине, даже стали отрицать ее «молодость», находя, что наука русской истории в своем развитии прошла уже значительный путь и накопила немалый опыт. Но по концепционным позициям книга Кояловича, разделявшего взгляды позднего славянофильства, резко отличалась от других работ по истории исторической науки. Она была проникнута нескрываемым субъективизмом, тенденциозностью, отрицанием какого-либо положительного влияния западноевропейской научной мысли. Осуждая идейную направленность, да и методику этой книги, все (или почти все) авторы последующих историографических работ представляли оппонентами Кояловича — против него выступали К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. А. Корсаков, В. С. Иконников, П. Н. Милюков.

Михаил Осипович Коялович (1828—1891) — сын священника, получил сугубо духовное образование — после духовного училища и Литовской семинарии в Вильно окончил Петербургскую духовную академию. Впечатления, вынесенные Кояловичем из детских и отроческих лет, прошедших в Гродненской губернии, наложили глубокий отпечаток на позднейшее мировоззрение историка. На это обратил внимание еще автор статьи «Памяти Михаила Иосифовича Кояловича» И. С. Пальмов: «Подавление русского элемента в крае польским, шляхетско-панским, с одной стороны, а с другой — начавшееся возбуждение и подъем русского народного духа через воссоединение униатов и др. — все это <...> определяло отчасти дальнейшее направление его жизнедеятельности»⁶⁵. В последующих работах Коялович — по-

⁶⁵ П[альмов] И. Памяти Михаила Иосифовича Кояловича. — В кн.: Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901, с. XIII—XIV.

борник панславистской концепции истории России и славянских народов, — о чем бы ни писал, все сводил к национальному вопросу, трактовавшемуся им с охранительных позиций. Для него интересы русского народа и русской аристократии были едины как некая национальная общность. При этом он проводил мысль о превосходстве православия над всеми иными религиями. Ни социально-экономических проблем, ни вопросов классовой борьбы Коялович не касался.

Окончив в 1855 г. Петербургскую духовную академию со степенью магистра⁶⁶, Коялович первые годы преподавал в семинариях Риги и Петербурга; с 1856 г. и до конца жизни служил в Петербургской духовной академии, где с 1862 г. стал профессором и читал лекции по русской историографии. «С самого начала моей профессорской деятельности, — свидетельствует он в своем предисловии, — я считал первейшею своею обязанностью вводить моих студентов прежде всего в область литературы науки русской истории и давать им такие указания, которые помогали бы сразу определять нужные им по тому или другому вопросу книги и узнавать при первом ознакомлении с новою книгой, чего ждать от нее, чего искать в ней. Поэтому я обыкновенно начинал мой курс русской истории с истории этой науки. С годами отдел этот увеличивался и требовал более и более времени для его изложения, так что, наконец, я вынужден был употребить на это весь учебный 1880/81 год»⁶⁷. Эти лекции и были положены им в основу «Истории русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Как можно судить по этому названию, Коялович, идя за Бестужевым-Рюминым, противопоставлял исторические источники трудам по русской истории. Это нашло отражение и в структуре, и в содержании книги. Так, две ее главы (гл. II — «Первоисточники» и гл. III — «Иностранные писатели») целиком посвящены источникам. Собственно, история исторической науки начинается с IV гл. («Первые опыты прагматического изложения событий»), в которой Коялович опять начинает с самых древних времен — с устных сказаний и былин, что само по себе было не только вполне обоснованно, но и делало честь автору. История историографии знает гораздо больше случаев, коогда авторы историографических работ начинали историю русской исторической науки лишь с XVIII в.

Конечно, вполне правомерно вводить историю источниковедения в общий процесс истории исторической науки как одну из составных ее частей, возникшей на определенном уровне ее развития. У Кояловича же, так же как, впрочем, и у многих других авторов, элементы истории источниковедения давались в отрыве

⁶⁶ Тема магистерской диссертации М. О. Кояловича «Литовская церковная уния» (СПб., 1859—1862. Т. 1, 2), докторской — «История воссоединения западно-русских униатов старых времен» (СПб., 1873).

⁶⁷ Коялович М. О. История русского самосознания..., с. XXXIX.

от поступательного развития исторических знаний. Между тем еще ранее книги Кояловича встречались попытки разделить источниковедение и историографию. Н. И. Костомаров, например, предпочитая источниковедение, признавал правомерность и источниковедческого и историографического подходов к одним и тем же памятникам и подчеркивал разницу между ними⁶⁸. Однако процесс размежевания названных дисциплин был трудным и постепенным. И впредь продолжало существовать представление об историографии как обзоре источников и литературы. Для многих работ по истории исторической науки было характерно частое смешение историографических, источниковедческих и библиографических подходов. Типичным было отношение к летописям и к другим историческим памятникам до XVIII в., как к «сырым источникам», в которых не видели принципиального отличия от актового, юридического материала и в которых не улавливали напластований и различных редакций, отражавших меняющиеся идеологические и политические взгляды их авторов. В силу этого длительное время не было представления о летописных сводах как об исторически сложившихся произведениях, в которых отражались тенденциозные, политические и классовые интересы. В итоге историки долгое время некритически повторяли тенденциозные оценки летописцев, не видя в летописях авторского осмысления событий. Все это тормозило изучение русской историографии древнейшего периода. На том, как шло это преодоление и как постепенно раздвигались хронологические рамки в изучении отечественной историографии, мы подробнее остановимся в главе третьей («Проблемы периодизации русской историографии»).

Возникновение марксизма означало революционный переворот в истории человечества, в истории мировой общественной мысли. Этот качественный, коренной перелом, произведенный марксизмом, был подготовлен всем предшествующим прогрессивным развитием мировой науки и культуры. Марксизм, считал В. И. Ленин, есть «*высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»⁶⁹. В деле пропаганды и распространения марксизма в России большую роль сыграл Г. В. Плеханов. В ряде работ, особенно в труде «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), он дал глубокое, марксистское толкование важнейших проблем исторической науки и подверг резкой критике позитивизм, неокантианство и другие идеалистические теории. Международный центр рабочего движения и передовой марксистской теоретической мысли переместился в Россию, которая стала родиной ленинизма, открывшего новый этап в развитии революционного марксизма, материалистической философии и исторической мысли. В. И. Ленин блестяще защищал марксизм от нападок бур-

⁶⁸ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. СПб., 1861, ч. 1, с. 18.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 49.

жуазных идеологов и ревизионистов всех оттенков и гениально развивал его в новых исторических условиях. Он подверг уничтожающей критике идеологические основы буржуазной науки, возрождающей, в частности, в области истории крайне субъективно-идеалистический подход. В. И. Ленин разоблачил реакционную сущность субъективно-идеалистических концепций, вскрыл их теоретическую несостоятельность. Не преходяще выдающееся значение теоретико-методологических трудов В. И. Ленина, знаменующих собой новый этап и в истории отечественной исторической науки.

На первых порах буржуазные идеологи игнорировали исторический материализм. Однако и они, в силу все более усиливавшегося влияния марксизма, вынуждены были обратить внимание на революционную теорию, а затем, почувствовав ее притягательную силу для масс и угрозу для себя, предприняли попытки опровергнуть марксизм, чтобы ослабить его растущее революционное воздействие. С этой целью они порывались либо создавать новые теории, либо реставрировать старые, внося в них коррективы. Сущность этого идейного кризиса удалось тогда же выразить Р. Ю. Випперу — идеалистические направления облекались тогда, писал он в 1912 г., «в форму какой-нибудь реставрации: это — неокантианцы, неохристианцы, неовиталисты и т. п. Назад к какой-нибудь тихой пристани, за какую-нибудь надежную стену!»⁷⁰

Изучение русской историографии в конце XIX — начале XX в. развивалось на фоне общего кризиса, в который входила буржуазная историческая наука с наступлением эпохи империализма и главными чертами которого являлись отрицание объективной исторической закономерности, разрыв с общественной практикой, проповедь бесконфликтного, эволюционного пути, что, впрочем, было и ранее характерно для историков-позитивистов. Но теперь идея эволюционизма более, чем прежде, противопоставлялась понятию революции, которая изображалась тормозом прогрессивного развития России.

Первая российская революция 1905—1907 гг. значительно ослабила позиции официально-монархической идеологии. Поколебала она положение и представителей буржуазно-либерального направления: они уже заметно теряли бывшее ведущее положение в науке. Перед лицом народной революции, которая сотрясала вместе со старыми устоями и старые концепции, и в поисках самозащиты от нее усилилось смыкание либерально-буржуазных и консервативно-дворянских историков, несмотря на различные течения внутри этих направлений.

Поразивший буржуазную историческую науку идейный кризис проявлялся в разнообразных формах и с неодинаковой интенсивностью в различных областях исторического знания.

⁷⁰ Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных лекций, 1900—1912. М., 1912, с. 275.

Внутреннее состояние отдельных исторических дисциплин также было неоднородным, что зависело от идейных позиций ученых, их разрабатывавших. В среде профессиональных историков не было цельного единого мировоззрения,—наоборот, на рубеже веков шел сложный процесс дифференциации историков. Одни, наиболее передовые ученые, начинали тяготеть к марксизму, другие скатывались на откровенно реакционные позиции, третьи оставались на устаревших позициях, четвертые уходили в нарочитую фактографичность, создавая чисто описательные или формально-фактографические работы.

Разлад между историческими концепциями и реальной действительностью делался все очевидней, что начинали понимать и сами историки. Углублявшийся кризис побуждал их искать причины идейного тупика — ответ пытались найти и в истории исторической науки. Историография фактически наделялась труднейшей функцией — задачей решения злободневного вопроса: «Терявшая почву под ногами буржуазная наука антимарксистского лагеря,—пишет академик М. В. Нечкина,—стремилась проследить этапы собственного развития, чтобы понять причины горестного кризисного состояния... Поиски ответа требовали историографических изысканий»⁷¹. Но дать положительный ответ на острейший вопрос современности историкам, оставшимся стоять на идеалистической платформе, не удавалось, да и не могло удасться. Вместе с тем подобное стремление объективно способствовало возрастанию интереса к отечественной историографии и приводило к тому, что ведущие силы «академической науки тогдашней России работали в области истории исторической науки. В конце 90-х XIX в. и начале 1900-х годов выходили из печати крупные труды по истории русской исторической науки: многоотомный «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова, книга П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли», литографированные лекции Д. И. Багалей⁷² и многочисленные статьи. В этот период над историографической проблематикой работали В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский.

Естественно, что болезненные черты времени сказывались и на работах по истории исторической науки. Среди русских ученых, профессионально занимавшихся проблемами отечественной историографии, под наиболее сильным влиянием неокантианства, становившегося в те годы философским знаменем буржуазной методологии, оказался А. С. Лаппо-Данилевский; отдельные элементы этого явления стали проявляться и у В. О. Ключевско-

⁷¹ Нечкина М. В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки).— В кн.: История и историки: Историография истории СССР. М., 1965, с. 6.

⁷² Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891—1908. Т. 1, 2; Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли.— Русская мысль, 1894 окт., 1895, апр., май, дек. Отдельные издания: 1-е изд.— СПб., 1897; 2-е изд.— 1898; 3-е изд.— 1913; Багалей Д. И. Русская историография. Харьков, 1911.

го в последние годы его жизни. Однако было бы большим упрощением думать, что кризисные явления находили быстрое и непосредственное отражение в историографических работах того времени. Этот процесс сказывался не сразу и при освещении не всех историографических вопросов. Наиболее отчетливо он запечатлелся в подходах историков к решению проблемы историографических направлений, о чем будет сказано в соответствующих главах нашей книги.

В. С. Иконникову принадлежит самый обширный труд по истории русской исторической науки — «Опыт русской историографии», два тома которого (в четырех книгах) были опубликованы при жизни автора, пятая книга — объемом примерно в 60 п. л. — осталась в рукописи⁷³. К этому следует присоединить его ранние работы — статьи по историографии XVIII в. и об отдельных историках, работу «Скептическая школа в русской историографии и ее противники», многочисленные обзоры исторической литературы и рецензии.

Владимир Степанович Иконников (1841—1923) родился в семье потомственного дворянина, заслуженного офицера русской армии. По воле отца он окончил Киевский кадетский корпус и в чине подпоручика начал военную службу. Но в годы Первой революционной ситуации под воздействием общественного подъема Иконников оставил военную службу и поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Как выясняется из его переписки с братом⁷⁴, этот шаг был совершен под непосредственным влиянием М. А. Максимовича и П. В. Павлова, преподававших тогда в Кадетском корпусе наряду с другими университетскими профессорами. Однако учиться в университете у проф. Павлова ему не пришлось, так как профессор в декабре 1859 г. уехал из Киева в связи с переходом в Петербургский университет. Прощальная речь профессора, где он, в частности, говорил о своем понимании роли университетов, надолго запомнилась: «Студенты должны сделаться проводниками знаний и здравых понятий в обществе; на обязанности университетской молодежи лежит сближение высших классов с низшими. Только посредством передачи низшим классам образования дворянство может искупить неправоту своих привилегий»⁷⁵. Впоследствии Иконников всегда сочетал научную работу с широкой просветительской деятельностью.

С 1861 г. Иконников становится сначала вольнослушателем, совмещая занятия в университете со службой в армии, а со 2-го курса — действительным студентом, и с этих пор он целиком по-

⁷³ Подробнее см.: *Киреева Р. А.* Незданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова. — В кн.: Археографический ежегодник за 1977 и 1978 гг. М., 1978—1979.

⁷⁴ ЦНБ АН УССР, ф. III, 47502.

⁷⁵ Прощальная лекция проф. П. В. Павлова опубликована в приложении к статье: *Барабой А. З.* Харьковско-киевское революционное тайное общество 1856—1860 гг. — Исторические записки, 1955, т. 52, с. 266.

связывает себя русской истории. Многие письма тех лет свидетельствуют об интенсивной и увлеченной научной работе студента Иконникова. Академик М. В. Нечкина обратила внимание на то, что «студенческие годы — важный этап в формировании ученого: занимается заря исследования. Постепенно определяется любимая отрасль избранной специальности. Рождается первая тема». Ученый, пишет она, начинается именно со студенчества⁷⁶. Выбирая тему для конкурсного сочинения, Иконников остановился на противоречивой фигуре писателя-публициста XVI в. Максима Грека, в судьбе которого отразилась острая идейная борьба того времени⁷⁷. В самом выборе темы как бы сфокусировались основные направления его будущей научной деятельности — интерес к истории общественной мысли, к истории просвещения, к изучению биографий. За это сочинение автор был удостоен золотой медали, утвержден в степени кандидата и оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию. Однако пробные лекции начинающего ученого (их темы пока не удалось установить) обеспокоили начальство «либеральным духом» и «вольными выражениями». На одну из них пришел ректор К. Н. Митюков, боявшийся каждого неосторожно сказанного слова и принимавший сейчас же «меры к устранению». Возможно, именно этот инцидент имел в виду С. Ф. Платонов, когда писал, что в молодости Иконников интересовался политикой, «чутко переживал русскую современность, имел определенные симпатии и антипатии и являлся строгим критиком для всего того, что считал злом русской жизни»⁷⁸. В результате Иконников был или отстранен от преподавания, или сам вынужден был покинуть Киевский университет. 1866/67 учебный год он провел в Харьковском университете, в должности приват-доцента по кафедре русской истории, а еще через год занял место всего-навсего учителя географии (даже не истории!) во 2-й Одесской мужской гимназии и преподавателя истории в частной гимназии женской. Вернуться в Киевский университет он смог после защиты в 1867 г. магистерской диссертации, проходившей в недавно открытом в Одессе Новороссийском университете⁷⁹, где два года спустя он защитил докторскую диссертацию («Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории»).

В последующие годы «либеральный дух» оставался характерным для Иконникова, что проявлялось в его широкой общественной и просветительской деятельности, в использовании изданий Вольной русской типографии — в ряде случаев он был пер-

⁷⁶ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974, с. 84.

⁷⁷ Эту же тему Иконников разработал подробнее в магистерской диссертации «Максим Грек и его время» (Киев, 1865—1866. Вып. 1, 2).

⁷⁸ Платонов С. Ф. Владимир Степанович Иконников. — *Анналы*, 1924, № 4, с. 256.

⁷⁹ Открытие Новороссийского университета состоялось 1 мая 1865 г.

вым историком в России, кто вводил в научный оборот материалы, печатавшиеся за границей А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Поддерживал Иконников связь и со своими первыми учителями — М. А. Максимовичем и П. В. Павловым. Как удалось установить, приглашению Иконникова в 1868 г. занять вакантную должность доцента в Киевском университете содействовали М. А. Максимович и А. Ф. Кистяковский. Несколько позднее уже сам Иконников помог П. В. Павлову вернуться в Киевский университет после отбывания последним ссылки в Ветлуге за публичную речь о тысячелетии России с осуждением крепостнического строя и половинчатости крестьянской реформы. Эта речь была произнесена 2 марта 1862 г., а 10 июня того же года по «высочайшему повелению» открытые ранее проф. Павловым воскресные школы были закрыты. Об этих событиях писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Высылают профессоров, как, например, Павлова; закрывают публичные курсы, организованные исключенными из университета студентами (...)»⁸⁰. Имя проф. Павлова неоднократно упоминалось на страницах «Колокола». П. В. Павлов письменно благодарил Иконникова, содействовавшего его избранию на должность профессора Университета св. Владимира в Киеве: «Мне остается только поблагодарить вместе с вами факультет за доверие ко мне (...) и вас лично поблагодарить за ваше постоянное участие ко мне. Я всегда вспоминаю с удовольствием о том радушном приеме, которым удостоило меня ваше семейство во время 3-го Археологического съезда»⁸¹. Следовательно, кроме официальных отношений, Иконников и Павлов поддерживали еще и личные.

Из оживленной переписки Иконникова мы узнаем, что он собирал материал по истории Первой русской революции, и в частности по истории студенческих волнений, о чем поступали к нему сведения из разных университетов страны. Иконников, отличаясь внутренним постоянством, не поддавался различным «модным» веяниям, сохранял свои умеренно-либеральные взгляды. Это помогло ему, в частности, не подпасть под националистические настроения, которые время от времени вспыхивали в стенах Киевского университета. В 1914 г. В. С. Иконников стал академиком. В годы Советской власти за ним было сохранено звание академика Российской Академии наук. Организованный по инициативе В. И. Ленина «Комитет по улучшению быта ученых» выплачивал ему пенсию. В 1920 г. Иконников был избран академиком украинской Академии наук по кафедре русской истории. То было признанием научных заслуг Иконникова, внесшего значительный вклад в развитие исторической науки.

Ряд крупных монографий, серии статей по истории русской общественной мысли, культуры, просвещения вышли из-под пера Иконникова. Много он сделал в области исторической библио-

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 433.

⁸¹ ЦНБ АН УССР, ф. 46, д. 467.

графии. Между тем отечественная историография становилась постепенно для него не только постоянной, но и главной темой исследования.

Свою первую лекцию по историографии Иконников прочитал в Харьковском университете в 1867 г., вторую — через год, для студентов Киевского университета. Обе они предваряли общий курс по русской истории, обе посвящались русской историографии XVIII в. (вторая затрагивала и начало XIX в.) и обе были опубликованы⁸². Однако в исторической литературе они обычно не находили отражения, в результате чего утвердилось мнение, что Иконников не разрабатывал последовательно историю исторической науки XVIII и XIX вв., а его работы о «Скептической школе» и об отдельных историках (Болтине, Шлёцере, Карамзине) составляли исключение. Между тем они свидетельствуют, что их автор начинал изучение истории науки с той темы и с того периода, которые он так и не успел отразить в многотомном «Опыте русской историографии».

Первая лекция «Очерк разработки русской истории в XVIII веке» и вторая «Общий взгляд на развитие науки русской истории» посвящались одному и тому же столетию, но не повторяли друг друга, а скорее развивали одна другую. Первая лекция вполне соответствовала устанавливавшейся после работ С. М. Соловьева традиции начинать русскую историографию с XVIII в. Иконников опирался на главную историографическую литературу своего времени — прежде всего на статьи С. М. Соловьева и на книгу А. В. Старчевского «Очерк литературы русской истории до Карамзина»⁸³. Иконникову, разделявшему позиции государственной школы, ближе был Соловьев, за которым он во многом следовал и влияние которого сильно сказалось на его историографических работах. Но уже в первой лекции обнаруживается та черта Иконникова, которая стала впоследствии для него характерной, — он стремился вводить читателя в круг научной литературы. То он давал историографию рассматриваемого вопроса, то сосредоточивал внимание на борьбе мнений вокруг той или иной фигуры, то указывал на использование трудов историков в последующей литературе.

Название второй лекции — «Общий взгляд на развитие науки русской истории» — говорит о попытках автора подняться над конкретным материалом и обобщить его: здесь его подход к историографии несколько усложнялся, делался многогранным. В обеих лекциях заметны элементы профессионального приема историка науки — он давал общую картину изучения истории в избранный период, пытался связать развитие исторических знаний с конкретно-историческими условиями страны; намечал

⁸² Иконников В. С. Очерк разработки русской истории в XVIII веке. Харьков, 1867; Он же. Общий взгляд на развитие науки русской истории. Киев, 1868.

⁸³ Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845.

в историографии отдельные направления и школы; ставил проблему взаимосвязи и влияния исторических наций Европы и России; широко использовал существовавшую в те годы специальную литературу и источники; говорил о крупнейших трудах отечественных историков по истории России и средневековой Европы; отмечал зарождение исторической критики; знакомил с историографией изучаемого вопроса⁸⁴. Естественно, что в пределах вступительных лекций эти темы не могли быть развиты и достаточно обоснованы — они были лишь пунктирно намечены. Но и это имело на определенном этапе историографическое значение.

После защиты в 1869 г. докторской диссертации («Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории») Иконников интенсивно работал над проблемами истории отечественной исторической науки. В 1871 г. появилась его известная историографическая работа «Скептическая школа в русской историографии и ее противники». Дополнительные важные сведения о его тогдашней научной деятельности находим в представлении историко-филологического факультета в университетский совет от 14 октября 1871 г., где сказано, что «Скептическая школа» составляла лишь часть уже завершеного Иконниковым историографического труда «Обзор теорий и систем в науке русской истории». «Некоторые из отделов этого труда, — читаем в документе, — например, об исторических трудах Шербатова и Болтина, об отношении философских и политических теорий XVIII века в истории Карамзина, о скептической школе, о современном состоянии русской историографии, составляют самостоятельные исследования»⁸⁵. Обычно Иконников сразу же по написании статей и монографий публиковал свои работы. Но «Обзор теорий и систем в науке русской истории» остался неизданным. Автор, видимо, по каким-то причинам временно отложил эту работу. Лишь отдельные части ее в виде разрозненных статей время от времени появлялись в печати. Кроме «Скептической школы», то были статьи о И. Н. Болтине, А.-Л. Шлёцере, Н. М. Карамзине, об исторических взглядах А. С. Пушкина. Вероятно, уже тогда возникали у Иконникова мысли о создании обобщенного историографического труда. А пока он продолжал накапливать необходимый для того материал. Примерно с середины 70-х годов Иконников постоянно выступал как рецензент, давал обзоры текущей исторической литературы во многих периодических изданиях: «Университетские известия», «Русская старина», в журнале «Древняя и новая Россия», «Сборник государственных знаний», а также публиковался на немецком языке в «Russische Revue». Одновременно Иконников плодотворно работал и в области конкрет-

⁸⁴ Подробнее см.: *Киреева Р. А.* Первые шаги В. С. Иконникова в историографии. — В кн.: *Проблемы истории общественной мысли и историографии.* М., 1976.

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 120, д. 696, л. 304об., 317.

ной истории и библиографии — постоянно печатались его статьи; к 1873 г. он завершил монографию о Н. С. Мордвинове⁸⁶, был ответственным редактором ряда изданий, в том числе «Биографического словаря профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира» (Киев, 1884); не ослабевала и его преподавательская деятельность.

В архивах Киева нам посчастливилось обнаружить 14 программ Иконникова к историографическому курсу за 1868—1879 гг. Программы зафиксировали процесс складывания историографии в самостоятельный курс, на базе которого, в свою очередь, вырос фундаментальный «Опыт русской историографии». Поэтому бесспорная ценность этих программ как источника состоит и в том, что они дают возможность восстановить во всей полноте обширный замысел Иконникова в области изучения отечественной историографии, воплотить который, однако, было не по силам одному человеку, даже столь трудолюбивому и упорному в работе, как Иконников.

Программы отразили в себе два периода историографической эволюции Иконникова, рубежом между которыми можно назвать 1873/74 уч. г. В начале первого периода Иконников предвещал историографическим обзором общий курс русской истории; затем стал читать небольшой цикл историографических лекций в течение одного 1-го семестра. Год от года его историографические лекции расширялись. И вот в «Университетских известиях» за 1876 г. находим следующее сообщение: «Ординарный профессор Владимир Степанович Иконников читает русскую историографию студентам 7—8 семестров по 1 часу в неделю»⁸⁷. (Аналогичные данные есть и в других источниках.) Следовательно, историография стала преподаваться им в течение целого учебного года и не на первом, а на четвертом курсе, что свидетельствует о возросшем уровне его историографических лекций и об утверждении новой учебной дисциплины в университетском образовании.

В ранних программах запечатлен исходный момент историографических представлений Иконникова и первые ростки их дальнейшего развития. Тогда, понимая предмет историографии в основном как историю развития систематического, а затем

⁸⁶ Книга В. И. Иконникова «Граф Н. С. Мордвинов» (СПб., 1873) была первой исторической монографией об этом видном государственном деятеле, который, по меткому выражению А. С. Пушкина, «заключает в себе одну всю русскую оппозицию» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1958, т. 10, с. 86). Автор ввел в свое исследование архивные материалы из фамильных рукописей Мордвиновых и документов Решетиловской библиотеки. Использовал Иконников и подцензурные публикации «Исторических сборников» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В частности, он впервые в России поместил на страницах своей книги фрагменты из «Мнения» и писем Мордвинова.

⁸⁷ Обзорение преподавания в Университете св. Владимира во втором полугодии 1876/77 учебного года.— Университетские известия, 1876, № 12, дек., с. 93.

прагматического изложения истории, он начинал курс с конца XVII — начала XVIII в. и в соответствии с этим пониманием выстраивал его. Иконников стремился излагать материал по историографическим направлениям, внутри которых освещал деятельность отдельных историков, изучавших русскую историю; из историков специалистов по всеобщей истории говорил иногда лишь о медиевистах. Развитие исторической науки в России он связывал с эволюцией исторической мысли на Западе. Как черту, свойственную в большей степени Иконникову, чем кому-либо иному историографу, следует отметить его тщательнейшее собирание исторической и историографической литературы.

Программы второго периода позволяют увидеть кропотливую и упорнейшую работу Иконникова над рядом новых историографических проблем при сохранении разработанных ранее тем. Вначале то были вопросы, связанные с историей отдельных видов источников: их классификация и характеристика (начиная теперь уже с летописей и летописных сборников). Это было безусловным расширением проблематики. Но по сравнению с Лашнюковым, понимавшим различие источниковедческого и историографического подходов к одним и тем же историческим памятникам, то было попятным шагом, так как Иконников не улавливал этой тонкости. Но в целом его взгляд соответствовал уровню современной ему науки.

В программе 1875/76 уч. г. впервые в очерке исторической критики появляется, как самостоятельная, тема «Труды по русской историографии»⁸⁸ (ранее перечислялись отдельные работы только в подсобном параграфе «Пособия»). Доминирующая тема программы — история собирания, хранения и издания исторических памятников. Новая проблематика, конечно же, не вмещалась в старые рамки. До того, когда были увеличены лекционные часы, Иконников вынужден был вводить ее за счет других частей курса — так, в тот год он читал не обо всех видах источников, как прежде, а только о древнейших: летописях, Степенной книге, хронографах, сказаниях. Как показывают программы, он и в дальнейшем обособлял и читал по отдельности некоторые локальные темы (например, о записках русских людей или о переписке), которые внутри хронологически подразделялись по векам⁸⁹. Впоследствии Иконников свидетельствовал в своем капитальном труде «Опыт русской историографии», что им, кроме общего историографического курса, читались «специальные отделы его»⁹⁰, что и подтверждают документально сохранившиеся программы и рукописные материалы из архива ученого. И на этом этапе Иконников вновь намеревался издать историографическую работу, что явствует из его письма к С. Н. Шубинскому от 29 мая 1876 г.: «Занят просмотром курса

⁸⁸ ЦГИА УССР, ф. 849, оп. 1, д. 76, л. 2.

⁸⁹ Там же, д. 77, л. 43.

⁹⁰ Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. I, кн. I, с. V.

по историографии для печати»⁹¹. Но опять-таки эта работа была отложена.

С конца 70-х годов XIX в. Иконников в историографическом курсе обособливал два крупных раздела (хотя и не всегда четко обозначал их). Это «Источники русской истории» и «История науки в главнейших ее представителях»⁹². Второй раздел он почитал более обработанным, так как по этой проблематике им были опубликованы две ранние статьи, с которых начинался его историографический путь, работа «Скептическая школа в русской историографии...», очерки об отдельных историках и была завершена рукопись «Обзор теорий и систем в науке русской истории». Поэтому теперь, т. е. во второй период работы над историографическим курсом, он целиком сосредоточился на темах 1-го раздела, которые дополнялись новыми, обогащаясь большим конкретным материалом. Историографические чтения Иконникова стремительно расширялись. Программы конца 70-х годов содержат в себе уже все элементы схемы будущего «Опыта русской историографии» и даже превышают его по своей проблематике⁹³.

Помимо лекций в Киевском университете, Иконников читал русскую историографию на Высших женских курсах в Киеве, во главе которых он стоял с 1881 по 1889 г.

Своеобразным источником для изучения эволюции историографических взглядов Иконникова являются также воспоминания о нем и «Записки по историографии», составленные его женой и неустанной помощницей в научной работе — А. Л. Иконниковой. Она переводила для мужа с европейских языков, переписывала рукописи, составляла указатели к его объемным работам, читала корректуру. Постепенно она сама овладела материалом, имела о нем четкое представление, легко и свободно ориентировалась в нем.

Анна Леопольдовна Иконникова (1847—1922) (урожденная Родзевич), со стороны отца происходила из польских дворян; мать ее была русской крепостной, выкупленной будущим мужем на волю. Среднее образование Анна Леопольдовна получила в Киевском Институте благородных девиц. Уже там проявились ее незаурядные способности, особенно к иностранным языкам. После окончания с отличием института она год осталась там на стажировку, а затем приняла место гувернантки в помещицкой

⁹¹ ИРЛИ в Ленинграде (Пушкинский дом), ф. 25.133/CLXXXI б. 13.

⁹² ЦГИА УССР, ф. 849, оп. 1, д. 77, л. 44, 44об.

⁹³ Программы дают возможность увидеть, что опубликованные четыре книги «Опыта русской историографии» раскрывают лишь восемь пунктов (1—7, 16) из предусмотренных 22-х. Темой рукописной книги стали еще шесть пунктов (8—11 и 14, 15). Оставшиеся восемь автор закончить не успел. Нереализованными остались из 1-го раздела «Памятники литературные как исторический материал» (отдельные сюжеты, темы затрагивались в «Опыте») и, как ни парадоксально, целиком 2-й раздел («История науки в главнейших ее представителях»), так давно считавшийся самим автором наиболее разработанным и неоднократно обещанный им читателям.

семье. С Владимиром Степановичем Иконниковым она познакомилась в Институте благородных девиц, где тот по окончании Киевского университета параллельно с подготовкой к профессорскому званию начал преподавать (1865/66 г. г.). Симптоматично, что свою первую печатную историографическую работу он посвятил Анне Леопольдовне.

Долгие годы Иконникова мечтала о высшем образовании, прорывалась даже с этой целью уехать за границу. Но реально осуществить свою мечту она смогла только в 1878 г., когда в Киеве открылись (при самом активном содействии Иконникова) Высшие женские курсы. Профессор читал на курсах русскую историю и русскую историографию, а с 1881 по 1889 г., как мы уже знаем, заведовал ими.

Окончив Высшие женские курсы (ВЖК), Иконникова входила в состав попечительского комитета при ВЖК, преподавала в течение 25 лет историю в 1-й Киевской женской гимназии, выступала с рефератами на исторические и художественно-литературные темы. Среди ее трудов есть книга по истории города Киева, опубликованные воспоминания о Ф. Я. Фортинском⁸⁴, рукописный роман «Интеллигентные силы» — любопытный исторический документ для изучения атмосферы, царящей в ученых кругах в 70-х годах прошлого столетия. В своих воспоминаниях на примере В. С. Иконникова она хотела показать «массу данных для изучения жизни вообще русского ученого и общественного деятеля»⁸⁵.

В течение многолетней преподавательской деятельности В. С. Иконников неоднократно излагал курс историографии целиком и по специальным отделам. Так как Иконников, как он сам об этом писал⁸⁶, постоянно следил с интересом библиографа за текущей исторической литературой, собирал библиографические редкости, местные издания и все эти сведения вводил в свой курс, заботясь о его библиографической полноте и увлекаясь подробностями, то его курс все усложнялся и становился все труднее для усвоения. Чтобы помочь студентам университета и слушательницам ВЖК, Анна Леопольдовна составляла для них пособия — в те годы не было учебников по историографии, но их необходимость ощущалась. Пособия Иконниковой пользовались достаточно широкой популярностью — по ним готовились не только студенты и курсистки, но и начинающие ученые при сдаче магистерских экзаменов. Вопреки тому, что сама Анна Леопольдовна как женщина не могла в условиях тогдашней российской действительности преподавать в университете, ее работа по существу являлась настоящим учебным пособием.

⁸⁴ Иконникова А. Л. Воспоминания о деятельности Ф. Я. Фортинского на Высших женских курсах в Киеве. — Чтения в Историческом обществе Нестор-летописца, 1903, кн. 17, вып. 12.

⁸⁵ ЦНБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 264.

⁸⁶ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев. 1891, т. 1, кн. 1, с. V.

Историографические взгляды обоих Иконниковых едины в своей основе. Поэтому-то «Записки по историографии» А. Л. Иконниковой⁹⁷ и являются источником изучения эволюции историографического мировоззрения В. С. Иконникова, особенно в тех частях, которые он не успел включить в состав своего капитального труда. Об основных работах Иконникова «Скептическая школа в русской историографии...», «Опыт русской историографии», об отдельных статьях, а также об его рукописных материалах мы будем неоднократно говорить в последующих главах.

Под сильным влиянием Иконникова находился Д. И. Бага-лей, историографические работы которого внесли немного нового в общее русло развития отечественной историографии. *Дмитрий Иванович Багалей* (1857—1932) был сыном ремесленника, образование получил в Киевском и Харьковском университетах. С 1883 г. он преподавал в Харьковском университете сначала в должности приват-доцента, потом — профессора (после защиты докторской диссертации в 1887 г. по теме «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства»). По политическим убеждениям принадлежал к умеренным буржуазным либералам. В 1906 и 1910—1914 гг. состоял членом Государственного Совета, был харьковским городским головой. Основные работы Багаля были написаны по истории России и Украины. Историографией стал заниматься под впечатлением лекций Иконникова, о чем сам ему неоднократно писал⁹⁸. Так же, как и он, Багалей свою первую пробную и вступительную лекцию посвятил историографии и с тех пор читал историографический курс. В 1911 г. в литографированном виде его «Русская историография» была опубликована⁹⁹.

Заметным явлением в истории изучения русской историографии стали работы буржуазного историка П. Н. Милюкова. *Павел Николаевич Милюков* (1859—1943) родился и вырос в Москве в семье архитектора. Он окончил 1-ую мужскую гимназию (1877) и Московский университет (1882).

Свою научно-преподавательскую деятельность Милюков начал энергично: преподавал в Московской земледельческой школе, в 4-й женской гимназии, на Женских педагогических курсах; с 1886—1895 гг. он — приват-доцент Московского университета. Он даже раньше своего учителя В. О. Ключевского прочитал историографический курс (1886/87 уч. г.), поэтому его работы и рассматриваются раньше работ Ключевского. В 1892 г. Милюков защитил магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа

⁹⁷ Подробнее см.: *Киреева Р. А.* А. Л. Иконникова и ее записки по историографии. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1973. М., 1975.

⁹⁸ ЦНБ АН УССР, ф. III, 47524.

⁹⁹ Багалей Д. И. Русская историография. Харьков, 1911.

Петра Великого». За это исследование он рассчитывал получить степень доктора, минуя степень магистра, как то недавно было получено М. С. Карелиным в стенах того же университета. Но ему, как известно, воспрепятствовал в том Ключевский.

В 1895 г. Милюков за связь со студенческим движением (его либеральным крылом) был уволен из Московского университета¹⁰⁰.

В Москву он вернулся спустя 10 лет, когда уже отошел от исследовательской работы и всецело отдался политической деятельности. Он стал одним из главных организаторов конституционно-демократической партии (кадеты), с 1907 г. — председателем ее ЦК; избирался членом Государственной думы. После Февральской буржуазно-демократической революции был министром иностранных дел во Временном правительстве, впоследствии — эмигрант¹⁰¹⁻¹⁰⁶.

В 1895—1897 гг. Милюков обрабатывал свои специальные курсы, готовя их к печати, в том числе и лекции по историографии. В результате появились книги «Главные течения русской исторической мысли»¹⁰⁷ и «Очерки по истории русской культуры».

Обращение к историографии было для Милюкова, по его собственному свидетельству, средством «отдать себе сознательный отчет в выбранном... направлении исторического изучения», который «превращался мало-помалу в средство оправдания перед публикой и перед товарищами по специальности»¹⁰⁸. Начиная с 1885 г. преподавательскую деятельность в Московском университете, Милюков в качестве пробной лекции избрал историографическую тему о так называемой юридической школе, сильное влияние которой он испытывал на себе. Так же, как и Бестужева-Рюмина, Милюкова больше интересовала история современной ему исторической науки, чем предшествующих эпох. Со следующего учебного года Милюков читал уже полный историографический курс, который и был положен им в основу книги «Главные течения...» Этот труд дополняет ряд его разновременных статей¹⁰⁹⁻¹¹⁰, которые Милюков продолжал писать, пока по-

¹⁰⁰ Советская историческая энциклопедия, М., 1966, т. 9, с. 452.

¹⁰¹⁻¹⁰⁶ Там же, с. 451—458; см. так же: БСЭ, М., 1954, т. 27, с. 493; БСЭ, М., 1974, т. 16, с. 266.

¹⁰⁷ Первоначально эта работа вышла в журнальном варианте (Русская мысль, 1894, окт.; 1895, апр., май, дек.). Затем она трижды переиздавалась отдельным изданием: Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897; М., 1898; СПб., 1913. Далее цитируем по третьему изданию.

¹⁰⁸ Милюков П. Н. Главные течения, с. III.

¹⁰⁹⁻¹¹⁰ Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). — Русская мысль, 1886, кн. IV; Он же. Сергей Тимофеевич Аксаков. — Там же, 1891, № 9; Он же. Разложение славянофильства: (Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев). — Вопросы философии и психологии, 1893, май, кн. 18/3; Он же. Скептическая школа в русской историографии. — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900, т. 59; Он же. Славянофильство. — Там же; Он же. Источники рус-

литик не вытеснил в нем историка. Однако эти работы Милюкова не всегда полностью учитываются в историографической литературе.

Историю русской исторической мысли, так же как и историю русской общественной мысли Милюков рассматривал с идеалистических позиций, игнорируя социально-экономические факторы и отрицая значение классовой борьбы.

Вряд ли есть необходимость подробно рассматривать хорошо известную историческую концепцию Милюкова, считавшего характерными чертами русской истории «примитивность» и «крайнюю элементарность». Отсюда делался вывод об извечной отсталости России и благотворном влиянии Запада, отсюда чрезмерное преувеличение степени влияния западноевропейской мысли на развитие русской общественной и исторической мысли на всем протяжении ее развития. Заметим попутно, что нечто подобное Милюков высказывал, еще будучи гимназистом, когда выступил с докладом по типичной для него теме «Исключительность и подражательность». По его собственному признанию, там высказывались уже некоторые черты его будущего социального и политического мировоззрения.

Мы неоднократно столкнемся с этой его тенденциозностью при рассмотрении решений Милюковым конкретных историографических проблем.

В эти же годы, когда выходили из печати труды указанных выше авторов, интенсивно работали над историей исторической науки крупнейшие буржуазные ученые дореволюционной России — В. О. Ключевский и А. С. Лаппо-Данилевский.

Однако их историографические курсы не были завершены и в подавляющем большинстве оставались неопубликованными. Дошедшие до нас материалы часто носят фрагментарный характер, отдельные места этих лекций приходилось восстанавливать по разрозненным записям.

Тем не менее, собранные вместе, эти историографические источники дают возможность довольно полно представить эволюцию историографических воззрений Ключевского и Лаппо-Данилевского, проанализировать их взгляды на развитие исторических знаний в России и понять главные идеи, положенные авторами в основу своих курсов по истории исторической науки.

Василий Осипович Ключевский (1841—1911) так же, как и его учитель С. М. Соловьев, был выходцем из духовенства. Его

ской истории и русская историография. — Там же. СПб., 1900, т. «Россия». Милюков также написал биографии отдельных историков — братьев И. В. и П. В. Киреевских (Там же. СПб., 1895, т. 29), Н. И. Костомарова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева (см.: «Историческая записка о деятельности имп. Московского археологического общества за первые 25 лет существования». М., 1890), статью о В. О. Ключевском (см.: «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». М., 1912); и др.

ранние детские годы прошли по месту службы отца — бедного сельского священника в селах Воскресенское и Можаровка, маленьком уездном городке Городище Пензенской губернии. Первым его учителем также был отец. В числе книг, прочитанных мальчиком Ключевским в детстве, были (изданные Н. И. Новиковым) поэмы «Иосиф» П. Ж. Бютоэ и «Потерянный рай» Д. Мильтона да караэмзинский альманах «Аглая». После внезапной трагической гибели отца, когда Василию Осиповичу шел всего 9-й год, мать с детьми переехала в Пензу. В этом городе он учился последовательно в приходском духовном училище (1851/52 уч. г.), в духовном уездном училище (1852—1856 гг.), в духовной семинарии (1856—1860 гг.). Подобно Соловьеву, Ключевский не мог выписаться заранее из духовного звания, ибо тогда он лишился бы казенного пособия, в чем его семья всегда испытывала острую нужду. Но чтобы получить светское образование, Ключевский, преодолев сопротивление духовного начальства, прочившего его в Казанскую духовную академию, не завершил среднее духовное образование. Он бросил семинарию на последнем курсе.

Год юноша самостоятельно готовился для поступления в университет и готовил к экзаменам сыновей пензенского фабриканта Маршева, что было для него немалым материальным подспорьем. Репетиторством Ключевский занялся очень рано — чуть ли не со второго класса, да и в дальнейшем продолжал давать частные уроки.

Ключевский поступил и блестяще окончил Московский университет (1861—1865 гг.), был оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию, защитил обе диссертации — «Жития святых как исторический источник» (1872 г.) и «Боярская дума Древней Руси» (1882 г.). Преподавал Ключевский в различных аудиториях — в Александровском военном училище, где читал в течение 17 лет курс по всеобщей истории, в Московской духовной академии, на Высших женских курсах, в Училище живописи, ваяния и зодчества — его последняя любимая аудитория.

Но главной кафедрой была университетская. Здесь он читал наряду с другими курсами и лекции по русской историографии¹¹¹.

Интерес к историографии возник у Ключевского очень рано, даже до того, как он стал профессиональным историком — на ученической скамье, почти одновременно с пробуждением интереса к истории вообще, когда делались «первые усилия в познании родного прошлого». Тогда-то и появилось у него «любопытство» к современной исторической литературе. Вспоминая свои

¹¹¹ Подробнее о жизни и деятельности В. О. Ключевского см.: *Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.*

семинарские годы, когда он с товарищами, «едва одолев учебники истории всеобщей и русской», усиленно читали и обсуждали историческую периодику и исследования ведущих ученых того времени (Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, П. Н. Кудрявцева, К. Д. Кавелина, Ф. И. Буслаева, Б. Н. Чичерина и других), В. О. Ключевский писал: «Мы смутно чувствовали, что и в русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые сокровенные углы русской жизни». Эта-то причина и «удерживала» его за чтением исторической литературы^{111а}. В целях экономии места мы не будем здесь характеризовать основные взгляды и историографическое наследие Ключевского, так как в свое время имели случай подробно проследить процесс работы Ключевского над историографическим курсом¹¹². Напомним только, что Ключевский, в отличие от Милюкова (чрезмерно преувеличивавшего несамоостоятельность и зависимость русской исторической науки от западноевропейской), стремился показать формирование и развитие самостоятельных национальных традиций в русской историографии, не отрицая при этом и западного влияния. Ведущую роль в отечественной историографии Ключевский отводил русским ученым.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919) был одним из наиболее разносторонних историков своего времени. Ему принадлежит ряд работ по социально-экономической и политической истории России, по истории культуры, источниковедению (особенно дипломатики, археографии, методологии истории).

Однако до последнего времени Лаппо-Данилевский не был еще известен (или почти неизвестен)¹¹³ как историк исторической науки. Между тем богатое рукописное наследие ученого открывает возможность изучить эту новую сторону его научной биографии.

Из историографических работ Лаппо-Данилевского опубликована мизерная часть, не носившая систематического характера.

Это — рецензии и статьи об отдельных историках, написанные по разным поводам (чаще всего по заказу Академии наук);

^{111а} *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983, с. 164, 265.

¹¹² *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

¹¹³ Отдельные упоминания об историографическом курсе Лаппо-Данилевского встречаются в воспоминаниях о нем И. М. Гревса, Б. А. Романова, А. Е. Преснякова. Впервые об историографических представлениях Лаппо-Данилевского говорилось в статьях: *Киреева Р. А.* Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1971. М., 1973; *Она же.* Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии. — История и историки: Историографический ежегодник, 1978. М., 1981.

некрологи да посмертно опубликованный неоконченный «Очерк развития русской историографии», адресовавшийся английскому читателю¹¹⁴.

Как теперь выяснилось, Лаппо-Данилевский занимался проблемами отечественной историографии в течение всей своей научно-педагогической деятельности. Обычно он читал историографический курс с интервалами в два года, иногда — через год. В промежутках между курсами Лаппо-Данилевский продолжал работать над вопросами историографии, значительно пополняя, углубляя и расширяя ее проблематику. В его архиве отложились рукописные свидетельства этой упорной и многолетней работы. Обнаруженные материалы дают основание говорить не только о том, что Лаппо-Данилевский пополняет собой ряды русских историографов, но и утверждать, что он выдвигается среди них на передний план.

Судьба Лаппо-Данилевского, по сравнению с его коллегами, складывалась наиболее благоприятно. Ему не надо было порываться с родной средой и «вырываться» из своего сословия с тем, чтобы получить «светское образование», как вынуждены были то делать выходцы из духовного сословия С. М. Соловьев, И. В. Лашнюков, В. О. Ключевский. Ему не грозила нужда, и он не бегал, как те, по частным урокам. Ему не пришлось, как В. С. Иконникову, в угоду отцу учиться в Кадетском корпусе и служить; ему не надо было, как К. Н. Бестужеву-Рюмину, зарабатывать журнальной работой. Ничто «постороннее» не отрывало и не отвлекало его. Но жил Лаппо-Данилевский в крайне сложную эпоху. Формирование его мировоззрения началось в годы глухой реакции, в период как бы замедленного исторического развития; значительная часть жизни историка прошла в насыщенный событиями период. Не случайно людей того поколения Александр Блок называл детьми «страшных лет России», переживших «испепеляющие годы». Так же, как и поэт, Лаппо-Данилевский был современником трех войн — русско-японской, Первой мировой и гражданской, и трех российских революций. Известно, что талантливые натуры обычно наиболее полно и ярко отражают в своем творчестве состояние эпохи, ее изломы, независимо от того, осознавали они это или нет. Они отражают не только передовые, положительные явления, но и болезненные черты времени — искания, заблуждения, характерную аберрацию мышления. В области исторической науки к таким людям принадлежал А. С. Лаппо-Данилевский.

Александр Сергеевич родился и вырос в богатой дворянской семье и был, что называется, питомцем «усадебной культуры». Он получил хорошее домашнее образование, которое, как отме-

¹¹⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии. — В кн.: Русский исторический журнал. М., 1920, кн. 6.

чают его биографы, явилось основой будущей эрудиции историка. Детство и отрочество его прошли в южном имении отца — предводителя дворянства Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, а затем вице-губернатора Таврической губернии. Около двух лет семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии. По возвращении из-за границы мальчик поступил в Симферопольскую гимназию, которую окончил с золотой медалью в 1882 г. В гимназические годы Лаппо-Данилевский начал интересоваться философией. В своей автобиографической заметке он отмечал, что по труду Льюиса познакомился с системами Конта и Милля, а под влиянием Тэйлора, Спенсера и Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром.

В том же 1882 г. Лаппо-Данилевский поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Уже в юности достаточно отчетливо проявилась политическая направленность Лаппо-Данилевского. В противоположность революционно настроенной молодежи он в 1884—1885 гг. принимал деятельное участие в студенческом научно-литературном обществе, которое объединяло так называемое «идеалистическое студенчество». Названное общество мечтало противопоставить «научную работу как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству»¹¹⁵. Однако даже это вполне благонадежное общество было закрыто правительством. Впоследствии Лаппо-Данилевский стал членом кадетской партии; избирался от Академии наук в Государственный совет при 1-й Думе; после Февральской революции 1917 г. входил в комиссию Ф. Ф. Кокошкина по выработке избирательного закона в Учредительное собрание.

В научном плане Лаппо-Данилевский в первые годы находился под влиянием государственной школы. В частности, под воздействием Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского он занялся изучением государственного строя Московского государства. Его магистерская диссертация была посвящена организации прямого обложения в Московском государстве XVII в. В 1886 г. Лаппо-Данилевский был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию.

Научная карьера Лаппо-Данилевского была на редкость блистательной и стремительной. В 1890 г. он приват-доцент Петербургского университета и экстраординарный, а потом и ординарный (с 1891 г.) профессор Историко-филологического института; а всего лишь через 9 лет (в 1899 г.) в 36-летнем возрасте Лаппо-Данилевский был избран в действительные члены Академии наук и с тех пор принимал активное участие в научной деятельности Академии сначала в звании адъюнкта, затем экстраординарного (с 1902 г.) и ординарного (с 1905 г.) академика. Небезинтересно для сравнения напомнить, что С. М. Соловьев

¹¹⁵ Там же, с. 59.

был избран в академики в возрасте 52 лет, В. О. Ключевский — в 59 лет, К. Н. Бестужев-Рюмин — в 61 год, П. С. Иконников — в 73 года^{115а}. Однако столь скорое научное признание не избавило Лаппо-Данилевского от раздумий о правильности избранного им пути. Уже будучи академиком, он, например, высказывал сомнения — не стоило ли ему посвятить свою жизнь музыке. Широта научных интересов Лаппо-Данилевского в различных областях знаний была огромна: он изучал юридические и экономические науки, физику, химию, астрономию, самостоятельно прошел полный курс математического факультета — в его архиве сохранились рукописи по теории вероятности, дифференциальному исчислению и т. п. Ученики и друзья Лаппо-Данилевского с горечью свидетельствовали о его постоянных колебаниях, неуверенности, переходивших «в мучительную нерешительность передать работу, по существу готовую, типографскому станку»¹¹⁶. Этим свойством можно отчасти объяснить, почему историографический труд Лаппо-Данилевского остался неопубликованным.

Работы Лаппо-Данилевского по истории исторической науки ярко отразили его собственную эволюцию, внутренний рост научной дисциплины историографии и типичные черты буржуазно-дворянской исторической науки периода ее кризиса.

Лаппо-Данилевский занимался русской историографией в течение всей своей педагогической и научной жизни. Вначале он читал историографический курс по предписанию начальства. Затем, постепенно углубляясь и увлекаясь историей исторической науки, Лаппо-Данилевский стал все более и более отдавать ей свое исследовательское время. В результате накопился обильный историографический комплекс. До наших дней сохранились отдельные фрагменты и несколько детальных вариантов планов и проектов историографического труда. Но в большинстве случаев намеченные темы так и не были им до конца разработаны. Постоянно подбирался и систематизировался новый материал, набрасывались отдельные суждения, делались замечания, писались и авторские тексты, которые, в свою очередь, испещрялись дополнениями и уточнениями. Все это отражает поиск ученого, но на всем этом лежит печать незавершенности.

Рукописи Лаппо-Данилевского в подавляющем большинстве не имеют датировки. Конкретное содержание, авторские пометы, библиографические сноски и другие наблюдения все же дают возможность определять (хотя бы приблизительно) последовательность их написания. Историографические взгляды Лаппо-Данилевского, тесно переплетенные с его общеполитическими, теоретическими и историческими воззрениями, претерпели значительную эволюцию. Все эти моменты в совокупности позволя-

^{115а} Академия наук СССР. Персональный состав, М., 1974, № 1.

¹¹⁶ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922, с. 40.

ют выделить три периода в работе историка над проблемами отечественной историографии.

1-й период — 90-е годы XIX в. Философско-историческая концепция Лаппо-Данилевского во многом предопределяла его подходы к русской историографии. В первые годы своего преподавания (с чем и было связано появление его историографических работ) Лаппо-Данилевский находился под влиянием философии позитивизма. Он, как свидетельствовал его ученик и биограф А. Е. Пресняков, «был глубоко захвачен этим течением и долго перерабатывал в своем мышлении его воздействие»¹¹⁷. Итак, разделяя ставшими традиционными для буржуазно-либеральной исторической науки позитивистские взгляды, Лаппо-Данилевский, являясь сторонником государственной теории исторического процесса, вполне традиционно подходил тогда и к истории исторической науки.

Курс по русской истории, прочитанный им для студентов 1-го курса в 1890/91 уч. г., открывался вводными лекциями по источниковедению и историографии, объединение которых было характерным для истории обеих дисциплин на начальной стадии их формирования. Оно отражало общий уровень развития исторической науки, когда источниковедение и историография все еще не вполне обособились, так как не были еще достаточно разработанными. Подобный подход и соответствующее построение материала, как мы видели, шло от К. Н. Бестужева-Рюмина, поддерживалось М. О. Кояловичем, В. С. Иконниковым, Д. И. Багалеем, т. е. было в известной степени в традициях дореволюционной историографии. Насколько можно судить по сохранившейся литографии, правленной автором, вступительная часть курса Лаппо-Данилевского не являлась единичной обзорной лекцией, как нередко бывало в более ранних курсах других авторов. То был небольшой цикл лекций объемом в 156 литографированных страниц. Листаж между разделами «Памятники», где рассматривались «памятники языка», «памятники вещественные», «памятники народной словесности и письменные», и «Историографией» делился примерно поровну, а точнее — «Историография» занимала страниц на шесть меньше. Вскоре, а именно с 1892/93 уч. г., историографическая часть превратилась в специальный курс лекций по русской историографии и оставалась таковым все последующие годы.

Традиционным был исходный момент в историографических лекциях — начинать с конца XVII — начала XVIII в. Иногда Лаппо-Данилевский читал курс и с середины XVIII в. (со Шлёцера). Летописный период тогда им в историографию не включался, а сведения о важнейших исследованиях о летописях в виде списка литературы приводился автором в первой, источниковедческой части.

¹¹⁷ Там же, с. 12.

В области истории решающую роль Лаппо-Данилевский придавал развитию идей, которые считал первопричиной исторического развития. Так же и в истории исторической науки он следил за причинно-следственной связью историографических явлений, придавал самодовлеющее значение развитию идей, чрезмерно преувеличивал западное влияние на русскую историческую мысль. Это нашло конкретное выражение в эволюционизме — история исторической науки представлялась им как абсолютно безконфликтный, ровный процесс. Опуская почти полностью характеристики отдельных историков и их трудов, Лаппо-Данилевский подчеркивал почти исключительно причинно-следственную зависимость историографических явлений. Но все это делалось им тогда предельно сжато.

Ранний цикл историографических лекций Лаппо-Данилевского носил в целом еще очень общий, обзорный характер, но и там уже были элементы, отличавшие его подход к истории науки от подхода предшественников, которые он развивал и разрабатывал в следующем периоде. Это стремление к периодизации русской историографии, тенденция к выявлению направлений в науке, внимание к истории самой историографии. Последней темой заканчивалась историографическая часть курса.

2-й период — начало 1900-х годов, когда начался отход Лаппо-Данилевского от позитивизма и шел поиск новых методологических позиций. В 1902 г. он выступил в печати с критикой основателя позитивизма О. Конта в работе «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», опубликованной в сборнике «Проблемы идеализма». Весь сборник был ориентирован главным образом против долго господствовавшего в русской научной мысли позитивизма; ему противопоставлялся идеализм. Редактор сборника П. И. Новгородцев при заказе этой статьи в письме к Лаппо-Данилевскому, содержащем просьбу поддержать лейтмотив издания, в частности писал: «Ваша репутация и Ваше имя в науке (...) делают для нас особенно желательным удар позитивизму, нанесенный Вашей рукой»¹¹⁸. Что касается историографии, то эти процессы не находили еще в ней непосредственного отражения.

В начале 1900-х годов Лаппо-Данилевский особенно интенсивно и плодотворно работал над проблемами истории исторической науки. Мы склонны считать работы данного времени вершиной внутренней историографической эволюции Лаппо-Данилевского. Теперь для него стали характерными новые подходы к историографии с теоретической точки зрения; сказались влияние международных конгрессов по истории науки, участником которых он был. В этот период он выдвигал требование систе-

¹¹⁸ Цитируется по статье: Грехова Г. И. Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 8, с. 265.

матической полноты изучения историографии. В противоположность первому периоду, когда он почти избегал приводить сведения об авторах исторических произведений, теперь он предпологал подробно освещать жизненный путь и творчество историков. Во втором периоде Лаппо-Данилевский значительно расширил понимание предмета историографии; серьезное внимание уделял вопросам периодизации русской историографии и значительно расширил хронологические рамки отечественной историографии, которую начинал теперь с XI—XII вв.; ставил вопрос о «школах» и «направлениях» в исторической науке; говорил о месте историографии в общей системе наук; разрабатывал историю самой историографии. При этом Лаппо-Данилевский стремился выявить внутреннюю эволюцию каждой проблемы. Все эти вопросы более подробно рассматриваются в соответствующих главах данной книги.

Сама теоретическая постановка Лаппо-Данилевским ряда историографических проблем была для своего времени нова. Общий замысел труда по истории исторической науки и частичное осуществление его отражают возросший уровень историографической мысли в революционной России. Можно лишь выразить сожаление, что Лаппо-Данилевский не успел именно на втором этапе, когда он находился на подъеме, создать обобщенный историографический труд.

Примерно в 1910-х годах (точнее датировать невозможно) наступает новая полоса — *3-й период* в работе Лаппо-Данилевского над русской историографией, тесно связанной с ползатым движением его общей идеалистической позиции — с переходом на неокантианские позиции. Неокантианство Лаппо-Данилевского явилось выражением общего кризиса буржуазной исторической науки начала XX в., для которой в целом было характерно возрождение идеализма.

К тому времени Лаппо-Данилевский уже заканчивал работу над «Методологией истории», где с неокантианских позиций разрабатывал теорию исторического источника. Несколько позднее он попробовал с той же меркой подойти к истории исторической науки, о чем конкретнее пойдет речь в последующих главах.

Завершает историографические работы Лаппо-Данилевского несколько неоконченных материалов, написанных после 1916 г. Среди них рукопись трех частей «Очерка развития русской историографии», две части которой были посмертно опубликованы в 1920 г. Все они в совокупности могут быть рассмотрены как итог многолетней работы ученого. Но, на наш взгляд, этот итог ниже работ Лаппо-Данилевского, написанных им в течение второго периода его историографических изысканий. Он пытался было вернуться к исходным позициям первого периода, но и их он уже не мог полностью разделять. Много собственных ценных наблюдений и выводов, действительно обогащавших науку, теперь попросту выпадали — осталось лишь хронологическое рас-

ширение историографии, но это делалось и другими исследователями — М. О. Кояловичем, В. О. Ключевским, В. С. Иконниковым и др.

Неокантианство, таким образом, оторвав Лаппо-Данилевского от собственных научных достижений второго периода, ничего не дало ему. Для историографических работ Лаппо-Данилевского осталось характерным отсутствие окончательных решений и незавершенность. Его труд остался как бы эскизом огромного замысла, свидетельством поиска и постоянного труда ученого. Видимо, не случайно Лаппо-Данилевский говорил: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами; оценку людей, преданных делу, можно производить только с таких точек зрения»¹¹⁹. Многие высказанные им соображения, наблюдения и выводы, несомненно, интересны. Его высокое профессиональное мастерство, исследовательский талант обогатили разработку истории русской исторической науки. По сравнению со своими коллегами, он более глубоко и широко, но и более отвлеченно подходил к проблемам историографии. В рамках буржуазной историографии именно Лаппо-Данилевскому принадлежит наиболее глубокое осмысление отечественной историографии. Но и он не смог найти действительно научный подход к истории исторической науки и не сумел обобщить собственные достижения, метался и по существу возвращался к старым, исходным рубежам. В этом проявился его личный кризис как ученого, в этом сказалась и несостоятельность буржуазных идеалистических теорий в целом.

Обнаруженные в архивах труды Ключевского, Лаппо-Данилевского и других дают основание полагать, что и дальнейшие поиски могут привести к новым ценным находкам. Однако, что бы там ни было разыскано, это не сможет изменить общего представления о незавершенности историографических работ, как одной из особенностей буржуазной исторической науки периода ее кризиса. Данное наблюдение относится не только к Ключевскому и Лаппо-Данилевскому, не успевшим создать цельного историографического сочинения, не только к Багалею, лишь литографировавшему свои лекции, но даже к авторам опубликованных книг — Милюкову и Иконникову. И тот и другой предполагали завершить начатую работу, о чем неоднократно оповещали читателей. Оба они (правда, в разной степени) продолжали работать над историей отечественной исторической науки, но оба так и не сумели осуществить свои замыслы, так и не закончили и не обобщили свои историографические изыскания.

На последнем этапе истории дореволюционной историографии начинал подниматься новый вопрос, свидетельствовавший

¹¹⁹ Цитируется по статье: Гревс М. И. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: (Опыт истолкования души). — Русский исторический журнал, кн. 6, с. 80.

о качественном росте научной дисциплины — историографии. Это вопрос об определении места истории исторической науки в общей системе знаний. Еще Коялович говорил о русской историографии как части национально-русской науки. «Можно было бы проследить русские сочинения, — писал он в своем историографическом труде, — по всем у нас наукам, не исключая даже естествознания и математики, и показать, какие русские особенности они отражают в себе»¹²⁰. Ключевский вводил историографию в общий корпус сугубо исторических знаний наряду с методологией истории, терминологией, источниковедением. Милюков рассматривал историографию как элемент истории русской культуры, вобравшей в себя главнейшие особенности развития России, «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»¹²¹. Лаппо-Данилевский в значительной степени разделял указанные точки зрения, а под влиянием международных конгрессов историков, которые организовывались начиная с 1900 г. и в работе которых он принимал участие¹²², стал более широко подходить и к этой проблеме. На международных конгрессах создавались специальные секции и подсекции по истории науки: физики, математики, естествознания и медицины. Лаппо-Данилевский заинтересовался общими науковедческими проблемами и в связи с этим по-новому стал подходить и к истории исторической науки, как к части не только русской, но общемировой истории науки. Теперь он стал отмечать, что курс русской историографии имеет двойное значение — общее и специальное: «*Общее значение* курса состоит в том, что он принадлежит к разряду курсов *по истории науки*; *специальное* в том, что он дает некоторое понятие о развитии *русской исторической науки*»¹²³.

В глобальном развитии науки Лаппо-Данилевский различал два влияющих друг на друга процесса: это — «логическое раскрытие данной научной идеи» и «реализация» данной научной идеи «в данных условиях пространства и времени». Относя историю исторической науки к истории всей науки, он считал, что общие задачи и приемы истории наук «можно выяснить и на примере истории истории; во всяком случае их следует иметь в виду и при изложении истории истории»¹²⁴.

Таким образом, возрастающий интерес к историографии способствовал внутреннему росту истории исторической науки. Усилиями С. М. Соловьева, И. В. Лашнюкова, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича, В. С. Иконникова, В. О. Ключевского,

¹²⁰ Коялович М. О. История русского самосознания..., с. XXXIX.

¹²¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909, с. 3.

¹²² А. С. Лаппо-Данилевский был участником 3-го (Берлин, 1908) и 4-го (Лондон, 1913) Международных конгрессов историков.

¹²³ Архив АН СССР, Ленинградское отделение (ЛО), ф. 113, д. 68, л. 901.

¹²⁴ Там же, л. 903.

П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского и других, много сделавших для внедрения курса лекций по русской историографии в учебный процесс, история исторической науки стала самостоятельной научной дисциплиной. Историография достаточно быстро расширяла свои первоначально чисто вспомогательно-информационные функции, сводившиеся на ранних этапах почти исключительно к обзору исторической литературы. С скромно возникнув из потребностей обучения сначала в качестве одного из элементов введения к общеисторическому курсу, историография интенсивно перерастала тесные рамки предисловий, энергично превращалась в самостоятельный цикл лекций, занимая свое место в общей системе преподавания, и, наконец, перерастала в особую область исторического знания, выходя из учебных аудиторий на страницы печатных работ — обзоров, статей, книг, многотомных изданий. Университетское преподавание способствовало становлению и дальнейшему совершенствованию истории исторической науки.

Ознакомившись в общих чертах с основными моментами из истории изучения русской историографии в дореволюционной России с середины XIX в., переходим теперь к более подробному раскрытию трех важнейших теоретических проблем истории исторической науки: посмотрим, как понимали дореволюционные ученые предмет историографии, как периодизировали отечественную историографию и что разумели под направлениями в исторической науке.

ТЕРМИН «ИСТОРИОГРАФИЯ» И ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОНИМАНИИ ИСТОРИКОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В сложном процессе дифференциации наук, в становлении и формировании новых дисциплин важным моментом является выявление и уточнение круга вопросов, которыми призвана заниматься данная наука. Определение предмета исследования, как правило, складывается и осмысливается не сразу. Для этого требуется накопление известного опыта и наличие устойчивого исследовательского интереса. В истории науки известны примеры, когда вновь возникающие отрасли знания какое-то время обходились без специализированных названий. Если за дисциплиной утверждается определенное наименование, фиксируется отчетливый круг изучаемых проблем — значит, данная отрасль науки прошла начальный, «организационный» период и наступил уже следующий, более высокий уровень ее развития.

В. И. Ленин обращал внимание на то, что человеческие понятия не неподвижны, что «анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними“ (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий»¹. Важность изучения истории возникновения, процесс выработки, развития и толкования определенных научных понятий очевидна и по отношению к изучению истории отечественной историографии.

Трактовка термина «историография» самым тесным образом смыкается с пониманием сущности данного предмета. Но все же эти понятия не тождественны. В данной главе мы кратко остановимся на истории термина «историография» и постараемся показать, что понимание предмета истории исторической науки менялось не только у различных историков на разных этапах развития исторической науки, но в некоторых случаях наблюдались изменения представлений о содержании историографии у одного и того же автора.

Наиболее полно интересующую нас дисциплину отражает название «история исторической науки». Оно твердо вошло в научный оборот в наши дни после выхода в свет первого тома

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

«Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955). Но возникло оно значительно раньше. Попытки данного названия были довольно продолжительными. Дореволюционная историческая наука подходила к нему, пользовалась им, но не закрепила его в своей практике. В историографической литературе середины XIX — начала XX в. встречаем следующие варианты: «литература русской истории», «литература науки русской истории», «обозрение литературных мнений», «историческое ведение», «историческое деписание», «история русского самосознания», «течения исторической мысли», «разработка русской истории», «история русской истории», «история работы русской мысли над русской историей», «история истории», «история науки истории», и, наконец, «история исторической науки».

В лекциях, а позднее и в печатных работах по мере изложения конкретного материала, при наименовании внутренних параграфов или отдельных тем вместо этих сложных словосочетаний все чаще стало применяться как синоним более удобное и компактное слово «историография». Любопытно отметить, что термин «историография», довольно широко применявшийся дореволюционными историками, все же редко выносился ими в заголовки работ. Вспомним главнейшие историографические произведения: «Писатели русской истории XVIII века» С. М. Соловьева, «Биографии и характеристики» К. Н. Бестужева-Рюмина, «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» М. О. Кояловича, «Главные течения русской исторической мысли» П. Н. Милюкова, не говоря уже о более ранних работах, где также в названиях этот термин отсутствовал. Первым использовал его И. В. Лашнюков в работе «Очерки русской историографии». Лишь к концу XIX в. слово «историография» стало встречаться и в названиях: «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» и «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова, «Юридическая школа в русской историографии» П. Н. Милюкова, «Русская историография» Д. И. Багалая, «Очерк развития русской историографии» — фрагмент из курса А. С. Лаппо-Данилевского, опубликованный в «Русском историческом журнале». Неизвестно, как бы озаглавил свою работу В. О. Ключевский, если бы готовил ее к изданию, но лекции по истории исторической науки он называл историографическими.

Однако более удобный и практичный термин «историография», прочно вошедший в научную терминологию, таил в себе определенные сложности, ибо он с самого начала был и остается до сих пор неоднозначным. Этот термин применялся прежде всего по отношению к самой исторической науке с тем, чтобы отличить ее от житейского употребления слова «история» в смысле происшествия, какого-либо события. Но главным образом он употреблялся для обозначения различных обзоров источников и литературы. Это отчасти было зафиксировано К. Н. Бестужевым-Рюминым, в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Бро-

кгауза и И. А. Ефрона² автором, скрывающимся под криптонимом «А. М. Л.»³, и А. С. Лаппо-Данилевским. Такого рода обзоры послужили известным толчком для возникновения интереса к истории науки и прочно вошли в историческую литературу как необходимый элемент серьезного научного исследования. Но, как источниковедение не могло ограничиваться только обзорами памятников, так и историография не могла сводиться лишь к перечням трудов по истории. Поэтому историография, обособляясь в самостоятельную научную дисциплину, все дальше отходила от этих чисто вспомогательных функций. Однако по мере последующего развития, углубления и расширения ее сам термин «историография» продолжал параллельно употребляться и в том и в другом значении.

Подобное развитие научной дисциплины не является чем-то необычным, только историографии присущим. Нечто подобное можно встретить, к примеру, в литературоведении, где обособились и получили свои наименования самостоятельные отрасли — такие, как теория литературы, история литературы, литературная критика. Термин «литературоведение» покрывал собой все эти отрасли знания, как и термином «историография» называются различные виды исторических работ.

Советские историки отмечают значительно большее число аспектов современной историографии⁴. Но вместе с тем все чаще предпринимаются попытки ограничить употребление данного термина и ввести дополнительные понятия для разграничения

² К. Н. Бестужев-Рюмин, рецензируя книгу М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», писал: «Предмет этой книги то, что собственно называется у многих литературой истории, историографией или знанием источников и пособий (источниковедением); у других же поставленное в начале исторического труда является под общим названием введения» (Журнал Министерства народного просвещения, 1885, янв., с. 95). Ср. с текстом в энциклопедическом словаре: «Историография — термин недостаточно определенный, иногда отождествляемый с историею, понимается: 1) как изучение исторической литературы какого-либо предмета >...<, 2) как синоним историч[еской] литературы. В последнем значении обзор историографии является как бы «историею истории», и в этом смысле термин историография получив право гражданства в целом ряде специальных трудов последних десятилетий» (Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1894, т. XIII А, с. 488).

³ Указанная статья иногда в нашей литературе ошибочно приписывается Милокову, видимо, вследствие смешения ее со статьей названного автора «Источники русской истории и русская историография», опубликованной в том же издании в 1900 г. Заметим, кстати, что в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где П. Н. Милоков неоднократно печатался, он полностью подписывал свое имя. Статья автора «А. М. Л.», насколько возможно судить о ней по содержанию, была написана специалистом по всеобщей истории: в ней рассматривается историческая литература древнего Востока, Греции, Рима, затем, начиная со средневековья, — западноевропейских стран; из исторических трудов России автор упоминает преимущественно работы русских авторов по всеобщей истории.

⁴ См., например, статью «Историография» в кн.: Сов. ист. энцикл. М., 1965, т. 6, с. 511—512; *Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Историографические исследования в СССР. — В кн.: Развитие советской исторической науки, 1970—1974. М., 1975.

различных его более тонких оттенков⁵, к примеру, «проблемная историография» (т. е. история изучения отдельных проблем) и т. п. Но, к сожалению, единства мнения в этих поисках пока ещё не достигнуто. В настоящей работе мы рассматриваем «историографию» главным образом в одном значении — как особую научную дисциплину, изучающую историю исторической науки.

Термин «историография» (от греческого *ιστορία* — исследование и *γραφω* — пишу; буквально — описание истории) и термин «историограф» едины по своему происхождению. Нам представляется не совсем верным и точным утверждение «Советской исторической энциклопедии» о том, что историограф — то же, что и историк⁶. Конечно, каждый историограф является историком, но не каждый историк — историограф. И разница между этими категориями ученых, особенно в прошлом, была существенной. Трудно назвать точное число историков, работавших в дореволюционной России. А вот историографами были единицы. «Историограф» — официальное звание, даваемое правительством лицу, которому поручалось написание отечественной истории. Еще при создании Академии наук в 1725 г. искали за границей маститого историка, которого могли бы «облечить в звание историографа». Первым историографом стал в 1747 г. Г.-Ф. Миллер, по смерти которого на этом посту замещал его кн. М. М. Щербатов. Именным указом Александра I звание историографа было даровано в 1803 г. Н. М. Карамзину. Известно, что М. П. Погодин мечтал получить почетный титул историографа. По-видимому, С. М. Соловьев тоже рассчитывал на это звание, когда по примеру Н. М. Карамзина обратился за разрешением посвятить «Историю России с древнейших времен» императору Александру II или его наследнику. Не получив на то соответствующей санкции, Соловьев записал в своих «Записках»: «Посвящение и даже поднесение книги было отвергнуто, государство отказалось от моего труда»⁷. Любопытно, что в 1911 г. некоторые члены имп. Русского исторического общества предприняли попытки исходатайствовать официальное звание историографа для В. С. Иконникова, издавшего к тому времени четыре книги «Опыта русской историографии», полагая, что оно как нельзя лучше подходит к нему по роду его занятий и заслуг в этой области. В приведенном случае слово «историограф» приобретало уже иную смысловую окраску — здесь имелся в виду не историк, официально избираемый для написания истории страны, а историк исторической науки. Однако Министерство двора не осознало этой тонкости и сочло Иконникова недостойным такого рода

⁵ Городецкий Е. Н. Историография как специальная отрасль исторической науки. — История СССР, 1974, № 4; Сахаров А. М. О предмете историографических исследований. — История СССР, 1974, № 3; Он же. Некоторые вопросы методологии историографических исследований. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

⁶ Сов. ист. энцикл., т. 6, с. 455.

⁷ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг.: Общественная польза, Б. г., с. 114.

признания⁸. В настоящее время вновь начинается применение слова «историограф» по адресу историков, занимающихся изучением истории исторической науки.

Историография, как новая научная дисциплина, не сразу получила признание за пределами учебных заведений. Многим она представлялась непонятной, излишне сложной и вызывала даже открытые насмешки. Нечто похожее выразил поэт Аполлон Майков в стихотворении «Весенний бред»:

Но, исчисляя тут познаний наших круг,
Одну припомнил я науку, милый друг,
И так захохотал среди ночного мрака,
Что, спавшая в снях, залаяла собака.
Ведь мало нам наук и сложных и простых!
Нам мало даже книг, хоть перечесть их мука!
Для нас нужна еще особая наука —
История... чего?... да этих самых книг!...⁹

Для того, чтобы лучше пояснить необходимость новой отрасли знания, некоторые историки прибегали к образным объяснениям. Так, М. О. Коялович сравнивал необозримую массу исторических фактов с громадным, густым и темным лесом, в котором он искал тропинок, дорог, «проложенных и прокладываемых другими к изучению этого леса». Историография для него оказалась той возвышенностью, «с которой можно было бы обозревать все его пространство и узнать главнейшие его части, изученные по этим тропинкам и дорогам»¹⁰. «Работа историографии, — писал В. О. Ключевский, — во многом напоминает работу землекопа. Отжитая жизнь лежит перед историком как сложный ряд слоев; скрывающихся один под другим. Историография начинает свое изучение с верхнего и постепенно углубляется внутрь. Умственная жизнь — один из наиболее сокровенных, глубоко лежащих слоев, и наша русско-историческая литература едва коснулась его, занятая ближе лежащими сферами, например, политическим или юридическим развитием Руси»¹¹. П. Н. Милюков сравнивал историка науки с более утонченными интеллектуальными усилиями специалиста-нумизмата, который только один может определить по остаткам чекана происхождение и первоначальную ценность каждой монеты, как бы она ни истерлась от употребления¹².

Популярно разъясняя важность изучения истории исторической науки, указанные историки не затрагивали вопроса о происхождении самого термина «историография». Единственный

⁸ Платонов С. Ф. Владимир Степанович Иконников. — *Анналы*, 1924, № 4, с. 255.

⁹ Майков А. Н. Весенний бред. — *Современник*, 1854, апр., с. 142.

¹⁰ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901, с. XLI.

¹¹ Ключевский В. О. Отзывы и ответы: Третий сб. статей. М., 1914, с. 134.

¹² Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913, с. 2.

опыт терминологического толкования находим в рукописях А. С. Лаппо-Данилевского. Однако эта часть работы не была им завершена, как, впрочем и вся его историографическая работа в целом. Но написанные им фрагменты и собранные материалы представляют определенный интерес и до сих пор не утратили своего значения.

Лаппо-Данилевский подчеркивал, что он подходил к историографии с трех точек зрения — исторической, логической и феноменологической. Вначале он рассматривал этимологию слова «историография».

В прежние времена термин «историография», указывал Лаппо-Данилевский, имел другой смысл — он получил свое значение в связи с термином «историограф». Такая должность существовала еще в древнем Риме, в Венеции, в древнем Китае¹³. Но само слово «историограф» — французского происхождения, и возникло оно во французской истории и литературе, обозначая вначале живописца, писавшего исторические миниатюры, а примерно с XVI в. оно уже обозначало лицо, которому король официально поручал писать историю Франции¹⁴. «Под „историографом“, — писал Лаппо-Данилевский, — разумеют писателя, специально состоящего при каком-либо лице, фамилии, династии или даже целой нации; ему поручается ежедневно записывать исторические события, *интересующие того*, от кого он зависит»¹⁵. Как видим, он подчеркивал несвободное, подвластное положение историографа. Облеченные титулом историографы обязаны были писать в художественной, изысканной форме. Поэтому на этой должности часто встречались крупнейшие писатели. Лаппо-Данилевский упомянул многие имена историографов, которые получали специальный чин государственного советника и состояли при дворе французских королей, начиная с Карла VII (т. е. с XV в.), в том числе Расин, Буало, Вольтер. На последнем он остановился несколько подробнее, говоря о нем, как об авторе специальных статей «Историк» и «Историограф», содержание которых Лаппо-Данилевский кратко передал.

Однако термин «историография», как полагал Лаппо-Данилевский, утвердился, видимо, не во французской, а в немецкой научно-исторической литературе и благодаря ей получил распространение¹⁶. Лаппо-Данилевским были сделаны значительные заготовки для раскрытия этой темы — выписки из ряда работ на французском, английском и немецком языках, группировался материал по темам («Античная историография», «Средневековая историография», французская, немецкая и т. п. историография, а также «Должность историографа в Италии», «Британский историограф», «Прусский историограф» и т. п.). Предусматривал он и тему «Термин „историография“ в русском язы-

¹³ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 68, л. 919, 939.

¹⁴ Там же, л. 920.

¹⁵ Там же, л. 919.

¹⁶ Там же.

ке»¹⁷. К сожалению, и эта часть не была им написана, но собранный к ней материал дает некоторую возможность представить авторский замысел. Автор выявил любопытные упоминания и сделал выписки из тех сочинений, где употреблялось слово «историограф». Так, церковный деятель 1-й четверти XVIII в. Стефан Яворский в проповеди называл писателей-историков «историографами»¹⁸; Лаппо-Данилевский привел выдержку из дневных записок кн. Дмитрия Ростовского от 8 ноября 1708 г.¹⁹; цитировал жалобу гр. Разумовского от 21 сентября 1750 г., где было сказано, что он приготавливал «себя к исполнению должности *историографа* и к другим российскому государству полезным службам»²⁰; был собран материал о понимании М. В. Ломоносовым обязанностей историографа при Академии наук. Однако Миллера и Карамзина Лаппо-Данилевский упоминал лишь вскользь, вероятно, по той причине, что эти факты были хорошо известны.

Говоря о предмете историографии (на чем мы подробнее остановимся ниже), Лаппо-Данилевский многократно отмечал, что употребление термина «историография» все чаще стало приближаться к понятию «история исторической науки» и к «истории истории»²¹.

Как бы резюмируя свои наблюдения, Лаппо-Данилевский писал: «*История термина „историография“* показывает, что он первоначально обозначал или самый *процесс составления* (ср. *должность историографа*) исторического сочинения, обыкновенно в национально-патриотическом, официальном духе, или *данную совокупность таких сочинений*, рассматриваемую в данных пределах времени и пространства»²², т. е., с одной стороны, еще неотделение на определенном этапе историографии от писания истории, а с другой — уже сами исторические труды как объект изучения. Постепенно термин «историография» утратил прежний специальный смысл, обозначающий историческую науку вообще, и все больше стал включать в себя «преимущественно сочинения, обнаружившие *какую-либо цельную концепцию* истории человечества: или целой страны, или нации и т. п.»²³.

Рассмотрев историю термина «историография», Лаппо-Данилевский утверждал, что к нему можно подходить «в ином смысле: не в *историческом*, а в *логическом* или *феноменологическом*»²⁴. (Напомним попутно, что феноменология в философии Гегеля обозначала учение о развитии сознания, духа.) И дальше он пояснял: «С логической точки зрения термин „история“

¹⁷ Там же, л. 925.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «И еще бых писал чином *историографическим*, то уже бы совершил *начатое*» (Там же, л. 926).

²⁰ Там же, л. 929.

²¹ Там же, л. 938, 940 и след.

²² Там же, л. 941.

²³ Там же, л. 942.

²⁴ Там же, л. 941

представляется нам не совсем удобным потому, что он употребляется в *двойном* смысле: а) для обозначения *бывшего* (вот так история! Случилась история, и т. п.); б) для обозначения нашего *представления о бывшем* или научного его построения, выраженного в каком-либо произведении. В последнем смысле можно употреблять термин „историография“».

С феноменологической точки зрения под «историографией» (в отличие от «исторического исследования») Лаппо-Данилевский предлагал «разуметь более или менее цельную *концепцию истории человечества*, целой страны или нации, концепцию, получившую свое выражение в каком-либо произведении исторической *литературы*»²⁵. Лаппо-Данилевский видел здесь предмет историографии в изучении исторических концепций. Такое понимание предмета историографии было достаточно широко распространено в дореволюционной научной литературе.

Вопрос о предмете историографии является одним из центральных методологических вопросов истории исторической науки. При изучении этой проблемы безусловно важно обращать внимание на авторские определения историографии. Но ими ограничиваться нельзя, как иногда практикуется в историографической литературе. Дело в том, что дефиниции предмета, особенно на начальном этапе развития истории исторической науки, далеко не всегда содержались в историографических сочинениях, что, однако, не означало отсутствия у авторов понимания предмета изложения. Даже в тех случаях, когда в историографических трудах давались определения, их не следует рассматривать изолированно, в отрыве от всей работы. Необходимо выяснить, насколько приводимое определение подкреплялось конкретным содержанием работы, ее проблематикой — было ли оно последовательно выдержано автором, или оно оказывалось шире, или уже очерченных задач, соответствовало ли оно общему заглавию работы и т. д. Важным моментом в изучении эволюции понимания учеными предмета истории исторической науки являются названия историографических сочинений. Они, эти названия, в наиболее сжатой, лаконичной форме отразили не только индивидуально-авторское понимание сущности предмета, освещающее различные его грани, но и зафиксировали определенные уровни развития истории исторической науки и дают возможность наглядно увидеть как бы само движение проблемы во времени. Одним словом, необходим комплексный подход.

Когда историография начала складываться в самостоятельную дисциплину и достигла определенного уровня своего развития, в историографических трудах все чаще стали встречаться специальные определения. Но и тогда не все ученые признавали необходимым давать свое толкование предмета и указывать тот

²⁵ Там же.

круг вопросов, которыми призвана была по их мнению, заниматься история исторической науки. Без какой-либо специальной формулировки обходился, например, С. М. Соловьев; быть может и у В. О. Ключевского она отсутствовала — во всяком случае ее нет в сохранившихся историографических материалах историка. Но это вовсе не означает, что у них не было четкого понимания предмета историографии. Подтверждение тому находим, в частности, в одном из историко-литературных набросков Ключевского, где он от лица инвалида проводил беседу с новобранцами о преподавании истории. Ключевский указывал молодым преподавателям истории («новобранцам») на различие между историей и историографией («то, что было — это история; учёные мнения о былом — это историография») и упрекал их за то, что они зачастую преподавали один предмет под именем другого, перебегая из истории в историографию, а из историографии в элегическую лирику. «Ваша мысль, — популярно разъяснял он, — что пенистое пиво, никак не хочет держаться в рамках стакана и рвется на скатерть к явному неудовольствию хозяйки — науки». Так образно выразил Ключевский свое понимание необходимости уяснения предмета преподавания будь то история, историография или какая-либо иная научная дисциплина. Над вопросом, нужно ли особо оговаривать предмет истории исторической науки задумывался А. С. Лаппо-Данилевский. На одном из вариантов вступительной лекции к историографическому курсу он записывал на полях: «М[ожно] без определения: но определение нужно, ибо должно содержать по кр[айней] мере намеки на *ориентировку* в развитии всякой историографии»²⁶.

Одно из наиболее ранних определений историографии находим у И. В. Лашнюкова. Он несколько торжественно говорил о том, что историография любого народа есть «лучшее выражение его характера, его умственного и нравственного состояния в разные эпохи исторической его жизни», что она — «лучшее мерило» степени политического, гражданского и национального развития народа, «вернейший отчет в том, что сделал народ в своей прожитой жизни»²⁷. Но, как видим, Лашнюков здесь приравнивал историографию к самой исторической науке, что было довольно частым явлением в исторической науке прошлого века. Также нередко приближали историографию к понятию «источниковедение» или «историческая критика»: «Наша историография еще надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой», — писал, например, В. О. Ключевский^{27а}. Тем не менее Лашнюков чаще применял термин «историография» в смысле истории исторической науки. Это отражается и в названии всей

²⁶ Там же, л. 946.

²⁷ Лашнюков И. В. Очерки русской историографии. — В кн.: Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1874, вып. 2, отд. 2, с. 1.

^{27а} Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 6, с. 42.

работы, и в заголовках отдельных ее разделов²⁸. Понимая, что историография создается усилиями историков и зиждется на их трудах и концепциях, Лашнюков особо говорил о задачах и историков (при этом не просто историков, а *народных историков*), и исторической науки в целом. Здесь он излагал свое кредо — в истории и в историографии его интересует и волнует главным образом жизнь народа и то, как она отображается в исторических сочинениях. В этом ракурсе он и анализировал всю историю развития исторических знаний.

Итак, задача общечеловеческой исторической науки, писал Лашнюков, состоит не только в выявлении, но и в «разъяснении начал и законов, определяющих ход исторической жизни народов». Однако сам он не раскрыл свое понимание этих «начал и законов» исторической жизни. Далее, он сводил «дело народного историка» к изображению исторической жизни «народа во всем ее разнообразии»²⁹. Понимая, что историк любой страны тесно связан с ее конкретным историческим прошлым, с ее национальными особенностями и задачами времени и не может поэтому быть каким-то «беспристрастным, верховным судьей» (что не раз пытались утверждать многие буржуазные историки), Лашнюков заключал: «Народный историк, как бы он ни относился к истории своего народа, не может не разделять известных национальных воззрений, тенденций и даже предрассудков, не может не сочувствовать интересам своего народа»; историк — «выразитель народного самопознания, истолкователь судеб своего Отечества»³⁰. Так как историки разных эпох и различных стран толкуют историю согласно со своими представлениями, со своими национальными «воззрениями», «тенденциями» и «предрассудками», то и историография не может быть вненациональной. При этом Лашнюков считал, что история русской исторической науки более национальна, чем историография других европейских народов, так как русские историки изображали в основном историю своего Отечества и их воззрения, тенденции и даже способ выражения носят яркие национальные черты.

Забегая несколько вперед, заметим, что проблему национальной историографии развивали впоследствии М. О. Коялович (который проводил эту идею в своей книге, но не формулировал ее) и Лаппо-Данилевский. По Лаппо-Данилевскому, «*национальная историография*» получает особого рода функцию — изучение истории исторических построений прошлых судеб данной

²⁸ «Очерки русской историографии»; «Историография удельно-вещевой Руси», «Историография Московского государства», «Характер и ход русской историографии в XVIII и XIX столетиях». Иногда, может быть из-за стилистических соображений, Лашнюков употреблял выражение «история нашей историографии». Здесь, разумеется, он имел в виду не историю дисциплины историографии (которая в его время еще только делала первые шаги на своем пути размежевания с другими историческими дисциплинами), а просто историю исторической науки.

²⁹ Лашнюков И. В. Указ. соч., с. 1.

³⁰ Там же.

народности. В историографии Лаппо-Данилевский разделял «логическое развитие истории науки истории» и «реальное развитие науки». В национальных историографиях «хотя и можно говорить о логическом развитии научной дисциплины об отечественной истории», но в них, оговаривал Лаппо-Данилевский, «в большей мере выступает реальное развитие науки»³¹. Далее он справедливо предостерегал от опасности, грозящей национальной историографии: «Национальная точка зрения может оставаться научной, но она легко переходит в националистическую», и это «то увлечение националистическими тенденциями, которых историческая наука всегда должна остерегаться»³².

Важным моментом в изучении эволюции понимания учеными предмета истории исторической науки являются, как уже отмечалось, названия историографических сочинений. Заглавия воплощают в себе специфику авторского понимания предмета историографии, отдельные стороны его, составляющие цельное понятие «история исторической науки» и в наиболее краткой, емкой форме отражают различные стадии развития историографической мысли, фиксируя тем самым внутренний рост историографии как научной дисциплины. Поэтому эту сторону проблемы тоже следует иметь в виду.

Для буржуазно-дворянской историографии, особенно на ранней стадии развития, была характерна персонификация науки. На историографию переносился тот же подход, который был характерен для общен исторических трудов, где главное содержание сводилось к описанию деяний членов правящих династий и отдельных героев, а история исторической науки подавалась как сумма биографий и трудов отдельных ученых. Отражение подобного понимания встречаем в заглавии работы С. М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII века». Оно точно запечатлело авторскую задачу — дать галерею «портретов» русских историков указанного времени с анализом их трудов в более или менее хронологической последовательности. То же передают названия книги К. Н. Бестужева-Рюмина («Биографии и характеристики») и ранних лекций В. С. Иконникова («История науки в главнейших ее представителях»). На определенном этапе то был правомерный и естественный подход: только через анализ личного вклада ученого в науку возможно увидеть эволюцию науки в целом, определить уровень ее развития.

Другой вариант понимания предмета историографии находим во «Введении» к «Русской истории» (1872) К. Н. Бестужева-Рюмина, оказавшего сильное влияние на последующих историографов. Это — резкое разграничение различных видов источников и исторической литературы и главным образом требование абсолютно беспристрастно точного воспроизведения отдельных фактов. При этом автор выступал противником теоретических умозаключений и сам избегал высказывать категорические сужде-

³¹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, д. 68, л. 948.

³² Там же, л. 949

ния. Отсюда нарочитая сухость изложения, почти протокольная фиксация фактов, т. е. предмет историографии сводился к обзору источников и литературы. Против подобной позиции печатно выступил Коялович в ответ на критику в свой адрес со стороны Бестужева-Рюмина, о чем подробнее остановимся далее, после рассмотрения книги Кояловича.

Еще в 1871 г. В. С. Иконников окончил работу (оставшуюся неопубликованной) под названием «Обзор теорий и систем в науке русской истории». Этот заголовок свидетельствует, что задолго до Кояловича и Милюкова (соответственно до 1884 и 1897 гг.) Иконниковым высказывалось качественно иное понимание предмета историографии, которое впоследствии воплотилось в известных работах названных авторов.

Труды М. О. Кояловича и П. Н. Милюкова, написанные в другую историческую эпоху, отразили в названиях заметно усложнившееся и углубившееся понимание предмета историографии. Оба автора уделили большое внимание раскрытию понимания сущности истории исторической науки. Первый — в специальном параграфе «Важность истории науки русской истории», второй — в пункте «Цель сочинения». Историография для обоих есть уже не сумма биографий и не сводка отдельных трудов по русской истории, а процесс развития исторической мысли. Этот процесс рассматривался историками с различных точек зрения, что также выразилось в наименовании их книг.

Коялович озаглавил свой труд «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Данное название вобрало в себя несколько оттенков. Так, оно сразу свидетельствует о том, что автор шел вслед за Бестужевым-Рюминым, противопоставляя «сырые» источники историческим трудам, о чем уже говорилось во введении. Напомним лишь, что подобное противопоставление сказалось и на структуре, и на конкретном содержании его книги. Теперь подчеркнем его определенную тенденциозность, которую автор называл «славянофильским субъективизмом»: «Я, перебирая старые и новые труды по русской истории, — цитируем одно из многочисленных рассуждений Кояловича, — показываю, что лучшее в ней — в славянофильском субъективизме, казавшемся уже совсем устарелым и похороненным, и что к этому старому субъективизму поворачивали и поворачивают все лучшие русские историки»³³. Это демонстративная тенденциозность вызвала ряд резких рецензий. Коялович, пытаясь оправдать свою позицию, расценивал критику в свой адрес как «всеобщий поход» против него, как решение «уничтожить» его «за такое сочинение», ко-

³³ Коялович М. О. Разбор критики Д. Корсакова на сочинение М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» и уяснение современного состояния науки русской истории. — В кн.: Коялович М. О. История русского самосознания... 3-е изд. СПб., 1901, с. 592.

торое вопреки мнениям его критиков «послужит на пользу» отечественной историографии»³⁴.

Коялович вынес в название своего произведения термин «самосознание». Трактовка исторической науки, как «самосознания» или «самопознания», практиковалось в научной литературе и употреблялось историками задолго до Кояловича — И. Н. Болтиным, М. П. Погодиным, С. М. Соловьевым, И. В. Лашнюковым, К. Н. Бестужевым-Рюминым и другими. Но ко времени Кояловича такое понимание исторической науки воспринималось как устаревшее и поэтому также вызывало возражения большинства рецензентов и последующих авторов историографических работ, в частности со стороны Милюкова. «Только очень давно можно было говорить, что „историк по преимуществу есть венец народа, ибо в нем народ узнает себя (достигает до своего самопознания)“». Наше время, утверждал Милюков, не верит в такое самонахождение и откровение духа, от века вложенного в народы; следовательно, не поверит и в то, что историография может быть «историей самосознания»³⁵. Однако в 1900-х годах Лаппо-Данилевский вновь возвратился к этому термину. В одной из сравнительно ранних рукописей (примерно в 1905—1906 гг.) он замечал: «Прежние русские историки охотно указывали на то, что историография есть *народное самосознание*; такое понимание *слишком широко*: ведь философия, литература, искусство и т. д. есть тоже народное самосознание; историография — лишь то самосознание народа, которое выразилось в научной обработке сознания прошлого»³⁶. Из вышесказанного может создаться впечатление, что Лаппо-Данилевский возражал против прежнего определения. Между тем, если он говорит, что историография — та часть самосознания народа, которая выразилась «в научной обработке сознания прошлого», то это по существу повторение взгляда Кояловича³⁷.

В названии труда Кояловича писавший о нем Милюков справедливо видел обещание автора представить историю исторической науки «на некоторой теоретической подкладке». Это и было тем новым, что отличало понимание историографии данного времени от предшествующего. Это же наименование книги, заметил далее Милюков, обличает в авторе одного из «героев» его собственного труда, ибо Коялович не смог остаться беспристрастным судьей, а выступил скорее в роли прокурора: «Вся история науки вышла у него обвинительной речью»³⁸. Здесь легко ощу-

³⁴ Там же, с. 592, 571.

³⁵ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 3.

³⁶ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 68, л. 946.

³⁷ И в рукописи после 1910 г. Лаппо-Данилевский повторял: «Итак, историография — научная дисциплина, занимающаяся изучением развития народного самосознания, поскольку это самосознание: 1) устремлено было на прошедшее и связывает свое прошлое с своим настоящим и будущим и 2) связывалось в теоретической его обработке» (Там же, л. 948).

³⁸ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 3.

тим упрек в необъективности и тенденциозности. Но, когда Милюков сам писал о причинах, побудивших его заняться историей исторической науки, он, между прочим, говорил, что изучение русской историографии было для него «средством отдать себе сознательный отчет в выбранном (...) направлении исторического изучения»³⁹. Тем самым Милюков признал, что и он не был «беспристрастным судьей», а принадлежал к одному из направлений, с позиций которого и вел свое исследование.

Милюков исходил из того понимания, что в исторической науке возможны различные точки зрения, а отсюда и различные оценки одного и того же явления. Но далеко не все они должны находить одинаковое отражение в научном историографическом исследовании. Важнее свести отдельные частные взгляды к «цельному мировоззрению» и изучать следует только главные течения исторической мысли, способствующие ее интенсивному развитию⁴⁰.

В своих «Воспоминаниях» Милюков признал, что для историографической работы «Главные течения русской исторической мысли» он «украл» название у датского критика Георга Брандеса, лекции по литературе конца XVIII — начала XIX в. которого были его любимым чтением⁴¹. Вся книга Милюкова проникнута полемикой с Кояловичем, но между тем понимание сущности предмета было у них общим. Обвиняя Кояловича в разделении всех деятелей науки на два лагеря — «своих и чужих» и в обличении «чужих (немцев-западников)» «в непрерывном полуторавековом заговоре против русской народности и против национального самосознания»⁴², Милюков занял, казалось, противоположную, но не менее предвзятую позицию, объясняя все развитие русской исторической мысли исключительно влиянием западноевропейских философских систем. Несколько лет спустя, в 1900 г., Милюков сам подчеркнул свою общность с Кояловичем в понимании предмета истории исторической науки и выразил это так: «Филиция ученых систем и теорий русской историографии послужила предметом изложения с двух точек зрения: М. О. Кояловичем, в его „Истории русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям“ (...) и автором настоящей статьи в „Главных течениях русской исторической мысли“»⁴³. Таким образом, основная задача истории

³⁹ Там же, с. III.

⁴⁰ «Не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направляющие ее теоретические побуждения составляют предмет наших последующих наблюдений. Но из числа этих побуждений мы будем останавливаться только на тех, которые толкали эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло» (Милюков П. Н. Главные течения..., с. 1—2).

⁴¹ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955, т. 1, с. 154.

⁴² Милюков П. Н. Главные течения..., с. 3.

⁴³ Милюков П. Н. Источники русской истории и русская историография.— В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900 (т. «Россия», с. 446.

исторической науки, по Милюкову, — показ эволюции идей. Эту же точку зрения развивал несколько позднее и Лаппо-Данилевский.

Итак, заглавия книг Кояловича и Милюкова в сжатой форме отразили ключевые позиции своих создателей, более пространно и мотивированно высказанные ими в предисловиях и в самом конкретном содержании указанных сочинений. И в дальнейшем, как убедимся несколько позже, авторское понимание предмета истории исторической науки проникало и запечатлевалось в названиях историографических работ.

Понимание предмета историографии вырабатывалось не только в ходе «мирной» практической работы историков, но и в столкновениях, в результате которых полемисты, выявляя друг у друга уязвимые места, способствовали совершенствованию и росту науки.

Чрезвычайно важными являются те столкновения и споры по методологическим вопросам, которые возникали внутри исторической науки и решение которых отражалось на историографических проблемах — в частности на трактовке задач историка как исследователя прошлого и как историка исторической науки. Выразительны с этой точки зрения обоюдные упреки двух специалистов в области отечественной историографии — М. О. Кояловича и К. Н. Бестужева-Рюмина.

Книга Кояловича «История русского самосознания...», написанная с позиций крайнего славянофильского субъективизма (который автор неоднократно называл «самым лучшим субъективизмом» в противоположность «самому узкому и вредному» субъективизму западников), вызвала протест рецензентов, дружно выступивших против него в печати в 1885 г. Критики, среди которых были и общепризнанный в то время авторитет в области русской историографии К. Н. Бестужев-Рюмин и начавший вплотную работать над своим многотомным трудом В. С. Иконников, справедливо обвиняли Кояловича в односторонней тенденциозности. В том же 1885 г. Коялович опубликовал ответы двум из своих оппонентов — Бестужеву-Рюмину и Д. А. Корсакову. В данном случае наше внимание привлекает та часть его полемики с Бестужевым-Рюминым, где достаточно полно отражены представления о предмете историографии и выявились свойственные идеалистической дворянско-буржуазной науке две крайних тенденции, которые можно сформулировать как «субъективизм» и «объективизм».

В своей книге Коялович касался исторических и историографических работ Бестужева-Рюмина. В целом его отзыв был благоприятен, главным образом в силу близости последнего к славянофильству. Автор называл Бестужева-Рюмина серьезным и правдивым историком, но расходился с ним во взглядах на задачи истории исторической науки. Коялович отмечал, что Бестужев-Рюмин ко всем трудам по русской истории подходил «совершенно спокойно» и «беспристрастно», доходил иногда

«до простого перечета имен и заглавий книг», ратовал за беспристрастное изучение фактов, был врагом философских теорий в истории и указывал историку на «необходимость самого строгого воздержания в выводах»⁴⁴.

Коялович же видел задачу историографии уже не только в собирании и пересказе фактов и не только в накоплении полезных сведений, но и требовал от нее выявления, как он выражался, «руководящих нитей»⁴⁵. Упрекая Бестужева-Рюмина за отсутствие «указаний на связь и преемственность явлений в истории науки русской истории», Коялович, в противоположность ему, формулировал свою задачу: «Заботиться главным образом о том, чтобы читатель видел эту преемственную связь литературных явлений в науке русской истории и вместе с нею постепенное развитие русского научного сознания по отношению к нашему историческому прошедшему»⁴⁶. Такая постановка вопроса была беспорным шагом вперед и свидетельствовала о теоретическом росте русской историографии. Тем не менее, когда Бестужев-Рюмин упрекнул Кояловича в том, что в его «Истории русского самосознания...» «группировка материала» сделана не для «практической» цели, что «цель» сочинения— «теоретическая, значение труда умозрительно», то Коялович (видимо, в порыве полемики) стал оспаривать это замечание⁴⁷.

Являясь поборником пресловутого «ученого беспристрастия», Бестужев-Рюмин отстаивал иллюзии буржуазного объективизма. Коялович же называл «объективность» весьма обманчивым словом и высказывал опасение, что подобный подход может привести «к обезличению истории», что Бестужев-Рюмин «слишком далеко заходит в требовании объективности» и не признает неизбежного начала субъективизма в изучении развития науки и общества. «Ожидать полной объективности,— писал Коялович,— значит идеализировать дело, и идеализировать вредно»⁴⁸. Поэтому он и не ставил перед собой задачи, как он выражался, «бесплодной погони за объективной истиной»⁴⁹.

Коялович утверждал, что «в истории область объективных истин весьма невелика», а все остальное «неизбежно субъективно». И он, конечно, более прав, чем сторонники объективистско-

⁴⁴ Коялович М. О. История русского самосознания..., с. 434. Несколько выше автор писал, что Бестужев-Рюмин «прилагает к оценке их (исторических трудов.— Р. К.) только общепризнанные критические приемы, нередко даже уклоняется сам произносить суждения (...), а чаще всего предоставляет собранным им в одно место писателям по русской истории, так сказать, вѣдаться самим с собою, сопоставляя их то по тому, то по другому вопросу, причем и читатель невольно вызывается принять участие в этом мирном междоусобии русских историков» (Там же, с. 430).

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ Там же, с. 9.

⁴⁷ Там же, с. 555.

⁴⁸ Там же, с. 573, 434, 435.

⁴⁹ Там же, с. XLIII.

го метода, когда говорил, что и древнейший летописец, и последний подъячий московских времен, и ученейший историк — все субъективны⁵⁰. Но Коялович ограничивал эту субъективность сугубо личными, индивидуальными свойствами того или иного автора. Он был далек от понимания степени зависимости этих авторов от определенной эпохи и объективных условий страны, от классовой принадлежности и социальной среды, в которой жили и трудились ученые. И Коялович впадал в другую крайность — «славянофильский субъективизм», при помощи которого он силился отстранить от исторической науки и от всей России любое влияние «всякой иноземной теории, всяких задних мыслей»⁵¹, и в этом вскрывалась его не только консервативная, но и реакционная сущность.

Спор Бестужева-Рюмина и Кояловича отразил в значительной степени общее состояние дворянско-буржуазной исторической науки. Эти две тенденции в изучении историографии продолжали существовать иногда переплетаясь, но чаще — все далее расходясь одна от другой.

В области историографии Бестужев-Рюмин имел последователей в лице В. С. Иконникова и Д. И. Багалея, которые основную свою задачу видели в накоплении историографических фактов, в их объективной констатации.

Другая линия, изучавшая в основном смену исторических концепций, значительно развивалась в трудах Милюкова, Ключевского, Лаппо-Данилевского.

Наиболее крайнее выражение обеих тенденций находим, с одной стороны, в трудах Иконникова, а с другой — Лаппо-Данилевского. Эти историки стали как бы полярными фигурами среди специалистов-историографов в период кризиса буржуазной исторической науки начала XX в. Историографические концепции обоих историков видоизменялись с течением времени, в частности изменялись их представления о содержании предмета историографии, к рассмотрению чего мы теперь и переходим.

Две ранние историографические статьи и обнаруженные нами в архивах 14 программ⁵² к лекциям по русской историографии за 1868—1879 гг. расширяют и уточняют сложившееся представление об историографических взглядах Иконникова. Эти материалы дают возможность проследить менявшееся понимание им предмета историографии. Они свидетельствуют также о том, что Иконников начинал изучение истории науки с той темы и с того периода, которые он так и не успел ввести в многотом-

⁵⁰ Там же, с. XLII—XLIII.

⁵¹ Там же, с. 574.

⁵² Иконников В. С. Очерк разработки русской истории в XVIII в. Харьков, 1867; *Он же*. Общий взгляд на развитие науки русской истории. Киев, 1868. Подробнее см.: Киреева Р. А. Первые шаги В. С. Иконникова в историографии. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.

ный «Опыт русской историографии». — с сочинений по истории конца XVII и главным образом XVIII в.

Сохранившиеся программы Иконникова показывают его постоянную, систематическую работу из года в год над русской историографией — двух вполне идентичных программ среди 14-ти нет. Данный историографический источник отразил два этапа работы Иконникова. Первый длился с 1867/68 уч. г. (т. е. с самого начала его научно-преподавательской деятельности) примерно до 1873/74 уч. г.⁵³. В эти годы он, опираясь на труды Соловьева, разрабатывал в традиционном плане историю исторической науки с конца XVII — начала XVIII до середины XIX в., исходя из понимания историографии как истории систематического, а затем прагматического изложения прошлого. Развитие истории науки в России он связывал с эволюцией исторической мысли на Западе, что становилось принятым в буржуазной историографии тех и последующих лет. В конце концов все эти темы были им сведены к шести пунктам и объединены в раздел «История науки в главнейших ее представителях». Эти шесть пунктов сохранялись Иконниковым и в последующих программах.

Из представления историко-филологического факультета в совет Киевского университета от 14 октября 1871 г. узнаём ценные сведения: Иконников окончил большой труд под названием «Обзор теорий и систем в науке русской истории»⁵⁴, в котором автор «излагает и разбирает теории и системы существующие», а его известная работа «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» является частью данного труда. Раннее упоминалось, что эта работа была написана задолго до появления книг Кояловича (1884) и Милюкова (1897), с которых начинается изучение историографии как «филиации идей». Как видим, Иконников предполагал в начале своей деятельности изучать историографию в таком же русле.

Итак, первый этап работы Иконникова над отечественной историографией завершился итоговым трудом. Однако эта работа по неизвестным причинам осталась неопубликованной и до сих пор не обнаружена в его личном архиве. Возможно, рукопись погибла вместе с частью архива Иконникова, пострадавшего во время гитлеровской оккупации Киева, но также возможно, что работа была «размонтирована» автором и частично опубликована в виде отдельных статей — о Болтине, Карамзине, исторических взглядах Пушкина (так же, как он опубликовал в свое время часть этого труда — работу «Скептическая школа...»).

Второй этап — примерно с 1874—1879 гг. — отразили шесть программ⁵⁵, показывающих, что в этот период Иконников основ-

⁵³ ЦГИА УССР, ф. 849, оп. 1, д. 77, л. 1—3, 22, 31; д. 27, л. 1, 4, 6, 10, 14.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 120, д. 696, л. 304 об. — 317.

⁵⁵ ЦГИА УССР, ф. 849, оп. 1, д. 76, л. 1—2 об.; д. 77, л. 30—30 об., 43—45; ЦНБ АН УССР, ф. 46, д. 68, л. 1—2. За последующие годы программ обнаружить не удалось.

ное внимание сосредоточивал на разработке новых проблем. Прежний круг вопросов переносился им во второй раздел курса. Первый же раздел стал пополняться такими темами, как история источников, изучение деятельности правительственных органов, исторических учреждений (отечественных и зарубежных библиотек, музеев и архивов: правительственных, монастырских, церковных, фамильных, хранящих источники по истории России); собирательской, публикаторской и ученой деятельности отдельных лиц, исторических обществ, археографических экспедиций и комиссий; об археологических съездах; об исторической библиографии и т. д. Уместно вспомнить, что Иконников в эти годы писал статьи о деятельности русских университетов, издавал ежегодные библиографические обзоры исторической литературы. Говорил он иногда и об истории этнографии и археологии, а также закладывал основы для изучения истории самой историографии. Заметим попутно, что материалы к истории историографии фиксировались Кояловичем, Милюковым и особенно обстоятельно Лаппо-Данилевским (см. Введение).

Такие авторы, как Коялович и Милюков, не только не претендовали на раскрытие всех моментов в истории науки, а, например, специально подчеркивали сознательное сужение круга своих задач. В этом проявилось профессиональное умение выбора исследовательского ракурса, при котором высвечивалось главное и отбрасывалось случайное. Противоположная, даже несколько наивная позиция Иконникова, желавшего отразить по возможности всё без исключения, вынуждала его стремиться к исчерпывающей полноте. Он и старался давать подробную информацию обо всех источниках русской истории — их происхождении, обнаружении, собирании, изучении, публикации, использовании, о местах их хранения, отмечал и случаи истребления памятников древности; затем группировал источники по их содержанию и по видам, заканчивая каждый раздел по возможности полной библиографией. Иконников не ограничивался изучением печатной продукции — он широчайше вводил сведения об архивных материалах, что было новым для историографических работ его времени. Но вся эта обильная информация перегружала его труд.

Между тем Иконников выводил историографию как историю исторической науки за рамки изучения только истории написания исторических сочинений и истории исторических концепций. Он стал понимать, что история исторической науки не может быть ограничена изучением исключительно творчества отдельных историков и развитием исторической мысли. Историография должна включать в свою сферу разные компоненты, без которых немислимо существование и дальнейшее развитие самой исторической науки. Другими словами, Иконников был сторонником широкого комплексного изучения отечественной историографии.

В. С. Иконников впервые в истории дореволюционной историографии стал реально воплощать задачу изучения истории

исторических учреждений, исторических обществ, а также истории периодических изданий, деятельность правительственных, общественных и частных лиц и т. п. Сведения, собранные им, имеют большую информационную ценность и не утратили своего значения до сего времени. Строго говоря, Иконников не был единственным, кто раздвигал рамки истории исторической науки,—элементы подобного расширения встречаем в работах Кояловича, Милюкова, Ключевского и других, но то были лишь элементы. Только Лаппо-Данилевский не менее широко предполагал изучать русскую историографию, о чем подробно скажем ниже.

Однако Иконников шел чисто эмпирическим путем и не считал нужным делать теоретические обобщения и давать четкие определения своего понимания предмета историографии. Формулировка, которая содержится в 1-м томе «Опыта русской историографии»⁵⁶, не отражает его расширенного подхода к истории исторической науки. В данном вопросе он полностью разделял точку зрения Бестужева-Рюмина: в исторических сочинениях на первом месте должны стоять не собственные высказывания, а критика (данные) источника. Во имя ученого «беспристрастия» Иконников сознательно придал своему труду как бы предварительный и подготовительный характер. Такое понимание задач историографии своеобразно преломилось и в заглавии его фундаментального труда — «Опыт русской историографии». «Опыт», а не сама русская историография: «Автор предпочел назвать этот труд только „опыт“; даже более того: он готов считать его лишь „материалом“ для будущей историографии»⁵⁷. Заботясь об исчерпывающей полноте приводимых сведений, Иконников предоставлял читателям самим делать обобщения. Сам же он часто подчеркивал как бы «второсортность» полемических сочинений, авторы которых для защиты своей тенденции выбирали лишь «выгодные факты». Отсюда его стремление сообщить читателю *все* факты, не выделяя среди них ни главные, ни второстепенные. Такая позиция была своеобразной реакцией на все усиливающиеся идейные разногласия, особенно в период кризиса буржуазной исторической науки. Автор таким способом пытался не участвовать в спорах, надеялся встать над ними или, по крайней мере, отойти от них в сторону. То была типичная «осторожная» объективистская позиция буржуазного ученого.

Более сложной представляется эволюция историографических взглядов Лаппо-Данилевского.

⁵⁶ «Критическое изучение источников и литературы истории в их постепенном развитии составляет предмет *историографии*». Заметим, кстати, что данная формулировка предпослана автором не всему изданию в целом, как иногда считают, а лишь той его части, которая названа «Труды по русской историографии» (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1898, т. 1, кн. 1, с. 258*).

⁵⁷ Там же, с. VI.

Наиболее часто свои историографические лекции Лаппо-Данилевский называл «Главнейшие направления в русской историографии». На первый взгляд может показаться, что это название равнозначно заглавию книги Милюкова. Но между ними есть существенное различие. Лаппо-Данилевский своей формулировкой не сводил русскую историографию только к развитию исторической мысли, не ограничивал ее лишь историей смены исторических концепций, как то делал Милюков. Его определение открывало возможность более широкого понимания предмета истории исторической науки, что им в действительности и делалось. И в то же время позиция Милюкова была ему во многом близка.

Названия историографических лекций Лаппо-Данилевского свидетельствуют о том, что он был единственным историком, поставившим задачу изложения истории исторической науки по направлениям. Он довольно полно отразил накопленный предшественниками опыт понимания предмета историографии, обобщил его и продвинулся значительно дальше. Лаппо-Данилевский, как и Лашнюков, говорил о проблеме национальной историографии; как и Коялович, говорил об историографии как самосознании; как тот же Коялович или Миллюков, видел предмет историографии в изучении исторических концепций и умственного развития человечества, поскольку история истории выражалась «последовательным рядом попыток построения нашего прошлого»⁵⁸.

Невозможно точно датировать тот момент в развитии историографических взглядов Лаппо-Данилевского, когда он, так же как и Иконников (и, видимо, не без влияния последнего), пошел по пути расширения проблематики истории исторической науки. Он так же стал предусматривать изучение «ученых и учено-учебных» учреждений, исторических обществ, истории собирания источников и т. п. Намечал он и включение в историю исторической науки «вспомогательных наук», куда относил историческую географию, хронологию, археографию, историческую библиографию и био-библиографию, историческую критику; а также историю сопредельных наук — русскую филологию, русскую этнографию, русскую археологию. Предполагал Лаппо-Данилевский освещать популярную и учебную историческую литературу; особо говорил об источниках для истории науки, т. е. обращал внимание на разницу между историческими и историографическими источниками. На всех этапах работы над проблемами истории исторической науки Лаппо-Данилевский держал в поле зрения историю самой историографии. В период расцвета своего историографического творчества (начало 1900-х годов) Лаппо-Данилевский требовал систематической полноты изучения истории исторической науки. Все эти интересные и важные для изучения истории историографии соображе-

⁵⁸ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 68, л. 906.

ния и наблюдения были рассыпаны по его рукописям, но они не были равномерно наполнены конкретным содержанием и не были обобщены. Тем не менее сама постановка подобной задачи была значительным шагом вперед в истории внутреннего роста историографии как научной дисциплины.

В 10-х годах XX в. наступила новая полоса в работе Лаппо-Данилевского над историографией. В его сознании произошла замена позитивистских взглядов неокантовскими — явление столь характерное для начала XX в., когда возрождались и реставрировались старые идеалистические учения. Из его планов постепенно стали исчезать пункты, предусматривающие анализ исторических условий, влиявших на формирование взглядов историков прошлого, — научные идеи сами по себе все более и более привлекали его внимание. Следя за их логическим развитием, он отрывал идеи от формировавших их исторических основ. Его рассуждения делались все более абстрактными, а история исторической науки подменялась историей отдельных философских течений. У Лаппо-Данилевского постепенно происходила подмена одной исторической дисциплины другой — историография вытеснялась историей философских идей.

Итак, Иконников и Лаппо-Данилевский с разных сторон подходили к пониманию необходимости вывести историографию за рамки изучения лишь исторических концепций, к необходимости значительного расширения предмета историографии. При этом первый вводил историю исторической науки в сторону накопления фактов, второй — в формальную логику; но ни тот, ни другой так и не смог реализовать полностью свои замыслы. Следствием различных подходов, лежавших в основе исследований названных историков, явилось то, что разрыв между изучением фактической базы и изолированностью теорий делался все глубже — типичная черта буржуазной исторической науки в целом в период ее кризиса.

Из всего вышесказанного делается очевидным, что в русской исторической науке процесс складывания и осмысления предмета историографии не был однозначным, в нем не было последовательной замены одного понятия другим, когда новое понимание полностью поглощало или вытесняло прежнее. В науке параллельно существовали различные трактовки историографии. Но в целом заметна была тенденция к углублению и к расширению предмета истории исторической науки. А в зависимости от понимания предмета расширялась и историографическая проблематика.

Важно обратить внимание на то, как историки науки понимали назначение своей дисциплины, или, выражаясь современным языком, определяли функциональную направленность историографии. Бестужев-Рюмин, к примеру, писал, что он стремился «представить результаты, добытые русскою историческою

наукою в полтора ста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности», надеясь при этом, что его попытка «будет не без пользы для приступающих к самостоятельному изучению истории...»⁵⁹. Нечто аналогичное встречаем у Кояловича и у Иконникова. Они предназначали свои труды, подводящие итоги предшествовавшему развитию исторической науки, для начинающих ученых или студентов. Для Милюкова историография была уже средством отдать *себе* сознательный отчет в выбранном направлении исторического изучения и средством оправдания перед публикой и коллегами. Таким образом, историография выполняла практически познавательные функции — она призывалась для того, чтобы подытожить сделанное в науке, усвоить предшествующий опыт, осмыслить современное состояние науки с тем, чтобы сберечь исследовательские силы, предостерегая исследователей от нежелательных повторений и помогая определить собственное положение в науке.

В дореволюционной историографической литературе вставал вопрос и о критериях отбора — началась вестись речь не только о том, что должно входить в предмет отечественной историографии, но и о том, что *не должно* входить в него. Так, Лаппо-Данилевский утверждал, что в область *русской* историографии «не должно входить *все* то, что писалось о России, напр[имер], сказания иностранцев о России, а только то, что *выражало народное самосознание* поскольку оно устремлено было на *прошлое* и приобрело *научные формы*»⁶⁰. В другой рукописи та же мысль содержалась в прямом упреке Кояловичу в связи с тем, что тот как раз включил в русскую историографию сказания иностранцев. Эти замечания свидетельствовали о выработке критерия отбора историографических фактов, о целенаправленном критическом осмыслении предмета историографии.

В конце XIX — начале XX в. историками стал подниматься новый, принципиально важный вопрос, свидетельствующий о качественном росте историографии как научной дисциплины — вопрос об определении места истории исторической науки в общей системе наук. В первой главе в связи с рассмотрением истории становления историографии мы уже говорили об этом. Чтобы избежать повторения, сейчас напомним лишь о том, что история исторической науки всем нашим авторам представлялась как часть более широкого научного знания. Ключевским, к примеру, историография рассматривалась как один из специальных отделов изучения истории, как органическое звено чисто исторического знания, наряду с такими дисциплинами как источниковедение, методология или терминология русской истории. Коялович в историографии признавал компонент русской националь-

⁵⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 1.

⁶⁰ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 68, л. 895.

ной науки в целом, выражающей в себе русские особенности, «русское самосознание». Миллюков видел в истории исторической науки часть русской культуры, отражающей все важнейшие стороны внутренней истории России. Лаппо-Данилевский, справедливо признавая правомерность всех этих представлений, вместе с тем стал выводить историографию из рамок сугубо исторического знания и из узко национальных ограничений. Он включал историографию в процесс, по его выражению, глобального развития общемировой истории науки, в особый разряд «науки о науке», в конкретных областях знания которой проявляются общие задачи и приемы, присущие истории всех наук.

В изучаемый период историография как научная дисциплина прошла значительный путь от представления о ней как об обзоре исторических источников и литературы до включения в ее сферу задач изучения сначала сменяющихся теорий и взглядов, а затем истории исторических учреждений, обществ, периодики, истории смежных и вспомогательных исторических дисциплин. Буржуазная наука в лице В. С. Иконникова и А. С. Лаппо-Данилевского делала первые шаги в области изучения сложной системы развития исторической науки. Но и эти попытки расширения предмета историографии при их кажущейся широте были ограничены, ибо важнейшие стороны истории исторической науки оставались в стороне. Прежде всего то был вопрос об изучении социальной сущности исторической науки, о ее классовой направленности, который тщательно обходилась буржуазно-дворянской исторической наукой во все времена ее существования. Дореволюционные русские историки так и не пришли к согласованной точке зрения на предмет историографии и не подытожили накопившийся опыт. К тому же отдельные интересные наблюдения ученых оставались на их письменных столах, так и не став достоянием своих современников. Вместе с тем, при всех недочетах и ограниченности, опыт ученых прошлого имеет свою ценность и представляет значительный интерес для современной науки.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из важнейших способов познания закономерностей развития истории исторической науки является ее периодизация. Этот сложный теоретико-методологический вопрос для своей постановки требует достаточно высокого уровня развития науки. Поэтому естественно, что периодизация отечественной историографии, как научная проблема, не могла возникнуть с появлением первых историографических работ. Для этого необходимо было накопить значительный конкретный материал, осмыслить его и обобщить, то есть приобрести определенную историографическую опытность.

Первые попытки периодизации отечественной историографии относятся к середине XIX — началу XX в. В эти годы стали отчетливо обнаруживаться противоречия различных исторических школ и направлений, именно в это время создавались, приходили в столкновения, проверялись и отвергались жизнью различные концепции; именно тогда набирало силы и все более проникало в науку новое в России, сначала революционно-демократическое, а затем и марксистское понимание истории. Несмотря на то, что в этот же отрезок времени отдельные отрасли исторического знания, в том числе и историография, переживали определенный подъем, одновременно с этим буржуазно-дворянская историческая наука в целом вступала в полосу своего кризиса. Историки данного направления отчетливо почувствовали потребность в выяснении истории собственной науки и, в частности, в выявлении главных этапов ее развития, поскольку это было необходимо для понимания причин, вызвавших это кризисное состояние.

В течение продолжительного времени господствовало представление о начале изучения в России отечественной истории лишь с XVIII в. Увидеть и понять его истоки, проследить за постепенным накоплением исторических знаний и их развитием в более ранние столетия, удалось, как увидим, немногим.

Для большинства историков науки изучаемого периода было характерно ограничение историографии жесткими рамками «академической» науки при отсечении трудов и взглядов непрофессиональных ученых, особенно для XIX и начала XX в. В результате вне внимания историков оставались журналистика,

революционно-демократическое, а затем и марксистское направления в исторической науке. Названия и другие ограничения не могли не повлиять и на решение проблемы периодизации истории русской исторической науки.

В настоящей главе ставится задача проследить за тем, как понималась и решалась проблема периодизации русской историографии в дореволюционной исторической науке. При рассмотрении этой проблемы даже в тех случаях, когда автор не формулировал и не ставил перед собой подобной цели, будет обращать внимание на датировку момента начала и окончания его исследования. При конкретном рассмотрении историографических работ мы будем придерживаться по возможности хронологической последовательности.

К сожалению, в этом плане мало что можно сказать об одном из первых общих курсов — о курсе по русской историографии профессора Н. А. Иванова (1813—1869), прочитанном им в Казанском университете в 1846/47 уч. г. Мы не располагаем пока сведениями о том, сохранилась ли до наших дней рукопись этого курса (лишь небольшая часть его была опубликована в «Ученых записках» Казанского университета). Краткие данные, приведенные о рукописном курсе Иванова в книге В. С. Иконникова¹, не дают возможности судить о том, была ли там периодизация истории исторической науки, но все же тут возможны некоторые наблюдения. Видимо, эта работа не носила чисто историографического характера. В ней, наряду с историко-литературными источниками, рассматривались и вещественные памятники («*Monumenta illiterata*»), куда автором были отнесены сведения и о народном быте и преданиях. Обзор же «*monumenta literata*» Иванов начинал с летописей, потом касался «Степенной книги», хронографов, сказаний, записок. Наряду с русской исторической литературой он рассматривал и государственные акты и записи иностранцев (византийские, восточные и западные).

По утверждению Иконникова, в этой работе Иванов значительное место отводил попыткам обработки русской истории, начиная с первых опытов в этом роде — «ранее Татищева», уточнил Иконников, но подробнее не перечислил, какие же именно работы относил сюда Иванов. Из историков XIX в. Иванов называл Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, Н. А. Устрялова, М. П. Погодина, П. Г. Буткова. Таким образом, можно сказать, что Иванов проследил хронологически значительный путь развития истории исторических знаний с момента их зарождения и до современного автору времени. Очевидно, можно согласиться с мнением Иконникова, что «нельзя не отдать должного уважения автору, сумевшему впервые обстоятельно и подробно изложить общий ход развития науки русской истории, указать лите-

¹ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. I, кн. 1, с. 263*—264*.

ратуру рассматриваемых вопросов и критически отнестись к мнениям писателей»².

Итак, Иванов начинал историю науки с мифологии и песен, затем переходил к летописанию, но, к сожалению, мы не можем судить о его подходе к летописным сводам, не знаем, видел ли он принципиальное отличие летописей XI—XIII вв. от летописей XIV в. и еще более поздних. Достоверно лишь то, что, наряду с летописными сводами, он анализировал и новые виды исторических работ: «Степенную книгу», хронографы и т. д. Чрезвычайно интересно было бы выяснить, с какого труда Иванов вел начало «обработки русской истории», известно только, что труд Татищева он называл не первым. Этот факт имеет большое принципиальное значение, ибо многие последующие историки склонны были начинать «научную обработку истории» значительно позже — с трудов немецких ученых XVIII в. «Отцом русской истории» называли то А.-Л. Шлёцера, то Г.-Ф. Миллера, то Г.-З. Байера, и когда было восстановлено имя В. Н. Татищева, как основателя отечественной истории, это было уже значительным шагом вперед. Вместе с тем и фигура Татищева тоже на определенное время заслонила более ранние периоды изучения истории и более ранних авторов исторических сочинений.

Таким образом, даже в том случае, если так и не будет найден этот ранний историографический курс, имя Н. А. Иванова должно быть восстановлено и ему следует занять подобающее место в ряду первых историков, изучавших историю исторической науки.

Неоценимым источником для понимания историографических взглядов С. М. Соловьева и, в частности, его периодизации русской историографии, является неопубликованная лекция 1848/49 уч. г. «Обзор русской исторической литературы». Этот документ вносит важные коррективы в представления об историографических воззрениях Соловьева, о которых принято было судить по печатным работам историка, посвященных главным образом, историческим трудам XVIII — начала XIX в. Лекция же начинается с летописания, с устных преданий народа и завершается обзором исторических сочинений конца XVII — начала XVIII в., т. е. тематически и хронологически доводится до труда А. И. Манкиева, с которого и начинается главная историографическая работа Соловьева «Писатели русской истории XVIII века». Но последователи Соловьева не знали об этом историографическом факте и долгое время, думая, что следуют за маститым ученым, начинали отечественную историографию лишь с XVIII столетия. Этому обстоятельству, впрочем, способствовал сам Соловьев, так как материал 1-й лекции не вошел в опубликованные позднее историографические работы историка. Он был лишь частично использован автором в отдельных частях «Истории России», где, однако, превалировал подход к памятни-

² Там же, с. 264*.

кам исторической мысли с точки зрения исторического источника: какую информацию он содержит и как лучше его использовать современному историку, тогда как лейтмотив указанной лекции был историографическим. Поэтому-то представления Соловьева о накоплении исторических знаний в древней Руси остались вне поля зрения последующих историографов, труды которых базировались на исследованиях Соловьева.

С. М. Соловьев не выделял периодизацию истории исторической науки как особую проблему. Более того, и по отношению к историографии он придерживался той же позиции, которую высказывал в «Предисловии» к «Истории России с древнейших времен»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм...»³ Как в общеисторических трудах, так и в историографических Соловьев стремился найти внутреннюю связь между периодами, проследить постепенный рост исторических знаний. Но, как в процессе написания истории России Соловьев вынужден был выделять основные вехи (хотя он и подчеркивал не столько новые черты, периодов, сколько «связь главных явлений», в них замеченных⁴), так и в области историографии он намечал определенные грани. Более того, в его «Обзоре русской исторической литературы» можно выявить и критерии, которыми он при этом руководствовался. Хотя они не оговаривались и не мотивировались, но Соловьев практически последовательно придерживался их.

Соловьев исходил из убеждения, что первая и главная потребность человека заключается в удовлетворении потребности самосознания⁵. Отсюда проистекает главная отличительная черта той или иной историографической эпохи — развитие и расширение потребности в исторических знаниях. В связи с этим возникает необходимость уяснить с какой целью, кем и как использовались эти знания; в чьих руках сосредотачивалось писание истории; как складывалась, а затем и видоизменялась форма исторических сочинений. Таким образом Соловьев подходил в своей лекции к памятникам исторической мысли с чисто историографических позиций.

Так как тема лекции формулировалась как обзор русской исторической литературы, то Соловьев, естественно, начинал с появления первых письменных памятников — с летописи. Но он совершенно справедливо упоминал при этом, что прежде летописи памятником историческим является просто память народа, которая сохраняется изустно в преданиях. Однако ни одно предание, говорил он, не сохраняет событие в целостности: «Народ

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 55.

⁴ Там же, с. 59.

⁵ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 285, п. 3, д. 1, л. 1. Далее: ОР ГБЛ.

облекает их в радужные цветы»⁶. На основании этого можно утверждать, что Соловьев начинал историю накопления исторических знаний с устного народного творчества, отводя ему роль своеобразного пролога.

Появление грамотности обуславливало возникновение летописей, которые находились в руках духовенства как грамотного сословия. Это и есть первый, исходный период.

С течением времени первоначальные формы летописи — «записывание по годам верных событий» — изменяют свой характер. Между фактами, записанными верно, вставляются предания народа, сведения, почерпнутые от других лиц, и собственные рассказы летописца как очевидца. Летописец не только излагает события, но и позволяет себе высказывать собственное мнение. Так появляется новая форма исторического сочинения — летописные сборники. Момент летописной обработки Соловьев назвал вторым периодом — это единственный случай, когда он употребил слово «период»⁷. Здесь уже летопись, подчеркивал Соловьев, «составляет переход к истории» «Летопись становится необходимостью для правительства и разделяется на 2 раздела — летопись правительственную и историю», которые «существовали друг подле друга». Правительство, продолжал он, употребляет летописи как юридический акт; монахи смотрели на нее с той же целью: для них это акт церковный⁸. В связи с этим Соловьев обратил внимание на личность летописца, на то как она проявляется в его труде. Им отмечены два типа летописца — лицо состоящее на государственной службе, которое более свободно высказывает свою личность, и лицо духовное — монах, который высказывает не свою личность, а личность сословия, так как «его личное мнение принесено в жертву мнению его звания»⁹.

Основная методологическая посылка Соловьева о решающей роли в истории России смены родовых отношений государственным проявлялась здесь, в частности, в том, что «беспристрастие» первых летописцев он объяснял господством на Юге родовой собственности, в силу чего там не было «областных патриотизмов», тогда как на Севере «образовалась отдельная собственность, а отсюда областная замкнутость, необходимость областных патриотизмов». «Власть на Севере получила сильное развитие — образовались единодержавие и самодержавие»¹⁰, выработалось стремление всему дать общее направление. У летописцев при такой постановки дела уже нет прежней свободы, он привержен своему князю и зависим от него. Обратил внимание Соловьев и на обусловленность характера летописцев от особенностей географической среды, от общего склада характе-

⁶ Там же, л. 1об.

⁷ Там же, л. 5об.

⁸ Там же, л. 3об., 4.

⁹ Там же, л. 6—6 об.

¹⁰ Там же, л. 7—7об., 9

ра народонаселения тех мест, где создавались та или иная летопись¹¹.

Дальнейшее развитие исторической литературы Соловьев характеризовал по векам, подчеркивая при том специфику исторических произведений каждого столетия.

XV век: с Ивана III летописи берет в свои руки правительство, так как оно хорошо поняло их юридическое значение. Первым делом, считает Соловьев, Иван III заставил пересчитать «все вины новгородцев». Образцом правительственной летописи он называет Царственную книгу, а Степенную книгу — первой попыткой составления сводной летописи «для облегчения показаний». Официальным летописям, написанным под непосредственным надзором правительства, Соловьев противопоставлял Хронографы — они одни, утверждал Соловьев, остались независимым выражением народной жизни. Среди исторической литературы XV в. он упоминал и другие сочинения, главным среди которых назвал Великие четьи-минеи митрополита Макария. Это столетие Соловьев считал замечательным еще и потому, что все дошедшие списки летописей были написаны именно тогда¹².

В исторической литературе XVI в. появляется новый, противоположный летописям, тип исторического сочинения — записки. Соловьев рассматривает их на примере «Записок» кн. Андрея Курбского, где ярко выражена борьба старой боярской партии с новой, родового быта с государственным¹³. Заметим попутно, что о посланиях Ивана Грозного не было сказано Соловьевым ни слова.

XVII век внутренне подразделен Соловьевым на начало и конец столетия. Для начала века характерно развитие формы записок, что демонстрируется Сказанием Авраамия Палицына. Характеристики исторических сочинений конца XVII в. делаются все более обзорными, хотя они и перечислены с достаточной полнотой. Важно обратить внимание, что для этого периода Соловьев выделил проблему расширения потребности в историческом знании, в развитии школьного образования. Царь Федор Алексеевич, говорил он, первым задумался о необходимости создания исторического учебника и дал соответствующие поручения сначала дьяку Ф. И. Грибоедову, а затем А. С. Матвееву.

¹¹ Для примера Соловьев приводит три областные летописи — Новгородскую, Киевскую и Волынскую. Новгородцы — люди торговые, практичные, вечно занятые, не любящие многословия, поэтому новгородские летописи сухи, их отличает краткость и сжатость тона. Киев — мать городов русских, средоточие исторического движения. Здесь совершаются великие события, народ киевской земли словоохотлив. В результате их летописи носят совсем иной характер, в них видно влияние и народных дум и песен. Волынская летопись — особенно вторая ее часть — вся написана под влиянием народных дум и сама принимает характер дум, сказки. Летописец здесь человек светский, освобожденный от религиозного влияния. См.: Там же, л. 70б. — 9.

¹² Там же, л. 90б. — 11.

¹³ Там же, л. 110б.

«Вот начало нашей исторической науки!» — восклицает Соловьев. «Но то, что было потребностью царя в XVIII века делается потребностью целого народа»¹⁴.

Здесь совершенно очевиден новый рубеж — XVIII век. На нем кончается I-я лекция и с него начинается известная работа Соловьева «Писатели русской истории XVIII века». Она как известно, открывается анализом «Ядра, Российской истории» А. И. Манкиева, которое сопоставляется с сочинением Ф. И. Грибоедова и с «Синописом» Иннокентия Гизеля, что вполне соответствовало пониманию Соловьевым общего исторического процесса — он неоднократно подчеркивал тесную связь русской истории конца XVII в. с первой половиной XVIII в. В статьях, посвященных Карамзину, Соловьев делает более широкий экскурс — примерно в середину XVII в. Им упоминались составленное Артамоном Матвеевым «Описание всех великих князей и царей российских в лицах с историями», «История о царях великих князьях земли русской» дьяка Федора Грибоедова, попытки составить историю Федора Поликарпова и «Родословная роспись...» Феофана Прокоповича, а уже затем только он переходил к Манкиеву и за ним — к трудам историков XVIII в. Что касается более древних исторических работ — летописей, летописных сводов, хронографов, сказаний, записок, Степенной книги и т. п., то их Соловьев квалифицировал только как исторические источники и не подходил к ним здесь с историографических позиций. Это в целом соответствовало тогдашнему общему уровню развития не только историографии, но и источниковедения и исторической науки в целом. Но с точки зрения истории изучения отечественной историографии, то было отступлением от ранее завоеванных позиций.

Таким образом, если судить по более поздним печатным работам Соловьева, то можно сказать, что он склонен был начинать историю создания исторических работ с XVII в. При этом, однако, следует оговориться: Соловьев в работе, специально посвященной памяти Н. М. Карамзина, при рассмотрении исторических работ его предшественников не исходил из задачи освещения истории складывания исторической литературы и не ставил перед собой цели следить за постепенным поступательным ходом развития исторических знаний в России. Его кредо сводилось к следующему: «В истории выражается народное самопознание, а самопознание есть венец знания»¹⁵. Отсюда, перебирая в памяти исторические сочинения далекого прошлого, он не находил возможности ни одно из них признать венцом науки: «Можно ли же было ожидать венца знания в то время, ког-

¹⁴ Там же, л. 15об.— 16.

¹⁵ Соловьев С. М. «История государства Российского» как выразительница народного самосознания.— В кн.: Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения: Сб. историко-литературных статей/Составил В. Покровский. М., 1912, с. 119.

да знание было еще только в зародыше?»¹⁶ — спрашивал он. Чтобы контрастнее оттенить заслуги Карамзина, Соловьев ввел в текст статьи своеобразный рефрен: «Древняя допетровская Россия... не оставила истории», «Петр увидел, что история не корабль, на заказ не делается», «История не торжественная ода, на заказ не пишется» и т. п.¹⁷ Разделяя XVIII в. на два крупных этапа — петровский и екатериненский, — Соловьев исторические труды первой половины века охарактеризовал как «материальное приготовление к написанию русской истории», а труды второй — как «приготовление духовное»¹⁸. В результате появилась «История» Карамзина, которую «можно назвать, — писал Соловьев, — величественною поэмой, воспевающей государство»¹⁹. Подобный подход к историческим работам прошлого, конечно, нарушает историографический принцип, ибо Соловьев в данном изложении исходил не из действительного развития науки во времени, а из требований науки современного ему периода. Он сравнивал сочинения историков прошлых веков не с соответствующим тому времени уровнем исторического знания, а с работами Карамзина и со своей собственной.

Но, впрочем, перед Соловьевым, как перед буржуазным историком, стояла еще одна определенная цель. Отстаивая принцип историзма, он должен был путем критики позиций историков «охранительно-официального направления (крупнейшей фигурой которого был Карамзин), расчистить место для нового, буржуазного направления. Напомним еще раз, что до работ Соловьева уже шли оживленные споры вокруг имени Н. М. Карамзина. С одной стороны, его «Историю государства Российского» сравнивали с египетскими пирамидами и с открытием Америки, а самого автора — с Петром Великим, с другой, — прогрессивная часть общества, начиная с декабристов, высказывала о ней свое резко отрицательное мнение. Так или иначе, труд Карамзина закрыл собой работы предшествовавших историков. Это способствовало укреплению мнения, что только с его «Истории» началось изучение прошлого России. Отсюда и вытекала главная задача, стоявшая перед Соловьевым: признавая заслуги Карамзина, определить действительное его место в истории исторической науки.

С 1853 по 1856 г. в «Отечественных записках» стали появляться статьи Соловьева о Карамзине, где он конкретно и последовательно разобрал знаменитый труд главу за главой. В 1855 г., вышла в свет его работа «Писатели русской истории XVIII века», само название которой говорило о том, что изучение русской истории существовало и до Карамзина, что у него были предшественники, что его деятельность была подготовлена усилиями других и в известной мере от них зависела. В этой работе Соловьев так же спокойно и авторитетно анализировал

¹⁶ Там же.

¹⁸ Там же, с. 120.

¹⁷ Там же.

¹⁹ Там же.

труды А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, В. К. Тредьяковского, кн. М. М. Щербатова, П. Н. Болтина, Ф. А. Эмина, И. П. Елагина и митрополита Платона. Таким образом, без крайне обостренных и прямолинейных выводов предстала картина развития исторической науки с конца XVII в., была выявлена связь Карамзина с его предшественниками. Как справедливо отметил П. Н. Милюков, Соловьев «впервые ввел „Историю государства Российского“ в ряд других явлений историографии»²⁰. Как видим, Соловьев свою обязанность историка следить за «непосредственным преемством» выполнил и в области историографии.

Тем не менее, хотя Соловьев начинал работу «Писатели русской истории XVIII века» — с анализа «Ядра» Манкиева, а статью о Карамзине и 1-ю лекцию — с еще более древних работ, он обратил серьезное внимание на «Историю Российскую...» Татищева (это впоследствии оказало большое влияние на исследователей), обстоятельно разобрал сочинения и других русских историков, в том числе Ломоносова, Болтина, Щербатова, вопреки всему этому все же родоначальником исторического направления в науке он назвал немецкого ученого Шлёцера. Сделал он это в пику славянофилам, называя их позицию «антиисторическим направлением»²¹, а позицию Шлёцера и его последователей (к коим Соловьев относил и себя) «историческим направлением».

В конечном результате в опубликованных историографических работах Соловьева нельзя точно зафиксировать четкий исходный рубеж, отталкиваясь от которого он вел бы историю науки. Его позиция в этом вопросе несколько противоречива. Вероятно, это можно скорее всего объяснить тем, что до нас не дошла его завершенная обобщающая историографическая работа, на существование или, по крайней мере, на замысел которой он ссылался в «Писателях русской истории...» Вот эта сноска: «Отрывок из большого сочинения о писателях русской истории вообще. Здесь обозреваются только писатели XVIII века, и при том *русские*»²².

Сконцентрировав внимание на детальном разборе отдельных работ историков XVIII в., Соловьев ввел в научный оборот свои аргументированные выводы и привлек внимание исследователей к более углубленному изучению проблемы. Но, оставив «за бортом» проблематику 1-й лекции, Соловьев тем самым сузил рамки русской историографии, что оказало значительное влияние на последующую литературу, так как его работы, получившие широкую известность, уже независимо от их автора способствовали утверждению мнения (которое на довольно дли-

²⁰ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913, с. 129.

²¹ Соловьев С. М. Шлёцер и антиисторическое направление.— Собр. соч. СПб.: Общественная польза, стб. 1577—1616.

²² Там же, стб. 1317.

тельное время оказалось господствующим, что в России до XVIII в. почти не писалось исторических сочинений и что начало изучению русской истории было положено немецкими учеными.

Н. И. Костомаров (1817—1885) слепенательно не занимался разработкой проблем историографии. Более того, он сознательно предпочитал историографии источниковедение. Но именно это сознательное предпочтение ценно для изучающих историю русской историографии, ибо он заметил и подчеркнул разницу этих дисциплин, признавая правомерность того и другого подходов к одним и тем же историческим произведениям. «Я почитаю нужным, — говорил Костомаров в лекции по русской истории, — прежде всего сделать обзор источников русской истории удельного уклада, указать их состав, определить их достоверность, их значение в умственной деятельности народа, потом перейти к древним литературным памятникам и, наконец, к правительственным и юридическим актам, не касаясь их, однако, с тех сторон, которые составляют *предметы особых наук — истории русской литературы и истории русского законодательства*»²³.

В другой лекции («Об отношении русской истории и географии и этнографии»), прочитанной им в 1863 г., Костомаров, подчеркивая важность для историка изучения духовной стороны народной жизни²⁴, также отстранялся от рассмотрения истории исторической науки: «Не станем в подробности излагать, какими путями шла наука русской истории и какие школы переходила»²⁵.

И все же Костомаров попутно делал отдельные историографические наблюдения, в том числе о ходе изучения в России истории. Он не называл ни одного точно определенного рубежа, но давал характеристики историческим сочинениям разных эпох, не говоря конкретно при этом, к какому именно времени относятся его замечания. Это привело к тому, что в современных историографических курсах можно встретить разное понимание периодизации Костомарова. Так, в учебнике «Историография истории СССР» (под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева) сказано, что Костомаров «выделял два этапа в развитии историографии — первый, характеризующийся „анекдотическим характером изложения“, когда историк „скользил по поверхности прошедшей жизни“ (до XVIII в. включительно), и второй, — содержанием которого было искание внутренней связи событий, когда историки „следили за последовательным развитием и изменением государства“»²⁶. А харь-

²³ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории СПб. 1861, ч. 1, с. 18. (Курсив мой. — Р. К.).

²⁴ Он считал, что «на первом плане у историка должна быть деятельная сила души человеческой, а не то, что содеяно человеком» (Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб., 1903, кн. 1, с. 721).

²⁵ Там же, с. 722.

²⁶ Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971, с. 238.

ковский исследователь В. И. Астахов склонен был считать, что в развитии отечественной историографии Костомаров «видел три этапа: первый (до XVIII века) — „анекдотический“», когда историк скользил по поверхности событий; второй — государственный, когда историки «следили за последовательным развитием и изменением государства», и третий, — когда «исторические сочинения стали наполняться описаниями внутреннего быта»²⁷. Как видим, тут расхождения не только в трактовке количества периодов — два или три (кстати сказать, у Костомарова можно найти и четвертый — современный Костомарову период, тайну которого он и пытался открыть в «деятельной силе души человеческой»²⁸), но и в определении границ между первым и вторым периодами. В первом приведенном случае XVIII век включен в «анекдотический» период, во втором — нет. Подобное недоразумение проистекает из того факта, что сам Костомаров не определял строго рубежи и вряд ли стоит делать это за него.

Небезынтересно отметить, что И. В. Лашнюков, (к историографической работе которого мы сейчас переходим), во многом разделявший взгляды Костомарова, при периодизации русской историографии опирался не на только что приведенные данные Костомарова, а на его периодизацию общенационального процесса. Напомним, что Костомаров, исходя из своего критерия «двух начал» — начала веча и федерации и начала централизации и монархии, — делил русскую историю на «две половины, несходные между собою по духу и содержанию... Первая была Русь удельно-вечевая, вторая — Русь единодержавная»²⁹.

Отличительной чертой Лашнюкова как историка был строго критический подход к работам и выводам как предшествовавших, так и современных ему исследователей. Именно эта черта, видимо, и сыграла решающую роль в возникновении его интереса к истории науки. Она помогла ему и «устоять» против авторитета Соловьева и даже в противоположность ему сосредоточить внимание на анализе, главным образом, древнерусской историографии — летописей и летописных сводов. Уже одно это обстоятельство важно для изучения истории развития отечественной историографии, так как интерес к истории исторической науки этого времени способствовал выработке понимания летописи не только как ценнейшего исторического источника, но и как историографического памятника — исторического сочинения. Такая постановка вопроса стимулировала развитие историографической мысли, вырабатывала историографический подход к памятникам в отличие от источниковедческого.

В сохранившихся программах и отчетах Лашнюкова о пре-

²⁷ Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1962, ч. 2, с. 84.

²⁸ Костомаров Н. И. Собр. соч., кн. 1, с. 720—721.

²⁹ Там же, с. 199

подавании русской истории в лице, и в частности в самой ранней программе 1854/55 уч. г., была предусмотрена значительная историографическая часть. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Лашнюков уже здесь четко разграничивал «источники русской истории» и «историю ее научного обрабатывания», что представляло значительную трудность для историков того времени.

Ясно и определенно высказывался Лашнюков о периодизации русской историографии. «История науки русской истории,— читаем в программе,— представляет три момента в ходе своего постепенного развития». При этом он подчеркивал особенности «исторического ведения» для каждого периода: «в древнем периоде наше историческое ведение выразилось в летописной деятельности, в форме житий [святых], паломников и сказаний; в среднем периоде — в типах: 1. Записки и 2. Сводной летописи; в третьем периоде, с начала 18-го века, в типах специального исследования отдельных предметов по части русской истории и в прагматической системе русской истории в целом ее объеме»³⁰. Те же три периода Лашнюков называет и в специальной историографической работе.

«Очерки русской историографии»³¹ открывались кратким введением, где автор и давал свою периодизацию русской историографии, которую в ходе дальнейшего изложения он дополнял и подробнее мотивировал.

В основу этой периодизации легло понимание того факта, что на авторов исторических сочинений влияют конкретно-исторические особенности их времени, т. е. происходившие в стране социально-экономические и политические изменения. На этом основании Лашнюков считал, что историография «в своем ходе представляет те же периоды, какие прошла наша историческая жизнь» и в соответствии с этим он делил ее, так же как и в программах, на три периода, не дробя их внутри на более мелкие. Истории Киевской Руси и времени феодальной раздробленности он отводил первый период — историографию удельно-вечевой Руси — и начинал его с XI—XIV вв. Ко второму периоду Лашнюков относил историографию Московского государства, а к третьему, последнему периоду — историографию XVIII и XIX вв. Здесь в выделении первых двух периодов заметно влияние общеисторической схемы Костомарова — это та же «Русь удельно-вечевая» и «Русь единоподдержавная», только Лашнюков изменяет название второго и добавляет третий период. При конкретном анализе Лашнюков по существу придерживался тезиса Костомарова о несходности «между собою по духу и содержанию» этих

³⁰ Нежинский филиал Государственного архива Черниговской области (ГАЧО), ф. 378, оп. 1, д. 604, л. 4—5.

³¹ Лашнюков И. В. Очерки русской историографии. — В кн.: Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев. 1874, вып. 2, отд. II.

периодов и строил свое изложение на постоянном противопоставлении исторических сочинений этих времен.

При дальнейшем рассмотрении каждого периода Лашнюков более подробно, чем то было сделано им во введении, обосновывал намеченные грани. В этих периодах он выявлял характерные для них черты. На первый план Лашнюков выдвигал изменения, проходившие в мировоззрении авторов исторических сочинений, ибо именно концепции историков влияют на содержание их трудов и даже на способ изображения событий. Так, проводя грань между первым и вторым периодами, Лашнюков противопоставлял взгляды древнейших летописцев (которых он, кстати сказать, заметно идеализировал) образу мыслей летописцев XIV—XVII вв. Прежде всего он подчеркнул изменения, происшедшие как в положении летописца, так и в его мировоззрении, на которое оказывала огромное влияние политическая доктрина молодого растущего Московского государства. Если древнейшие авторы писали, по утверждению Лашнюкова, правдивую, живую историю с натуры, руководствуясь религиозным взглядом и непосредственным чувством, то с XIV в. летописцы были принуждены писать под давлением власти, что наложило на их труды официальный узко-государственный характер — политическая тенденция привела к однообразию и сухому шаблону. В результате у этих авторов на первом плане стали изображаться «деяния государей, войны и внешние государственные сношения»³², а народ для них — «масса без определенной роли и положения»³³.

Как отличительную черту второго периода Лашнюков отмечал появление новых форм исторических сочинений — летописных сборников. Он считал, что эти сборники олицетворяли собой политический процесс объединения вокруг Москвы отдельных княжеств. «В то время, когда Русь удельная образовала государство Московское и историческая деятельность, идущая всегда параллельно с развитием народа, должна была обнаружить тот же процесс соединения в одно целое. Таким образом, летописи отдельных княжеств, вошедших в состав Московского государства, составили огромный летописный сборник»³⁴.

В зависимости от идейной направленности исторических сочинений Лашнюков сгруппировал их в два отдела: «Памятники официальные» (к которым он относит сборники, краткие летописцы и Степенную книгу) и «Памятники неофициальные», существовавшие «рядом с официальной, государственной историографией»³⁵. Сюда он относил местные летописи и записки русских людей³⁶. Лашнюков отметил появление новых форм исторических сочинений, что также является признаком, на основании которого целесообразно проводить известную грань в истории науки.

³² Там же, с. 46.

³³ Там же, с. 30.

³⁴ Там же, с. 47—48.

³⁵ Там же, с. 52.

³⁶ Там же, с. 47.

Между тем, правильно указывая на записки русских людей, как на вновь появившуюся форму исторического произведения, Лашнюков включал в свой анализ и записки иностранцев о Русском государстве. В этом он несколько сбивался с выбранного им историографического подхода к теме, так как записки иностранцев, являющиеся ценнейшим историческим источником, не могут быть отнесены к историографическим памятникам *русской* исторической науки. Подобную же ошибку совершал и Коялович. Это, безусловно, свидетельствует о сложности проходившего тогда процесса размежевания двух научных отраслей — источниковедения и историографии.

Наконец, для обоснования проведенной грани между первым и вторым периодами Лашнюков приводил еще один довод — появление в XIV в. методического исторического сочинения — Степенной книги, цель которого — «оправдать историею тот государственный порядок, который в это время утверждался в Москве»³⁷. К подобного же рода сочинениям автор относил Царственный летописец и Царственную книгу.

Как видим, Лашнюков давал разностороннее и вполне историографическое обоснование указанному рубежу. Следует заметить, что подобным подходом к периодизации Лашнюков значительно опередил не только современных ему авторов, но даже и тех, кто писал о русской историографии значительно позднее его. Дворянско-буржуазная историография обычно резко разграничивала и противопоставляла летописи и исторические сочинения — «провиденциальному» (летописному) периоду (который нередко совсем опускался из русской историографии) противопоставлялся «прагматический» период. Это происходило из трактовки летописей как источников, где накапливались якобы беспристрастно собранные факты, в которых отсутствовало индивидуальное авторское начало, и не отражались ни классовые интересы, ни политические тенденции господствующих кругов. Однако отдельные историки, в том числе и Лашнюков, начинали подходить к летописям более разносторонне и глубоко. Они стали видеть в них не только сокровищницу фактов, но авторское толкование событий, начали расценивать летописи как исторические произведения, в которых отражалось определенное мировоззрение. Таким образом, летописание стало включаться в историю отечественной науки. Но делали это историки по-разному, различно определяя исходные моменты русской историографии.

Следующий рубеж — XVIII век — Лашнюков не считал необходимым подробно аргументировать, так как он несомненен: здесь и крупнейшие социально-экономические и политические сдвиги, влияющие на концепции историков, что, в свою очередь, влекло за собой изменение внутреннего содержания и внешнего вида исторических трудов. Так же, как и первые два периода, третий период (XVIII — середина XIX в.) дан без каких-либо

³⁷ Там же, с. 49.

внутренних подразделений. Эта часть «Очерков» была опубликована значительное время спустя после смерти автора, и не была им непосредственно подготовлена к печати. Этим отчасти можно объяснить некоторые противоречия, например, утверждение, что «наука русской истории возникает в XVIII веке в трудах академиков-немцев»³⁸. Подобное суждение не было личным мнением Лашнюкова — оно соответствовало современному ему уровню развития исторической науки. Но оно вызывает недоумение, так как сам Лашнюков немало сделал для преодоления данного положения, разрабатывая два предшествующих периода русской историографии.

Работа Лашнюкова оканчивается краткими характеристиками современных ему коллег — Соловьева, Аксакова, Костомарова, упоминается так же даже молодой Ключевский, только что выпустивший тогда первое студенческое сочинение «Сказание иностранцев о Московском государстве» (1866).

Несмотря на некоторую непоследовательность, в целом попытку Лашнюкова периодизировать русскую историографию следует признать удачной. Он не только верно указал на связь исторической науки с историей страны, но заметил и подчеркнул своеобразные черты историографии как истории исторической науки.

Во всех работах дореволюционных и советских историков, где так или иначе упоминается история изучения историографии, видное место отводится К. Н. Бестужеву-Рюмину. И действительно, русская историография была одной из главных тем историка. Ей посвящены обширное введение к его труду «Русская история», курс лекций и ряд статей, написанных в разное время начиная с 50 и до 90-х годов XIX в. Значительная часть этих статей вошла впоследствии в известный сборник «Биографии и характеристики» (1882 г.), но они не объединялись единством замысла, как то было сделано, к примеру, С. М. Соловьевым. Здесь биографические статьи соседствуют с очерками юбилейного характера, с воспоминаниями о своих коллегах. Поэтому искать в этом сборнике периодизацию истории исторической науки бесполезно. Нет обоснованной периодизации и в очерке русской историографии, помещенном в I-м томе «Русской истории» (1872 г.); нет ее и в «Лекциях по историографии» (1881/82 уч. г.). М. О. Коялович, высоко ценивший как историографическую работу «Историю России» Бестужева-Рюмина, замечал, что «недостает в ней собственно указаний на связь и преемственность явлений в истории науки русской истории»³⁹. Историографический очерк Бестужева-Рюмина скорее можно назвать аннотированной библиографией, чем последовательной историографической работой. Он и по замыслу автора носил вспомогательный характер. Этот

³⁸ Там же, с. 70.

³⁹ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, с. 9.

очерк ценен как добротный справочный материал, как сводка исторических работ.

Следовательно, у Бестужева-Рюмина не было понимания последовательного развития русской историографии, прошедшего несколько стадий. Этот же недостаток присущ и его общеисторическим работам. Тем не менее работы Бестужева-Рюмина по истории исторической науки все же дают основание сделать некоторые наблюдения по интересующему нас вопросу, хотя бы о начальном моменте русской историографии. Так, в «Русской истории», рассматривая наиболее ранние исторические работы, автор оценивал их только как исторические источники, т. е. не вел от них историю изучения родного прошлого. Более того, видимо, и здесь он придерживался мнения, высказанного им еще в 1859 г.: «Писать русскую историю было рано» даже в XVIII в. и «это понял незабвенный Татищев»⁴⁰. «Настоящим отцом русской исторической науки» он назвал Г.-Ф. Миллера⁴¹. Однако после работ С. М. Соловьева и Н. А. Попова, написавшего монографию о В. Н. Татищеве⁴², Бестужев-Рюмин несколько пересмотрел свою первоначальную позицию и стал называть «первоначальником» русской исторической науки В. Н. Татищева⁴³. Однако в лекциях по историографии опять сталкиваемся с утверждением, что «несмотря на протесты некоторых историков, приходящих в ужас от утверждения, что немцы создали у нас историческую науку, должно сказать однако, что немцы действительно положили у нас начало этой науке»⁴⁴. На этот раз первым был назван И.-Х. Коль, занимавшийся церковной историей, затем Г.-З. Байер и потом уже Г.-Ф. Миллер. Но «отцом» русской исторической науки Бестужев-Рюмин никого уже не рискнул назвать.

Все, что предшествовало появлению исторических работ XVIII в. Бестужев-Рюмин называл слишком малозначительными и робкими зачатками исторического знания. Поэтому он и начинал историографический курс с предупреждения о том, что он не будет останавливаться «на произведениях, подобных летописи Сафоновича и летописи Густынской и т. п., не имеющих никакого исторического значения»⁴⁵. Отдавая почетное звание основоположника русской исторической науки то Миллеру, то Татищеву, то опять начиная с немецких ученых, Бестужев-Рюмин тем не менее проявил определенную твердость: постоянно начинал рус-

⁴⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории как науки. — Московское обозрение, 1859, кн. 1.

⁴¹ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 210.

⁴² Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. М., 1861.

⁴³ Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882, с. 1. Первоначально его статья «В. Н. Татищев» была опубликована в журнале «Древняя и новая Россия» (1875, № 1—3, 5, 8 и 12).

⁴⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по историографии за 1881—82 года. СПб.; Литография, 1882, с. 4—5.

⁴⁵ Там же, с. 3.

скую историографию только с XVIII в. Последующее изложение истории исторической науки строилось им не по периодам и не по направлениям, а, главным образом, так называемом «портретным» способом, т. е. он шел от характеристики одного историка к другому.

В целом работы Бестужева-Рюмина не внесли в изучение проблемы периодизации русской историографии что-либо принципиально новое. Его же взгляд на исходный момент отечественной историографии способствовал укреплению положения о XVIII в. как о первом этапе в изучении русской истории. Отсутствие периодизации является, на наш взгляд, существенным недостатком его работ по истории русской исторической науки.

В свое время М. О. Коялович упрекал Бестужева-Рюмина за отсутствие руководящих нитей, которые дали бы читателям возможность не затеряться «при обозрении литературы нашей науки»⁴⁶. Одной из таких нитей могла бы стать периодизация истории науки. Тем не менее сам Коялович тоже не ставил перед собою подобную цель. Его работу отличает непоследовательность, одну из причин которой мы склонны видеть в отсутствии четко продуманной периодизации. Вместе с тем неопределенные намеки на выявление отдельных вех и невольные признания отдельных рубежей все-таки в книге встречаются. «В моем труде,— писал Коялович,— я наметил некоторые выдающиеся моменты в этой особого рода истории нашего русского самосознания, но от полной разработки ее должен был удержаться»⁴⁷. Однако Коялович так и не сказал, какие же «выдающиеся моменты» были им намечены.

Несмотря на то, что он со славянофильских позиций резко критиковал всех западников (и даже Бестужева-Рюмина) за резкое разделение допетровского и петровского времени, сам же в конце концов вынужден был согласиться, что «время петровское, основное начало которого было разрыв с прошедшим, провело это начало и в область изучения истории России», что «разрыв Петра с прошедшим был великим ударом и для изучения русской истории»⁴⁸. И этот единственный выделенный им период он отразил в названии V главы — «Время Петровское».

Позиция Кояловича в отношении определения начального момента русской историографии также противоречива. Дело заключается в том, что он, с одной стороны, противопоставлял исторические памятники научным сочинениям, а с другой — не всегда последовательно проводил свой взгляд. Рассмотрим несколько подробнее этот вопрос. Прежде всего бросается в глаза смешение источниковедческого и историографического подхода к материалу. Так, летописи для него — не исторические сочинения определенного времени, говорящие об известном уровне истори-

⁴⁶ Коялович М. О. История русского самосознания..., с. 474.

⁴⁷ Там же, с. IV.

⁴⁸ Там же, с. 97, 98.

ческих представлений далеких времен, т. е. не объект историко-графического анализа, а «сырой материал», только источник для научной разработки, для критической оценки содержащихся в них сведений, — предметы источниковедческого анализа. Здесь он близок к позиции Бестужева-Рюмина, но, по сравнению с Ланнюковым, Коялович утерял понимание задач историка науки по отношению к летописям. Строго говоря и источниковедческого исследования он не давал, а ограничивался приведением сведений справочного характера, что им было, правда, оговорено.

Понимая летописи и летописные своды как исторический источник, Коялович на этом основании в один ряд с ними ставил и актовый материал. По этой причине он объединял в особую, III главу все работы иностранцев, независимо от времени их написания, начиная от греческих и римских авторов и кончая сочинениями послов XVIII в. В конце главы Коялович приходил к выводу, на основании которого вряд ли было правомерно включать эту главу в исследование об истории и развитии именно русской исторической науки. Вот это заключение: «В литературе нашей науки, в которой мы имеем в виду главным образом проследить уяснение научного русского сознания по отношению к своему прошедшему, иностранные сочинения о России не могут иметь значения первых опытов научной обработки нашей истории. На развитие нашего русского научного сознания до новейших времен они не имели никакого влияния по той простой причине, что не были в России известны»⁴⁹. Следовательно, у Кояловича не было четко продуманного критерия отбора материала. Видя, что анализ отдельных видов исторических памятников не соответствует собственному замыслу, он тем не менее все же включил его в общее построение книги.

Та же непоследовательность сказалась и на его отношении к фольклору. Даже понимание того, что «первейшее сознание своей исторической жизни выразилось в народных легендах»⁵⁰, не привело Кояловича к выводу о целесообразности начинать историографию с рассмотрения народного творчества. Трудно объяснить, почему он отвел место этой теме после глав о летописании и об иностранных писателях. Подобный способ изложения привел к смешению хронологической последовательности, в результате чего, например, «Сказание Авраамия Палицына» соседствует со «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», а сочинения Курбского, Котошихина, протопопа Сильвестра следовали за более поздним «Сказанием Авраамия Палицына». Такое построение работы не способствовало выработке представления о последовательном развитии исторических знаний, о разнохарактерных периодах их эволюции, хотя сам Коялович неоднократно подчеркивал свое стремление излагать именно последовательный про-

⁴⁹ Там же, с. 74—75.

⁵⁰ Там же, с. 75.

цесс развития исторических представлений или, по его терминологии, историю русского самосознания⁵¹.

Почетную роль отца русской истории Коялович отводил В. Н. Татищеву. В трудах Татищева он стремился подчеркнуть исконный «русский дух», который помог ему поставить такие широкие задачи для русской истории, «до каких не додумывался ни один ученый иноземец прошедшего столетия, не исключая самого Шлёцера»⁵². Таким образом, и Коялович склонен был считать отправным пунктом, с которого началось изучение русской истории, XVIII век.

В. О. Ключевский не готовил к печати свои историографические лекции и не литографировал их, хотя он постоянно, в течение более двух десятилетий работал над ними. Об этом свидетельствует сохранившаяся в его архивах часть этого курса и многочисленные материалы к нему, а также отдельные наброски статей и его зарисовки крупнейших историков прошлого. Весь этот комплекс материалов дает возможность довольно детально представить эволюцию историографических взглядов историка, в том числе и его изменявшиеся представления об этапах развития русской историографии. В первые годы чтения историографического курса Ключевский начинал его с XVIII в., что было обычным в то время. Так, в 1888 г. в курсе по источниковедению исходным моментом русской историографии он считал лишь середину XVIII в. «Давно ли мы изучаем свою историю,— спрашивал он. И тут же отвечал:— Сто лет с чем-нибудь,— не больше. Ведь могут найтись долговечные русские люди, которым больше ста лет, т. е. которые старше своей русской истории, точнее — историографии»⁵³. Ученые усилия в области истории, продолжал он, начались в России «около половины XVIII в. и начались частью по почину чужих, сторонних людей, немцем и русским академиком Байером., и немцем же, русским историографом Миллером»⁵⁴.

Но по мере углубленного изучения проблемы, он значительно расширил хронологические границы своего курса. Взгляды Ключевского на периодизацию претерпели заметную эволюцию от простой к более сложной градации, в зависимости от понимания им процесса истории исторической науки в целом. Курс 1891/92

⁵¹ Например, М. О. Коялович писал: «На связь, преемственность мы обращаем преимущественное внимание в нашем труде, именно мы будем заботиться главным образом о том, чтобы читатель видел эту преемственную связь литературных явлений в науке русской истории и вместе с нею постепенное развитие русского научного сознания по отношению к нашему историческому прошлому...» (Там же, с. 10); «В литературе нашей науки, в которой мы имеем в виду главным образом проследить уяснения научного русского сознания по отношению к своему прошлому...» (Там же, с. 74—75); «Литература русской истории — это история русского научного сознания. Из нее мы можем увидеть, как в течение веков нашей исторической жизни понимались события,— явления этой жизни» (Там же, с. 1).

⁵² Там же, с. 101.

⁵³ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 6, с. 474—475.

⁵⁴ Там же, с. 476.

уч. г., в отличие от курса 80-х годов, он начинал уже с середины XVI столетия. В 1891 и в 1894 гг. Ключевский еще подчеркивал разницу между летописанием и историографией, но уже (в 1891 г.) ставил вопрос о точках их соприкосновения, о трудностях перехода от летописи к историографии, об историческом мышлении писателей начала XVII в. В 1895 г. Ключевский дописал ряд параграфов, где пытался установить границы между летописанием и историографией. «Зачатки русской историографии» Ключевский видел уже в летописных сводах XIII и XVI вв. Этот взгляд на начало историографии явился известным шагом вперед в области изучения истории отечественных исторических знаний. Исключение составил лишь курс Лашнюкова, начинавшего русскую историографию с XI в.

Какого-либо единого, теоретически обобщенного обоснования периодизации истории исторической науки у Ключевского нет. Тем не менее, основываясь на текстах курса и черновых записей, возможно довольно подробно восстановить периодизацию и понять основные принципы ее построения.

В истории науки Ключевский выделял эпохи спокойные, когда жизнь представлялась естественной, простой и неизменной, и бурные, когда ломаются привычные устои и представления. Вот эти-то последние и способствовали, по Ключевскому, возникновению исторического мышления, потому что под их влиянием возникает желание «размышлять о происхождении и составе общественного порядка», задуматься над смыслом и причинами недавно минувшего. Свое наблюдение Ключевский со свойственной ему образностью неоднократно высказывал и пояснял. Оно запечатлелось даже в его афоризмах, например, в следующем: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения»⁵⁵. В другом месте он писал: «Так непредвиденные общественные потрясения возбуждают интерес к истории, как неожиданные болезни поддерживают интерес к медицине». И еще короче он формулировал это так: «Бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучали людей истории»⁵⁶.

В основу периодизации Ключевский положил крупнейшие события общественно-политической жизни, т. е. тесно связывал периодизацию отечественной историографии с историей России. В соответствии с этим всю историю исторической науки он делил на четыре крупных периода, каждый из которых складывался из нескольких более мелких фаз. Для их определения Ключевский вводил дополнительные признаки, свойственные специфике исторической науки, такие как изменения видов и форм исторических произведений.

⁵⁵ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 346.

⁵⁶ Научный архив Института истории СССР АН СССР, ф. 4, оп. 1, д. 91.

Наиболее длительный по времени — первый период — назван им «допетровским». Он в свою очередь подразделен тоже на четыре стадии «Зачатки русской историографии» Ключевский видел в летописях и летописных сводах, и этот вид исторических сочинений был основным для древнерусской историографии примерно до середины XVI в. Поэтому эти четыре с половиною века он определял временем «господства летописей». В этом определении Ключевский ограничивался констатацией факта существования определенного вида исторического сочинения (в данном случае летописи), не пытаясь объяснить, какими явлениями были вызваны к жизни именно эти формы, т. е. не применил свой тезис об общественных потрясениях, оказывающих благоприятное действие на развитие исторического мышления. Однако при определении следующих рубежей он пользовался им.

К концу XVI в. летописи начинают уже становиться второстепенными, их начали вытеснять новые формы исторических сочинений — мемуары, переписка, записки современников. Их появление Ключевский объяснял стремлением современников «исключительных явлений» политической борьбы, которая шла в годы обращения к истории не любознательность, а возбуждение в по-Ивана Грозного, «объяснить ее происхождение или оправдать свой образ действий». И хотя авторов XVI в. часто заставляла обращаться к истории не любознательность, а возбуждение в политическом споре (например, в переписке кн. А. Курбского с царем), Ключевский подчеркивал у них уже не летописные размышления, а проблески исторического мышления. «Мемуарист, — писал он, — еще не историограф, но уже ист[орический] мысл[и]тель».

Крупнейшим событием, определившим следующий рубеж, Ключевский считал период Крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в. Этот период он называл так же, как это было принято в дворянско-буржуазной историографии: «Смутное время». Общественные потрясения начала XVII в. заставили людей, писал Ключевский, «всматриваться в состав общества, в жизнь, отправления и связь его составных частей, в действие, оказываемое на них разными влияниями и обстоятельствами, — словом наблюдать и изучать исторические процессы». Эта поворотная эпоха в русской истории явилась поворотной эпохой и в русской историографии — она породила серьезные опыты исторического исследования. Как видим, Ключевский в данном случае опять подчеркивал связь между общественно-историческими событиями и прогрессом исторической мысли. Подробно он останавливался и на происшедшем изменении в политическом сознании, глубоко повлиявшем на особенности, задачи и приемы исторического изучения того времени. Подобные поворотные моменты в истории Ключевский считал очень благоприятными для успехов историографии.

«За эпохой смут следовала эпоха реформ», что наложило свой отпечаток и на историографию. В исторических трудах этой ста-

лии (конец XVII — начало XVIII в.) Ключевский заметил «первые опыты систематического изложения русской истории». Сюда он относил сочинения дьяка Ф. И. Глибедова, «СинOPSIS» И. Гизеля и «Ядро Российской истории» А. И. Мамкина.

Второй крупнейший период в русской историографии Ключевский называл «петровским», относя к нему весь XVIII век. Это столетие в истории науки было наиболее разработанным предшественниками Ключевского. Видимо, поэтому при периодизации данного века Ключевский воспользовался существовавшим условным делением его на три наиболее крупных царствования и делил историю науки соответственно на «петровский», «елизаветинский» и «екатерининский» периоды. Тем самым он отступил от своего удачно примененного принципа периодизации к «допетровскому периоду».

Первоначально Ключевский предполагал периодизировать по царствованиям и третий период (с начала XIX в. до 60-х годов), выделяя здесь царствования Александра I и Николая I. Но вскоре он отказался от подобного деления. Исходным рубежом периода он стал считать последствия Великой Французской революции и войны Наполеона I, ибо эти события «дали сильный толчок и русской историографии: под их влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина»⁵⁷. Здесь, таким образом, он показывал непосредственную связь и зависимость исторической концепции Н. М. Карамзина от его политических идей, которыми Ключевский объяснял и отход Карамзина в сторону реакции. В этом периоде, кроме трудов Карамзина, Ключевский оттенял еще 30—40-е годы XIX в., как время обострения борьбы между славянофилами и западниками.

Годами окончания Крымской войны и отменой крепостного права Ключевский начинал последний, четвертый — «пореформенный» период. И теперь история разделилась на «дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допетровскую и петровскую или древнюю и новую, как они еще назывались»⁵⁸.

И для историографии XIX в. при определении внутренних вех Ключевский опирался на крупнейшие исторические произведения. Так, после И. Н. Болтина, считал он, «историческое изучение России (...) прошло две стадии, явственно обозначившиеся появлением двух капитальных творений по русской истории, созданных Карамзиным и Соловьевым»⁵⁹. Этими именами Ключевский определил крупнейшие фигуры дворянского и буржуазного направлений в отечественной историографии.

Выделение в качестве рубежей истории исторической науки крупнейших исторических событий, а также наиболее важных работ историков, — несомненно, вклад Ключевского в изучение историографии. Однако он подчас ограничивался лишь констатацией внешних признаков (например, оживлением исторической

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

⁵⁹ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 8, с. 164.

мысли), не анализируя изменения и сдвиги в мировоззрении, в идеологии, вызванные указанными им же событиями. Вместе с тем внутри крупнейших периодов Ключевский учитывал и элементы, присущие только исторической науке: видоизменение форм исторических сочинений, крупнейшие работы историков, оказавших заметное влияние на последующее развитие исторических знаний.

Итак, Ключевский пытался теоретически разрабатывать проблему периодизации русской исторической науки. Его принципы, положенные в основу деления на периоды, отражали стремление автора вскрыть органическую связь истории науки с общественно-политическими изменениями, хотя и не для всех этапов в равной степени. Свою периодизацию он распространял на весь процесс истории отечественной исторической науки — от древнейших времен до современного ему времени.

В подходе Ключевского к решению проблемы периодизации истории исторической науки можно заметить общие с Лашнюковым черты. Но в целом, примененные Ключевским критерии — более тонкие, гибкие и подвижные, чем у Лашнюкова, дававшего в обобщенном виде только самые крупные этапы.

Следующий вариант периодизации русской историографии находим у П. Н. Милюкова. Прежде чем приступить к чтению историографического курса, Милюков предварительно продумал общую группировку материала, уяснил свой взгляд на основные явления русской историографии и на их последовательную смену, что для интересующей нас проблемы важно подчеркнуть. Выбранные им принципы остались неизменными при всех последующих переделках первоначального курса и такими же вошли в книгу, где во введении находим четко сформулированный пункт: «Хронологические рамки „главных течений“ и деление на периоды».

Определяя задачу своего исследования. Милюков писал: «Не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направляющие ее теоретические побуждения составят предмет наших последующих наблюдений»⁶⁰. Этот ракурс подчеркивался автором и в самом заглавии книги — «Главные течения русской исторической мысли». Поэтому в основу периодизации Милюков положил не общественно-политическое развитие страны, как это делали Лашнюков и Ключевский, а смену и влияние основных общетеоретических и философских взглядов на разработку исторических сочинений. Развитие русской историографии Милюков постоянно связывал и объяснял «успехами в развитии научности на Западе»⁶¹. Эта точка зрения о несамостоятельности русской культуры вообще, свойственная общенисторической концепции Милюкова, сказалась и на его историографических представлениях. «Наша средневековая филосо-

⁶⁰ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 1.

⁶¹ Там же, с. 4.

фия истории есть, несомненно, заимствованная — польская», — утверждал он⁶². Философские построения русской истории XVIII и XIX вв. он также тесно связывал с эволюцией западноевропейских теорий.

Милюкова, как автора историографической работы больше интересовал XIX век, чем вся предшествовавшая историография. Даже историю науки XVIII в. он называл допотопным миром русской историографии и с удовольствием переходил из этого «мира мало кому известного и мало кому интересного»⁶³ в более современный ему период — в XIX век. Поэтому, признавая, что он поступает произвольно, отстраняя всю древнерусскую историографию, и видя истоки национальной исторической теории в XVI в., он сосредотачивался на XVIII и XIX вв., делая исключение лишь для произведения XVII в. — «Синописа» Иннокентия Гизеля. Летописи же до XVI в. он квалифицировал только как источники для изучения русской истории, но не историографии. Еще резче эта точка зрения выражена им в статье, написанной несколько позже, в 1900 г. для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, где название статьи заостряет эту мысль: «Источники русской истории и русская историография»⁶⁴.

Хронологические рамки книги Милюкова — конец XVII в. («Синописис») — 30—40-е годы XIX столетия. Соответственно этому времени автор делил историю исторической науки на два крупных периода: «до Карамзина (включительно)» и «с Карамзина до нашего времени». При этом любопытно то обстоятельство, что Милюков считал роль Карамзина в развитии науки пассивной. Он говорил о том, что Карамзин не участвовал в работе исторической мысли ни старшего, ни современного ему, ни младшего поколений, что русская историография шла «не через „Историю государства Российского“, а мимо нее»⁶⁵. И все же Милюков периодизировал по Карамзину. Правда, в указанной выше статье он несколько поправился: «Забывая все сделанное для русской исторической науки историографией XVIII в., новую эру в изучении русской истории вели обыкновенно с Карамзина. В действительности, Карамзин лишь замыкает собою традиции XVIII в., и притом не всегда придерживается самых лучших из них»⁶⁶. Т. е. здесь Милюков как бы отрицал ранее выделенную им грань.

Названные два крупных периода Милюков подразделял на ряд более мелких. Исходным моментом при определении рубежей было для Милюкова понимание историками своих задач. Так, в первый период (до Карамзина) авторов исторических произведений отличает, писал он, практическое или этическое

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 128.

⁶⁴ Милюков П. Н. Источники русской истории и русская историография. — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900, т. «Россия».

⁶⁵ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 178, 224.

⁶⁶ Милюков П. Н. Источники русской истории..., с. 436—437.

понимание этих задач, а историческая наука в России тогда «развивалась преимущественно благодаря любителям». Иногда Милюков так и называл первый период временем «любительской разработки истории с прикладными целями»⁶⁷. В свою очередь «период до Карамзина» Милюков разделял на четыре раздела, которые построены им по разным принципам. Так, первый из них посвящен целиком одному историческому сочинению — «Синопису». Второй и третий — историкам XVIII столетия. Здесь он рассматривал общие условия развития историографии в XVIII в., а затем отдельно анализировал труды и деятельность русских и немецких историков, за резкое разделение и противопоставление которых он, кстати сказать, критиковал М. О. Кояловича. При этом, говоря только о русских историках, Милюков вводил бытовавшую тогда в историографической литературе дополнительную периодизацию по главнейшим царствованиям: «Татищев — представитель петровской эпохи», «Ломоносов — представитель елизаветинской эпохи», «Щербатов и Болтин — представители екатерининской эпохи». Труды немецких ученых рассматривались им вне зависимости от периодизации и оторвано от русских исследователей. Заключал рассказ о XVIII в. общий раздел по итогам исторической работы в этом столетии. Последний, четвертый раздел первого периода был посвящен Карамзину и его современникам.

Второй период русской историографии («после Карамзина») Милюков выделял на том основании, что к этому времени совершился переход от «практического» к «научному» пониманию задач исторической науки, что историю начали понимать как науку, которая стала «достоянием профессиональных ученых»⁶⁸. Новый период в развитии исторической мысли в России Милюков начинал тогда, когда «исходною точкой всех исторических рассуждений становится идея исторической закономерности». Отдельные проявления этой идеи Милюков замечал и в XVI, XVII и в XVIII вв., но считал, что только с конца XVIII — начала XIX в. встречаются попытки «приложить понятие закона в его чистой философской форме к объяснению исторического процесса. Попытка эта является результатом крупной перемены в целом мировоззрении европейского общества»⁶⁹. Именно развитие научности на Западе обусловило, по Милюкову, «переход от практического к научному пониманию задач исторической науки» в России⁷⁰.

Итак, сильные потоки западно-европейского влияния определяли, по Милюкову, главный водораздел в русской историографии. Таким образом, исходный тезис Милюкова о чрезмерном, преувеличенном западном влиянии запечатлелся и на его периодизации истории русской исторической науки.

⁶⁷ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 4.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, с. 225.

⁷⁰ Там же, с. 4.

Если бы понадобилось точнее определить границу между этими двумя периодами, то Миллюков назвал бы 1826—1827 гг., так как «золотая дворянская молодежь Александровского времени, сметенная декабрьскою катастрофой, уступает в эти годы место московской университетской молодежи из разночинцев николаевского времени»⁷¹. Это ценное наблюдение о вступлении в науку новой силы — разночинцев — Миллюков развивал несколько подробнее в своей статье. «В университет и в ученое сословие шел разночинец, попович или приказной»; «Со второй половины двадцатых годов,— писал он,— в университетской жизни появляются заметные признаки перемены. Интеллигентная жизнь после суда и ссылки декабристов как-то сразу переходит из Петербурга в Москву, из гвардии в университет»⁷². Таким образом, Миллюков подчеркивал не только появление в науке разночинцев, но и указывал на перемещение центра общественной мысли, которым стал теперь Московский университет.

Вместе с этими двумя признаками Миллюков выдвигал еще один — появление исторической работы, где «встречаем впервые в печати и мысль об „истории как науке“ — в статье „Вестника Европы“ под этим заглавием, написанной одним забытым автором, неким Средним-Камашевым»⁷³. Миллюков достаточно многосторонне и историографично мотивировал главнейшую грань своей периодизации.

В предисловии к книге «Главные течения русской исторической мысли» автор выражал сожаление, что принужден остановиться на том моменте русской историографии, от которого «ведут начало теперь существующие и борющиеся между собою направления нашей науки»⁷⁴. На этом основании можно судить, что с 40-х годов XIX в. он начинал новый, следующий период в истории исторической науки. Здесь же, в предисловии он выражал надежду на продолжение начатого труда в будущем. Однако, как известно, второго тома «Главных течений...» так и не последовало. Но Миллюков продолжал писать отдельные историографические статьи. Несмотря на то, что в этих сжатых работах он не ставил перед собой специальной задачи периодизации историографии, тем не менее из его изложения видно, что он делил последующее развитие исторической науки XIX в. по двадцатилетиям.

Характерным для 40—50-х годов XIX в. он считал борьбу между славянофилами и западниками. «Историография шестидесятых и семидесятых годов находилась под влиянием общественной борьбы не в меньшей мере, чем историография двух предыдущих десятилетий»⁷⁵. А вот для последнего периода — 80—90-х годов XIX в. — Миллюков не видел уже обострений между

⁷¹ Там же, с. 5.

⁷² Миллюков П. Н. Источники русской истории..., с. 265.

⁷³ Миллюков П. Н. Главные течения..., с. 5—6.

⁷⁴ Там же, с. III.

⁷⁵ Миллюков П. Н. Источники русской истории..., с. 441.

различными историографическими направлениями и считал, что в эти годы «русская историография не находилась в такой тесной связи с общественными течениями (...) как в 60-х и 70-х гг. Она носила скорее характер спокойного академического изучения»⁷⁶. Подобная оценка якобы миролюбивого и спокойного времени для истории науки в конце XIX в. типична для большинства буржуазных историков, о чем подробнее будет идти речь в главе об историографических направлениях.

В целом периодизация Милюкова, несмотря на присущие ей существенные недостатки, историографична и ставит его работу сравнительно с большинством его коллег на более высокий теоретический уровень.

В разработку вопроса периодизации истории исторической науки труд В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» не внес ничего принципиально нового. Как можно судить по его ранним историографическим статьям и учебным программам, Иконников так же, как и большинство его предшественников, начинал историю науки с конца XVII—XVIII в. Более интересным представляется его обращение к народному творчеству. В своем «Опыте» он говорил о преданиях, как об источнике исторических знаний и как о необходимом элементе истории, оговаривая при этом, что сами предания не составляют еще истории. Сохранение исторических сведений возможно только с появлением письменности, хотя и это не обеспечивает их от искажений, а нередко ведет даже к утверждению неверных представлений⁷⁷. Внимание Иконникова к фольклору очень ценно, хотя и говорил он о нем вскользь и в общей форме, а не применительно к русским преданиям. Другими словами, он не был склонен начинать историю накопления исторических знаний на Руси со столь далеких времен.

В фонде Н. П. Лихачева сохранились отдельные лекции по русской историографии, относящиеся к 1882 и к 1901 гг. Однако этот курс принадлежит не Лихачеву, а Д. А. Корсакову (как нам в свое время любезно сообщил об этом С. Н. Валк). Поэтому сейчас мы вносим соответствующую поправку в свою ранее опубликованную статью, где данные лекции вслед за архивным делом мы посчитали лекциями Лихачева.

Судя по сохранившимся экземплярам этот историографический курс был достаточно обширен — в него входило не менее 23 лекций. В истории науки Д. А. Корсакова, главным образом, привлекало не развитие исторических знаний, а история собирания, хранения, издания и изучения русских летописей. «Я буду прежде всего, — писал он, — рассматривать ход изучения наших летописей, именно летописи в Руси допетровской, их изучение и издание в 18 в. и, наконец, в современную нам эпоху»⁷⁸. Наряду

⁷⁶ Там же, с. 444.

⁷⁷ Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1, с. 1.

⁷⁸ Архив АН СССР, ЛО, ф. 246, оп. 1, д. 10, с. 26.

с летописями, его интересовали и другие виды древнерусских источников. Поэтому значительное место в своих лекциях Корсаков отводил группировке источников, которые он делил на шесть групп⁷⁹. Если Корсаков и говорил о деятельности отдельных историков, то только с точки зрения того, когда и как эти историки изучали и издавали памятники старины. Все это, конечно, не историография в смысле истории исторической науки в целом, а лишь часть истории источниковедения. Естественно, что при таком подходе к теме, проблема периодизации истории всей исторической науки перед этим автором не стояла.

Д. И. Багалей в своем литографированном курсе подходил к истории науки с двух точек зрения. С одной стороны, он трактовал историографию как вспомогательную дисциплину, которая занимается обзором источников, а, с другой, — дает «очерк постепенной разработки и роста русской истории как науки». При этом обзор источников он понимал как введение, а вторую часть называл собственно историей русской истории в полном смысле этого слова⁸⁰. В соответствии с этим он строил свой курс, но то, что он назвал введением, разрослось в литографии в отдельную, самостоятельную часть.

Специально проблему периодизации Багалей не ставил, хотя в ходе изложения давал отдельные периоды, но не мотивировал их. В основном он группировал материал по видам источников, иногда — по авторам, реже — по отдельным направлениям, что и послужило основанием для более поздних исследователей относить труд Багаля (наряду с «Опытом русской историографии» Иконникова) к библиографическому направлению в историографической литературе⁸¹.

В первой части курса Багаля находим лишь наброски на периодизацию. Так, в разделе «Собирание и издание исторических материалов» было два периода — «Екатерининская эпоха» и «Румянцевская эпоха», а в разделе «Обзор источников» имелся «Очерк исторического развития вопроса о летописи», начинавшийся В. Н. Татищевым и доходивший до М. П. Погодина с П. Г. Бутковым и до П. С. Казанского. Вторая, основная часть курса — «Разработка истории как науки» — содержала два крупных периода: «Разработка русской истории в XVIII в.» и «Новейший период русской историографии», начинающийся с историко-юридической школы (с трудов Г. Эверса и С. М. Соловьева). Вместе с тем, Багалей, говоря о возникновении исто-

⁷⁹ К первой группе источников Д. А. Корсаков (так же, как и Н. А. Иванов) относил надписи на вещественных памятниках и в связи с этим много внимания уделял истории археологии. В следующие группы входили: летописи и сказания, находящиеся в них; жития святых; государственные грамоты и акты; мемуары и сказания русских современников и, наконец, «произведения русской письменности, не вошедшие в состав прежних групп, так называемые произведения литературы» (Там же, л. 25).

⁸⁰ Багалей Д. И. Русская историография. Харьков; Литография, 1911, ч. 1, с. 1.

⁸¹ См., например: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 16.

рической науки в XVIII в., упоминал и о том, что «еще в XVI и XVII в. мы можем указать на некоторые попытки прагматического изложения событий русской истории»⁸². К их числу он относит сочинения кн. Андрея Курбского, Федора Грибоедова, Иннокентия Гизеля, Федора Поликарпова, А. И. Манкиева. Таким образом, по сравнению со своими предшественниками и современниками, Багалей не внес ничего нового ни в постановку ни в практическое решение вопроса о периодизации.

В эволюции суждений А. С. Лаппо-Данилевского о периодизации русской историографии можно наметить несколько этапов. В первые годы чтения историографического курса он начинал историю исторической науки в России вполне традиционно — с XVIII в., и иногда даже только с середины его. Так продолжалось ряд лет — в 1905/06 уч. году, например, он все еще начинал данный курс со Шлёцера⁸³. Но любопытно отметить, что в 1890/91 уч. г., когда он читал историографию как введение к общесторическому курсу, Лаппо-Данилевский начинал свой обзор значительно раньше — с конца XVII в., что тоже, впрочем, было обычно для исторической науки тех лет. Несколько позднее Лаппо-Данилевский вернулся к этому рубежу.

Ко второму этапу развития историографических взглядов Лаппо-Данилевского может быть отнесен «План чтений по русской историографии», в разделе которого «Первые попытки систематического изучения русской истории» он опять рассматривал русскую историографию с конца XVII в. Конкретно он останавливался на работах Грибоедова, Феодосия Сафоновича, Гизеля, а потом переходил к сочинениям Манкиева, Татищева и т. д. Нами уже отмечалось, что на этом этапе работы Лаппо-Данилевский обращал внимание на причинно-следственную связь историографических явлений, в том числе на труды конкретных историков — всё должно вытекать одно из другого. Говорилось также о том, что эти взгляды в дальнейшем претерпели изменения.

Далее в «Плане» автор переходил ко второму крупному периоду, в котором выделял три больших раздела, в свою очередь поделенные на главы и параграфы. В первом разделе («Подготовительные работы по общей истории России») предусматривался разбор трудов Миллера, Новикова, Шлёцера. В следующем («Первые попытки прагматического изложения древне-русской истории») рассматривались труды Щербатова и Болтина. Последний раздел — «Заключение и общие выводы по второму периоду нашей историографии»⁸⁴.

⁸² Багалей Д. И. Русская историография. Харьков; Литография, 1911, ч. 2, с. 1.

⁸³ «1 [период]. Изучение научной обработки русской истории с точки зрения критической школы, основанной Шлёцером» (Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 72, л. 13).

⁸⁴ Там же, д. 73, л. 121, 122, 124.

«Научная обработка русской истории» — так назвал Лаппо-Данилевский третий, последний период. Он еще более сложнее, чем предыдущие, делится внутри на два отдела, те в свою очередь — на несколько разделов с множеством глав, параграфов, пунктов и т. д. Так же как и другие периоды, он начинается с выяснения причин, ускоривших развитие русской историографии в XVIII в. Затем автор переходил к Карамзину и последующим историкам XIX в.

Постепенно Лаппо-Данилевский стал подключать и более ранние исторические сочинения. Так, начиная по-прежнему русскую историографию с XVII в. и эпохи преобразований Петра I, он в той же рукописи относит названное время уже ко второму периоду, а к периоду первому — летописные своды⁸⁵. Он, однако, не считал летописи «учеными сочинениями», но тем не менее рассматривал их уже «как первые попытки исторического описания»⁸⁶. (В связи с этим на рассмотренном выше плане Лаппо-Данилевский делает помету: «Устарело». Впрочем, первоосновы этой концепции были уже заложены и в раннем историографическом курсе 90-х годов XIX в.).

Вопрос о критериях при определении периодов Лаппо-Данилевский ставил в теоретическом плане: должен ли быть единый критерий при определении всех периодов, или в каждом из них есть свои признаки. В конце концов он приходил к выводу: «Принципы периодизации подчинены принципам периодизации по научным идеям»⁸⁷. По мере развития общества, читаем у него, воззрения историков становятся все менее личными, произвольными. «Историк все более специализируется, из любителя (духовного или мирского), становится *ученым*, владеющим научным *методом*». Вместе с тем он указывает и на то, что историк становится все более связанным с обществом и «все чаще является представителем целых *школ, направлений или партий*». Поэтому, заключал он, «если *периодизация* историографии в XVIII в. возможна по свойствам *индивидуальных* идей (по авторам), то в XIX — периодизация уже идет по свойствам *коллективных* идей (направлениям)»⁸⁸. Таким образом, определяющим для Лаппо-Данилевского постепенно становились не столько направления и школы, сколько сами свойства идей, и здесь он в известной степени приближается к взглядам Миллюкова. Он так же как и Миллюков, отрывал идеи от формировавших их исторических основ. Смена идеологических течений становилась для него определяющим, что соответствовало свойственному ему эволюционизму.

Сначала «периодизация по научным идеям» принимала у Лаппо-Данилевского такой вид: «Периоды: I. Летописный,

⁸⁵ Там же, д. 70, л. 645—737, 424—492.

⁸⁶ Там же, л. 661.

⁸⁷ Там же, д. 73, л. 90.

⁸⁸ Там же.

II. Компилятивный с претензией на «ученость», III. Критико-прагматический, IV. Научно-литературный, V. Научный»⁸⁹. В дальнейшем он еще не раз возвращался к этой схеме, дополняя и конкретизируя ее. Так, есть вариант, где он первый период датирует XI—XVII вв., назвав его «Первые попытки повествования», второй и третий периоды он здесь объединял и доводил его до Карамзина включительно. Последний, научный период детализировал «а) гегельянство; славяноф[илы] и запад[ники] (до 1860); в) падение гегельянства (после 1860 г.—*Р. К.*); падение слав[янофильства] и зап[адничества]; позитивизм; народничество; социальный вопрос»⁹⁰. Как видим, у Лаппо-Данилевского историография уступала все больше места истории отдельных философских течений.

В последующих вариантах, составленных после 1916 г. историография была сжата до пределов введения. В этом введении Лаппо-Данилевский говорил о русской историографии как о части умственного движения в общечеловеческом стремлении к «чистому знанию»⁹¹. От этих лет сохранилось два подробно разработанных и дополняющих друг друга проспекта: один охватывал время 30—40-х годов XIX в., другой — с 60-х годов. В первом предусмотрено было общее введение, в котором уместилось почти все развитие русской историографии. Здесь Лаппо-Данилевский говорил о русской историографии с конца XI в. (подчеркивал «начало научности» с XVIII в.) и кончал работами А. П. Шапова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского. Все введение умещено примерно на 40 страницах. Правда, отдельно предполагалось рассмотреть тему «Влияние Петра Великого на развитие русской историографии». Предусматривалось осветить мероприятия Петра I по собиранию и сохранению источников, его заботы о сочинениях по русской истории и по истории Петра, о переводах исторических книг и т. п., но не состояние и не результаты развития исторического знания того времени. Далее шли детальные заметки тем, из которых мы назовем лишь наиболее крупные: «Романтизм»; «Мистицизм (Чаадаев)»; «Шеллингизм»; «Главные шеллингисты в России (до 40-х годов)»; «Второстепенные»; опять «Романтизм и шеллингизм в русской историографии»; «Возрастающий интерес общества к народности»; «Французская ист[орическая] школа. Полевой»; «Образование партий: славянофильской и западнической»; и, наконец, «Философия Гегеля в русском обществе 1830—1840-х годов»⁹². Надо сказать, что имена историков в этом проекте уже встречались редко.

Во втором проспекте были намечены темы с 1860-х по 1900-е годы: «I. Падение гегельянства», «II. Позитивизм в философии»,

⁸⁹ Там же, л. 87.

⁹⁰ Там же, л. 89.

⁹¹ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии.— Русский исторический журнал, 1920, кн. 6, с. 5.

⁹² Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 68, л. 5—1043.

«III. Эволюционизм», «IV. Борьба между научно-механистическим и научно-идеалистическим направлением в истории»⁹³. В этом последнем пункте Лаппо-Данилевский противопоставлял историческому материализму и «сходным с ним направлениям» (куда он относил и эмпириокритицизм!) исторический идеализм. Так в историографических работах Лаппо-Данилевского отразился его главный тезис тех лет, развитый им в «Методологии истории», книге, которая, как известно, была по существу направлена против марксистской философии. Итак, у Лаппо-Данилевского фактически происходило вытеснение истории исторической науки историей философских идей.

•

Перед нами прошли различные варианты решения проблемы периодизации отечественной историографии. В целом накопленный опыт не был должным образом суммирован и обобщен. Более того, в работе дореволюционных историков наблюдалась известная разобщенность, вынуждавшая почти каждого автора проделывать определенный путь, не зная о том, что он уже был преодолен другими, так как подавляющее большинство наиболее ценных историографических трудов оказывалось незавершенными. К тому же значительная часть их до сих пор остается в рукописях. Поэтому историографы слабо использовали работы своих предшественников и современников, активно не опровергали доводы друг друга и не опирались на их достижения. Все это замедляло развитие отечественной историографии.

Задача периодизации истории исторической науки, как самостоятельная проблема, медленно возникала в сознании историков. Она порой как бы сама «заставляла» иных ученых хотя бы частично решать ее. В трудах этих авторов нет попыток определить критерии периодизации, наметить вехи развития всей истории исторической науки, но и в их работах можно нащупать грани разделения отдельных историографических периодов. Во всяком случае, всегда очевиден исходный момент, с которого они начинали русскую историографию. Но и этим давался толчок историографической мысли, которая постепенно начала работать в известном направлении: намечались важнейшие рубежи в историографии, изучались отдельные периоды, наконец, проблема периодизации встала как специальная исследовательская задача. Строго говоря, проблему периодизации истории русской исторической науки отчетливо ставили перед собой лишь четыре историка: И. В. Лашнюков, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков и А. С. Лаппо-Данилевский. Эти ученые по-разному искали и находили критерии для обоснования предлагаемой ими периодизации: переодизировали по крупнейшим событиям общеисторической жизни народа, по отдельным столетиям, по царствованиям, по сугубо историографическим при-

⁹³ Там же, д. 73, л. 133—141.

знакам (таким, как расширение потребности в исторических знаниях, изменение формы исторических сочинений, появление крупнейших исторических трудов, по историографическим направлениям), отрывали эволюцию исторической мысли от конкретно-исторической жизни, находили решение и в сочетании тех и других признаков. Периодизация, как условное деление процесса на хронологические этапы, зависит от избираемого каждым автором критерия, т. е. в конечном счете от его общего мировоззрения. Потому-то она в известной степени субъективна. В силу этого обстоятельства периодизация помогает вскрыть сложный процесс индивидуального авторского мышления, его систему взглядов, его персональную точку зрения. Даже сознательный отказ от периодизации отражал определенную авторскую позицию. Вместе с тем периодизация обнаруживает и особенности эволюции исторических знаний в целом — в этом заключается ее важнейшая функция. Даже робкие попытки периодизации объективно способствовали совершенствованию приемов историографического анализа и повышению теоретического уровня истории исторической науки.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОРИКИ НА ПОДСТУПАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Проблема историографических направлений — одна из наиболее важных, коренных и наиболее сложных теоретико-методологических проблем в изучении истории исторической науки. Она включает в себя много аспектов. Прежде всего — анализ социальной сущности, классовой основы и общественно-политической направленности различных направлений: чему в конечном счете они служили, были ли они для своего времени прогрессивными, консервативными, реакционными или «нейтральными», были ли они однозначны, или прошли сложную эволюцию. Отсюда проистекает необходимость внимательного изучения конкретных причин и условий, при которых возникали, развивались и сходили на-нет эти направления (с учетом возможности существования внутри них отдельных группировок и различных оттенков). Очевидна важность детального рассмотрения того, как представители отдельных направлений обосновывали, развивали и отстаивали свои принципы, как протекал сложный процесс взаимоотношений и взаимовлияний не только сходных, но и противоположных направлений: их столкновения, соперничество, борьба, вытеснение старых направлений новыми. Только при глубоком, всестороннем исследовании возможно понять роль и место каждого направления в истории исторической науки. Другими словами, решение проблемы историографических направлений ведет к раскрытию «тайн» развития исторической науки в целом.

Существенным моментом в истории изучения историографии явилось возникновение понимания учеными неоднородности исторической науки, понимания наличия в ней различных направлений. Но оно давалось не легко, и историки науки далеко не сразу стали замечать (и тем более изучать) проблему историографических направлений. Это и понятно, ибо для постановки данной проблемы необходим был определенный, достаточно высокий уровень знаний. Внутренний рост истории исторической науки заставлял историографов как-то группировать историков прошлого хотя бы по сходным, либо по противоположным чертам. Вначале, как мы убедимся ниже, они ограничивались простой констатацией чисто внешних признаков; затем их подход к проблеме начал углубляться. Это происходило в конце XIX —

начале XX в., когда с особенной ясностью в исторической науке обнаруживались противоречия различных школ и направлений. Но и тогда в историографической литературе проблема направлений все же не стала ведущей — историки лишь подступали к изучению направлений как особого, специфического явления в истории исторической науки. Так же как в общен исторических трудах продолжительное время господствовало описание деяний «выдающихся лиц», коими признавались монархи, полководцы, герои и им подобные, так и в историографических трудах центральное место отводилось характеристикам отдельных представителей науки, т. е. господствовал биографический жанр или так называемое «портретное» изложение материала. История исторической науки, где все фокусировалось главным образом на личностях ученых, сводилась по существу к сумме биографий и перечню их трудов. Преодоление такого подхода требовало много усилий. При подобном состоянии дела в исследовании столь сложного вопроса, как историографические направления, представляется важным изучать не только конечные результаты, которые в науке дореволюционной России были весьма скромны, но главным образом те конкретные пути, по которым это изучение шло.

1. ПОИСКИ КРИТЕРИЕВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ XVIII ВЕКА

Существование различных направлений авторы работ по истории исторической науки начинали отмечать с историографии XVIII в. Развитие исторической мысли названного столетия в дореволюционной научной литературе было, сравнительно с другими периодами, более полно историографически разработано. Это объясняется тем, что изучение истории и историографии того времени было актуальным для историков пореформенной России. Пытаясь разобраться в сложных современных процессах, они старались понять их на сходных примерах прошлого и прежде всего на фактах русской истории XVIII в. В частности, в XVIII веке они находили прямую аналогию с исторической обстановкой 60-х годов XIX в., проводили параллели между реформой Петра I, изменившей русское общество «сверху донизу, до самых его корней и основ», с реформами 60-х годов прошлого века. В. О. Ключевский в свое время отмечал, что «Соловьеву пришлось описывать один из крутых и глубоких переломов русской жизни (речь идет о начале XVIII в. — Р. К.) в те именно годы, когда русское общество переживало другой такой же перелом, даже еще в более крутой и глубокий во многих отношениях»¹.

Вместе с тем, XVIII век привлекал исследователей своей относительной неизученностью: «русский XVIII век, столь важ-

¹ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 8, с. 361.

ный в судьбах нашего Отечества, исполненный столь громких дел», надолго оставался «в научной полутьме»². Одновременно с изучением конкретной истории России этого столетия шла и историографическая его разработка.

Глубинные социально-экономические процессы России XVIII в., характеризующиеся усилением господства дворянства и, следовательно, нарастанием гнета крепостничества, находили отражение в исторической науке. Царское правительство было заинтересовано в историческом знании для обоснования политики дворянского государства. Естественно, что в условиях крепнувшего дворянского государства главенствующим направлением было дворянское. Однако, наряду с ним, в русской историографии появлялись и другие направления. Крупные социально-экономические сдвиги способствовали развитию промышленности, росту торговли — нарождалась русская буржуазия. В исторической литературе со второй половины XVIII в. стали появляться работы по экономике, по истории отдельных областей и городов России. Сочинения представителей купеческого класса И. И. Голикова, В. В. Крестнина, П. И. Рычкова и других отражали интересы нарождавшейся буржуазии, тем самым свидетельствуя о зарождении нового буржуазного направления в русской историографии.

Резкое обострение классовой борьбы с широкой волной крестьянских волнений, вылившихся в Крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева, привлекло внимание и сочувствие передовых людей эпохи к нуждам и чаяниям широких крестьянских масс. Остро социальный, откровенно антикрепостнический характер носила деятельность Н. И. Новикова. «Проникатель вольности», писатель-революционер А. Н. Радищев стал основателем революционной исторической мысли в России. Взгляды Радищева были восприняты и развиты первым поколением русских революционеров — декабристами, а затем революционерами-демократами.

Как же отразились (и отразились ли) эти главные процессы в исторической науке XVIII в. в историографических трудах буржуазных историков дореволюционной России?

Одно из первых упоминаний об отдельных направлениях в исторической науке мы встречаем в работах С. М. Соловьева. Однако сама структура его работы — сумма очерков об историках — исключала возможность представить развитие исторической мысли в виде последовательной эволюции и смены направлений. Да и требовать этого от него было бы слишком преждевременно. Соловьев редко лишь указывал на некоторые из направлений, характеризуя их в целом.

Обратим внимание на оговорку, которую делал автор, предваряя свою историографическую работу «Писатели русской ис-

² Там же, с. 358, 367.

тории XVIII века». Здесь обозреваются, писал Соловьев, только русские историки³. О двух немецких ученых — Г. Ф. Миллере и А. Л. Шлёцере — им были написаны отдельные статьи. Таким образом, Соловьев сразу же резко противопоставил русских и иностранных исследователей, положив в основу этого деления сугубо внешний признак — национальную принадлежность. Собственно говоря, подобное разделение представителей исторической науки по формально-национальному признаку шло от самих историков XVIII в., что и воспроизвел в данном случае Соловьев.

При упоминании о направлениях Соловьев указывал еще на один внешний признак — литературный стиль, на авторскую манеру подачи материала. М. В. Ломоносов, писал он, смотрел на историю с чисто литературной точки зрения и явился в России отцом литературного направления, которое после него долго господствовало⁴. В данном случае для Соловьева было важным не то, о чем писал Ломоносов в «Древней Российской истории», а подчеркивалось лишь то, как он писал. Литературное направление Соловьев называл еще и «риторическим»; оно, по его мнению, было доведено до крайности в сочинениях Ф. А. Эмина и И. П. Елагина⁵. К этому же направлению Соловьев приближал и Н. М. Карамзина, так как и тот «смотрел на историю со стороны искусства»⁶. Подобный подход — привлечение внимания лишь к внешним, на поверхности находящимся чертам — затенял мировоззренческие позиции историков и уводил тем самым от изучения глубинных процессов, происходивших в русской историографии.

С точки зрения изучения проблемы направлений в трудах Соловьева более интересной представляется его статья «Шлёцер и антиисторическое направление». В ней Соловьев противопоставлял названного историка, с одной стороны, «риторическим» сочинениям Елагина и Эмина, а с другой — славянофилам XIX в. (их-то автор и назвал «антиисторическим направлением»). Но так как славянофилы относятся к более позднему времени, то эта тема будет рассмотрена нами в соответствующем месте данной книги. Скажем только, что со Шлёцера, в противоположность славянофилам, Соловьев начинал «историческое направление». Однако, утверждая, что Шлёцеру принадлежит «первый разумный взгляд на русскую историю», что именно он начинал изучение русской истории «как следует, именно начал с начала»⁷ и т. п. Соловьев противоречил себе: почти то же

³ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в.— Собр. соч. СПб.: Общественная польза, стб. 1317.

⁴ Там же, стб. 1351.

⁵ Соловьев С. М. Н. М. Карамзин и его «История государства Российского». — Там же, стб. 1392, 1398 и др.

⁶ Там же, стб. 1398.

⁷ Соловьев С. М. Шлёцер и антиисторическое направление. — Там же, стб. 1582.

самое и почти теми же словами он пишет о В. Н. Татищеве⁴.

Вот, собственно, и все направления, которые называл Соловьев. Но даже эти, можно сказать, попутные замечания имели принципиальное значение, ибо они оказали значительное влияние на последующие поколения историков и на долгие годы сохранялись ими в историографической литературе: одни авторы ограничивались простым повторением того, что в свое время было сказано Соловьевым, другие — добавляли к сказанному свои наблюдения, но никто не опровергал их.

В. С. Иконников в своих ранних историографических работах⁵, так же как и Соловьев, разделял историков XVIII в. на немецких и русских, называя их двумя враждебными партиями, чем еще более обострял существовавшее противопоставление. Однако, говоря о борьбе этих двух направлений, Иконников все же не раскрывал ее. Среди русских историков он, так же как и Соловьев, выделял «риторическое» направление, иногда называя его «художественным направлением» или «попыткой (или опытом) литературной обработки русской истории». И относил он к этому направлению тех же авторов, что и Соловьев, только впоследствии прибавил к ним Н. И. Костомарова.

Как и Соловьев, Иконников начинал со Шлёцера новое направление, которое чаще всего называл, вслед за славянофилами, «отрицательным направлением», выделяя этим его критическую направленность. «Отрицательному направлению» Иконников противопоставлял «положительное» — во главе с Карамзиным, желая этим подчеркнуть не полемический, а повествовательный характер его «Истории». Повторяя за Соловьевым его основные положения, Иконников тем самым закреплял их в научной литературе и лишь отчасти развивал их дальше.

И автор первой историографической книги, М. О. Коялович, все еще не ставил перед собою задачи исследовать историю исторической науки с точки зрения взаимодействия и развития различных направлений. Не называя никаких направлений в историографии XVIII в., он просто одну из глав назвал «Шлёцер», а другую — «Разработка русской истории в XVIII ст.,

⁴ Ср.: «Важное значение его (Татищева. — Р. К.) состоит именно в том, что он первый начал обрабатывание русской истории, как следовало начать; первый дал понятие о том, как приняться за дело; первый показал, что такое русская история, какие существуют средства для ее изучения». Несколь- ко ниже он повторял: «Заслуга Татищева состоит в том, что он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследователей, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название Россия, одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русскою историею» (Там же, стб. 1333, 1346—1347).

⁵ Иконников В. С. Обзор русской историографии XVIII в. Харьков, 1967; Он же. Общий взгляд на развитие науки русской истории. Киев, 1868.

независимо от Шлёцера», чем так же усугублял водораздел между отечественными и иностранными историками. Весь «дух» его книги пропитан противопоставлением русских и немецких историков, изучавших историю России в XVIII в., а затем — славянофилов и западников. Элементы «пагубного», по словам славянофила Кояловича, западного влияния он отмечал и для более ранних эпох.

Вместе с тем, в книге Кояловича встречаем новую черту, которая до него (да и после) не отмечалась в историографических работах. Это специальные параграфы «Новиков и его школа» и «Мнения школы Новикова о положении простого народа». Нетрудно заметить, что все приведенные выше примеры выявления историографических направлений по существу касались одного, дворянского направления. Этому господствовавшему в XVIII в. направлению в русской исторической науке не противопоставлялось никакое иное. Только Коялович обратил внимание на антикрепостническую направленность деятельности известного просветителя Н. И. Новикова, чья сатира носила социальный, острополитический характер. Коялович характеризовал Новикова как поборника высшего развития человека, как защитника русского крестьянина, как человека, который «проповедовал об его (крестьянина.— *Р. К.*) свободе с такою возрастающею настойчивостью, что этому нельзя не удивляться»¹⁰. Следует подчеркнуть, что Коялович представил Новикова не как одиночку, а как главу школы.

П. Н. Милюков в своей книге не нашел нужным выдвигать и оговаривать особо проблему направлений, хотя и имел достаточно ясное представление об историографических направлениях и об их столкновениях. Во всяком случае, он видел наличие различных направлений в современной ему исторической науке и причислял себя к одному из них.

Заслуженно упрекая Кояловича за резкое разделение историков XVIII в. на два лагеря — «своих и чужих» (то есть на русских и немцев), в то же время Милюков сам написал почти аналогичные главы: «Русские историки XVIII столетия» и «Немецкие исследователи русской истории в XVIII веке», поддерживая этим традиционное деление историков по национальному признаку.

Однако применительно к концу века Милюков все же обратил внимание на общие черты исторических воззрений и тех и других историков¹¹, несколько отходя от обычного формального их противопоставления. Но и он сближал русских и немецких историков лишь по внешним признакам.

В отличие от предшественников Милюков частично аргументировал указанное разделение историков. Не формулируя кри-

¹⁰ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 3-е изд. СПб., 1901, с. 138.

¹¹ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд., СПб., 1913. с. 143, 114 и др.

терия, на основе которого следует, по его убеждению, подходить к выявлению направлений, он, тем не менее, при конкретном противопоставлении историков исходил из трех моментов. Это — задачи исследования («Русские исследователи, — писал он, например, — ставили главной целью истории — принесение пользы, немецкие исследователи — достижение истины»)¹²; авторские приемы изложения (имелся в виду тот же литературный стиль: вслед за Соловьевым и Иконниковым он говорил о риторическом направлении) и отношение авторов к историческому источнику: «перевод источника, изложение источника и исследование вопроса по источнику»¹³. Эти моменты не были им выявлены и поданы как признаки направлений, но, тем не менее, их наличие в работе Милюкова свидетельствует об углублявшемся подходе к проблеме историографических направлений.

Серьезный сдвиг в изучении проблемы был сделан В. О. Ключевским и А. С. Лаппо-Данилевским, которые ставили и по-своему решали уже как самостоятельную исследовательскую задачу — изучение направлений в русской историографии. К сожалению, оба историка не только не опубликовали, но и не оставили после себя цельного историографического труда; к тому же рукописи их носят отрывочный характер. Отдельные положения были ими сравнительно полно аргументированы и освещены, другие — фрагментарно, третьи — только обозначены. В силу этого их научные поиски в решении проблемы направлений остались недоступными для широкого круга как современных, так и последующих поколений исследователей. Только работа в архиве дала возможность ознакомиться с этими ценными историографическими источниками и до некоторой степени восстановить их богатое содержание.

И Ключевский и Лаппо-Данилевский разрабатывали проблему направлений в исторической науке в тесной связи с решением другого теоретического вопроса — периодизацией отечественной историографии¹⁴. Само выделение периодов в истории науки они нередко мотивировали именно возникновением новых направлений. В отличие от других авторов сочинений по истории исторической науки, они вырабатывали критерий, которым пользовались при выявлении историографических направлений.

Напомним, что историю исторических знаний XVIII в. Ключевский делил на три периода, в соответствии с тремя главными царствованиями: «Время Петра», «Елизаветинский период» и «Екатерининский период». В первом он не видел направлений, хотя и отмечал три вида отношений русского общества к родной истории. Одни полагали, что у русских нет «истории

¹² Там же, с. 143; ср. с. 107, 109.

¹³ Там же.

¹⁴ Подробнее см. нашу главу «Проблема периодизации русской историографии».

древних»; другие считали, что в прошлом не было важных «деяний», поэтому и не стоит изучать историю; третьи — баснями закрывали «сущую правость сказания древних», оправдывая тем самым и тех и других, «поддерживая презрение первых, и поощряли невежество вторых»¹⁵. Вместе с этим Ключевский подчеркивал патриотическое стремление русских историков к изучению прошлого и официальный характер занятий историей немецких ученых. Но зарождение различных и даже враждебных (по его выражению) направлений он относил к следующему, «Елизаветинскому периоду».

Ключевский выявил три признака, дающие возможность определить историографические направления. Это — задачи исследования, приемы изучения и подход к историческому источнику. Как помним, Милюков тоже называл эти признаки, но он не трактовал их как критерии определения направлений.

Исходя из перечисленных признаков, Ключевский для «Елизаветинского периода» выявил два направления, одно из которых он назвал «монографическо-критическим», а второе — «панографическо-прагматическим».

К первому он относил Г.-З. Байера и Г.-Ф. Миллера. Словом «монографическое» Ключевский подчеркивал стремление этих историков изучать специальные, узконаучные вопросы, не доступные широкой публике. Определением «критическое» он подчеркивал и то, что иноземные ученые (такие, как Г.-Ф. Миллер, Ф.-Г. Штрубе де-Пирмонт, а позднее и А.-Л. Шлёцер) в основном занимались критическим изучением источников. Пользуясь терминологией Шлёцера, Ключевский говорил, что историками этого направления было «поставлено на очередь дело низшей критики слов». В их критике источников Ключевский подчеркивал определенную предвзятость: «С какой бы стороны иностранный исследователь ни приступил к русской истории, он преувеличивал тот элемент, на котором сосредоточивал собственное изучение»¹⁶. Ключевский неоднократно отмечал официальное, казенное отношение немецких ученых к русским источникам: «по долгу службы», «по штатной должности с окладом» и т. п.

«Монографическо-критическому» направлению Ключевский противопоставлял «панографическо-прагматическое» направление. К данному направлению он относил русских историков, изучавших не узкие, частные проблемы, а стремившихся дать последовательно и полно весь ход русской истории в более простой, доступной для разных слоев общества форме. Они пытались, писал Ключевский, создать «панораму героической доблести» русского народа¹⁷. Историки этого направления старались почерпнуть из русской истории полезные сведения, необходимые

¹⁵ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2; ср.: Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 170—171.

¹⁶ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 440

¹⁷ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2; ср. д. 1.

для практической деятельности государства. Отсюда вторая часть составного названия — «прагматическое».

Противопоставлял Ключевский историков этих двух направлений и по их подходу к историческим источникам. У таких историков, как В. Н. Татищев, А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин критика источников была фактической, реальной, а не библиографической, не технически филологической. Они сосредотачивали внимание на содержании памятников, а не на внешней его характеристике (состав, происхождение, текст). Опять вторя Шлёцеру, Ключевский говорил, что это была высшая критика дел, в противоположность низшей критике слов, свойственной историкам «монографическо-критического» направления.

Кроме двух направлений в изучении русской истории, в «Елизаветинский период» были еще историки и колеблющиеся. Ключевский показывал это на примере В. К. Тредьяковского. Тредьяковский, говорил он, постоянно подпадал под чужое влияние (первоначально он примыкал к Миллеру, затем стал примыкать частично к Татищеву, частично к Ломоносову). На этом примере можно заметить, что в основу определения направлений Ключевский положил не национальное различие историков XVIII в. (хотя и говорил об этом), а их научные цели и методы работы.

Для «Елизаветинского периода» в целом (и в особенности для «панографическо-прагматического» направления) Ключевский обращал внимание на зависимость взглядов историков от господствующей идеи времени, которую формулировал примерно следующим образом: «Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками»¹⁸. В подобном взгляде Ключевский видел сознание народной силы, творцом которой был Петр I. В подчеркивании зависимости исторических взглядов от господствующей идеи времени виден новый элемент в историографическом анализе Ключевского.

Патриотический подъем народного духа, отмеченный Ключевским еще и для «времени Петра», нуждался в историческом оправдании: «Чувствовалась потребность написать русскую историю, но еще не сознавали, что ее надо изучать и понимать»¹⁹. В частности, необходимостью создать историю России в патриотическом плане объяснял Ключевский причины, заставившие заняться историей «первый ум» и «самое блестящее перо» в России — М. В. Ломоносова²⁰. Патриотическое направление, отмечал Ключевский, продолжало существовать и дальше, и у него стали появляться новые черты. В данном случае употребление термина «направление» в сочетании со словом «патриотическое» не означает, однако, того, что Ключевский выделял в историографии его как самостоятельное направление в истори-

¹⁸ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 410.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 407.

ческой науке. Это словосочетание не было закреплено им в дальнейшем изложении; гораздо точнее он выразил свою мысль, говоря о «патриотическом настроении» того времени. Так же Ключевский употребил по отношению к трудам Ломоносова (и некоторых других) выражение «риторический характер», но и это не означало, что он обособлял отдельное «риторическое направление». Скорее он по инерции повторил Соловьева, на труды которого в значительной степени опирался.

При характеристике следующего, «Екатерининского периода» Ключевский подчеркивал связь данного периода с предшествовавшей эпохой, указывая на дальнейшее развитие наметившихся ранее историографических направлений. Новый период отличался значительными успехами в области просвещения, патриотическое настроение «осложнилось новыми политическими и умственными идеями, которые тогда начали приливать с Запада»²¹. Как видим, Ключевский опять подчеркивал связь исторических концепций с идеями времени. Под их влиянием произошли перемены во взглядах на задачи и приемы исторического изучения. Теперь «писание истории» должно было смениться «изучением ее», «патриотическое самопрославление уступило место национальному самосознанию»²², «нападки на русскую жизнь со стороны пробудили желание познакомиться для сравнения с исторической жизнью других стран»²³. По мере углубления историков в изучение своего предмета продолжали обособляться и кристаллизоваться особые, даже враждебные (как опять подчеркивал Ключевский) направления. Для второй половины XVIII столетия он отмечал уже три направления в историографии и упоминал еще одно течение, представители которого по своим убеждениям не могли быть историками. Однако их взгляды способствовали развитию исторической мысли, так как заставляли историков выступать против них.

Это течение он называл «скептицизмом западников». Возникновение подобного взгляда Ключевский связывал с историей просвещения в России XVIII в., в результате которого стали резко выступать «несговорчивые» контрасты и происходила «поляризация» взглядов. Одним из таких полюсов и стал скептицизм, представители которого признавали только так называемые просвещенные страны и отворачивались от своего отечества. Но постепенно скептики под давлением патриотического возбуждения стали внимательнее присматриваться к отечественной деятельности. Со своей стороны и они оказали влияние на противников, которые теперь тоже стали объективнее смотреть на Западную Европу. В конце концов, замечал Ключевский, они пришли «к той простой, но всегда трудно усвояемой мысли, что великие предки не могли совершенно выродиться в негодных потомков..., что старина живет в современной действи-

²¹ Там же, с. 415.

²³ Там же, с. 147.

²² Там же, с. 412.

тельности»²⁴. Последнее заключение особенно важно для понимания взглядов самого Ключевского. Интерес к русской историографии, который возрос в конце XIX — начале XX в., свидетельствует о том, что историки, в том числе и Ключевский, пытались найти в истории науки ответы на актуальнейшие вопросы своей эпохи.

Итак, помимо течения «скептицизм западников», Ключевский выделял для «Екатерининского периода» три направления. Первое из них он называл «люборусы» или «руссолобие». Представители данного направления активно выступали против скептицизма западников и восторженно, благоговейно относились к Петру I. Задачей «люборусов» было изучение национального характера, «врожденных» свойств русского народа. В этом направлении Ключевский отмечал народно-воспитательную тенденцию, которая ярко проявилась в особом поощрении русских умов и талантов²⁵. Постоянная борьба со скептиками выработала у них особые полемические приемы.

Рядом с направлением «люборусов» стояло другое направление, которое Ключевский назвал «стародумы» или «историческое стародумство». Это направление также выступало против скептиков, но отличалось от «люборусов» критическим отношением к реформе Петра I. Ключевский указывал три причины возникновения их недовольства: наплыв иностранцев; появление привычек к подражанию, в результате которой утратилась национальная самобытность; насильственный, грубо утилитарный характер петровской реформы²⁶. Хотя отдельные представители данного направления признавали некоторую пользу западного влияния, в целом же они находили, что Петр I вместе с полезным и необходимым заимствовал много лишнего и вредного; в результате появилось скептическое отношение к Западу. Ключевский справедливо указывал, что критическое отношение к Западной Европе стало вызывать идеализацию древней Руси. Началось сопоставление «испорченной» новой России с древней, которая чуждалась Европы. Сожаление об утрате национальной самобытности стало поворачивать «мысль от современной жизни к древней Руси, где не было иноземных влияний и господствовали самобытные строгие нравы, воспитанные церковным направлением жизни»²⁷. Эту-то идеализацию старины Ключевский и называл «историческим стародумством».

Третье направление — «сравнительно-апологетическое» — Ключевский считал как бы примирительным, так как оно возникло на почве сближения и примирения враждовавших воззрений. Вместе с тем он указывал на генетическую связь этого направления с патриотическим настроением «елизаветинского

²⁴ Там же, с. 146.

²⁵ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

²⁶ Там же. Ср.: Ключевский В. О. Соч. т. 8, с. 414.

²⁷ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

времени», которое в свою очередь развивалось из дипломатического патриотизма. Представители «сравнительно-апологетического» направления,— к которому Ключевский, наряду со Щербатовым и Болтиным, относил Екатерину II,— считали себя обязанными защитить Россию от нареkania посторонних наблюдателей. «Таким образом», они занимались историей с апологетико-полемическими целями»²⁸.

Важной особенностью этого направления Ключевский считал выработанные им историографические приемы, сутью которых стала аналогия. Постепенно сложился твердый принцип и цельный взгляд на отношение России и Европы в прошлом и настоящем. Этот взгляд Ключевский считал особенно важным, так как он не только утверждался в исторической литературе, но и дал «тон позднейшим историографическим работам; под его влиянием воспитывалась и историческая мысль Карамзина»²⁹.

Одновременно с сопоставлением истории России с историей Запада появилась необходимость сравнительного изучения современных и древних идей и явлений в русском прошлом. Историки часто призывали настоящее для объяснения отдельных сторон далекого прошлого. Они (прежде всего Болтин), отмечал Ключевский, придерживались того мнения, что прошедшее живет в настоящем, следовательно современность является одним из источников для изучения прошедшего. В результате постоянного сопоставления постепенно сложился определенный взгляд на ход русской истории, который Ключевский называл последним выводом всей русской историографии XVIII в.³⁰

Выделенные Ключевским направления в исторической науке XVIII в. свидетельствуют о том, что он сравнительно со своими предшественниками и современниками значительно продвинулся в разработке проблемы историографических направлений. Вместе с тем они говорят и о том, что Ключевский смешивал, строго говоря, понятия «историографическое направление» с различными оттенками общественного мнения, которые, несомненно, воздействовали на историческую мысль. В известной степени сам Ключевский ощущал этот недостаток. Так, он говорил, что указанные им направления представляли собой «некоторую прогрессию в одном и том же направлении. Они были направлены в одну сторону»³¹. Действительно, все названное им было лишь оттенками в едином господствовавшем тогда дворянском направлении. Других направлений в историографии XVIII в. Ключевский не называл. Он, так же как и его коллеги, не придавал значения трудам историков зарождавшегося буржуазного направления. Антиклерикальные черты литературы XVIII в. то же, как правило, не выявлялись историками (кроме

²⁸ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 420.

²⁹ Там же.

³⁰ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2; Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 434.

³¹ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 416; см. также: ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

М. О. Кояловича). Ключевский, даже когда вел речь о Н. И. Новикове, рассматривал деятельность последнего только как книгоиздателя, не касаясь его исторических взглядов. Вне внимания Ключевского остались полемические и философские произведения Новикова, где он выступал в защиту русского крестьянства и высказывал антидворянские идеи.

Но тем не менее Ключевский, видимо, все же чувствовал антикрепостническую и антидворянскую направленность деятельности Новикова, так как в одном из черновиков он объединил Новикова с Радищевым, назвав обоих «энтузиастами бесполезного дела»³². Конечно, в этом выражении обнаружилось непонимание Ключевским перспективности их идей — он не видел в истории науки дальнейшую эволюцию революционной идеологии, развиваемую впоследствии декабристами и революционными демократами. Ключевский отчасти даже пытался теоретически оправдать свое внимание лишь к господствовавшим идеям изучаемого времени. Он писал, что историку нет никакой надобности воспроизводить действие тех колес исторической машины, которые «в то время покоились». «Сырые идеи», т. е. те, которые были высказаны, но не нашли, с его точки зрения, дальнейшего воплощения, «идеи, блеснувшие и погасшие в отдельных умах, в частном личном существовании, столь же мало увеличивают запас общежития, как мало обогащают инвентарь народного хозяйства замысловатые маленькие мельницы, которые строят дети на дождевых потоках»³³. Видимо, идеи Новикова и Радищева он и относил к разряду таких погибших бесследно прекрасных мыслей. В признании значения передовой общественной мысли сказалась классовая ограниченность Ключевского как буржуазного ученого.

Введением понятия «сырые идеи» и подобной трактовкой их Ключевский сознательно отстранялся от рассмотрения не главенствующих, но зародившихся направлений в исторической науке в изучаемый период. Поэтому зарождение даже буржуазного направления было им упущено из вида. Однако при рассмотрении истории некоторых других направлений (например, славянофильство и западничество) он искал их корни в глубине веков, за один-два века до окончательного их формирования. Здесь обнаруживается и непоследовательность и субъективизм Ключевского.

И все же Ключевский ближе других подошел к выявлению различных направлений в науке. Даже вскользь упомянутое имя А. Н. Радищева, осторожное выделение в науке различных течений, намек на антикрепостническое направление в XVIII в. очень важны — имена эти, как правило, не встречались в историографических работах большинства авторов. Несмотря на все отмеченные слабости, опыт Ключевского в выявлении направле-

³² Научный архив Института истории СССР АН СССР (Далее: НА ИИ СССР АН СССР), ф. 4, оп. 1, д. 151, л. 1.

³³ Ключевский В. О. Соч. М., 1956, т. 1, с. 37.

ний был шагом вперед в разработке теоретической историографии.

Единственным в дореволюционной историографии курсом лекций, в задачу которого входило изучение истории исторической науки по направлениям, был курс А. С. Лаппо-Данилевского. Он так и назывался — «Главнейшие направления в русской историографии XVIII—XIX вв.»

К проблеме направлений в исторической науке Лаппо-Данилевский подходил как теоретик. В данном вопросе он шел не столько от конкретного изучения отечественной историографии, как то делало большинство его коллег, сколько от общих положений.

Еще при разработке основ периодизации истории исторической науки Лаппо-Данилевский пришел к заключению, что принципы периодизации историографии зависят от принципов периодизации по научным идеям³⁴. По мере развития общества воззрения историков, писал он, становились все менее личными, произвольными: «Историк все более специализируется, из *любителя* (духовного или мирского) становится *ученым*, владеющим научным методом». Историк становился все более связанным с обществом и «все чаще является представителем целых *школ, направлений или партий*»³⁵.

В одной из поздних рукописей (не ранее 1916 г.) Лаппо-Данилевский, подытоживая свои историографические наблюдения, подтвердил свой вывод о том, что историю науки следует изучать преимущественно по направлениям. При этом он не отрицал возможность и других вариантов исследования, например, по историкам или по проблемам. Но если будет преобладать изучение личностей историков, рассуждал он, то историография может превратиться в сборник биографий, что придает «слишком большое значение индивидуальности и, таким образом, возводит одно из главных условий возникновения всякого труда нередко в единственную ее причину». В результате к частному (историку) привязывается общее (история науки). «Неудобство» изучения истории науки путем создания серии биографий, по мнению Лаппо-Данилевского, заключается и в том, что при этом методе переходные эпохи, чрезвычайно важные для понимания развития истории науки, опускаются или скомкиваются. К тому же труды историка, рассмотренные в хронологическом порядке, «могут принадлежать к разным школам, по которым изображение его деятельности и должно было разместиться»³⁶. Но тут же он оговаривается: «впрочем, не всегда удобно разрывать деятельность лица, если она систематична»³⁷.

При изучении отдельных проблем затрудняют исследования, справедливо указывал Лаппо-Данилевский, как отсутствие оп-

³⁴ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 73, л. 90.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, д. 63, л. 894. (Курсив наш.— Р. К.)

³⁷ Там же.

ределившихся школ и направлений, так и чрезмерно индивидуалистический характер. Если же школы и направления определены, то периоды развития историографии «легче поддаются изучению их по проблемам»³⁸. Таким образом, и при проблемном способе изучения историографии и при изучении творчества отдельных историков главным условием, по Лаппо-Данилевскому, остается выявление историографических направлений.

Отдавая явное преимущество изучению истории исторической науки по направлениям, Лаппо-Данилевский и в этом подходе видел свои «неудобства»: например, необходимость в ряде случаев мириться с «разрывом» деятельности отдельных лиц. Поэтому он считал желательным соединение воедино всех способов исследования. Приведенные выше высказывания Лаппо-Данилевского говорят о тонкости его историографического анализа. Однако не менее важным является реальное применение собственных наблюдений к конкретной историографической действительности.

Никто из предшественников Лаппо-Данилевского в области изучения историографии не задумывался над тем, что же такое есть само понятие «направление» и чем оно собственно отличается, например, от понятия «школа». В историографической литературе термины «направление», «школа», «партия», «течение», «тенденция» и тому подобное обычно употреблялись как простые синонимы. Лаппо-Данилевский тоже полностью не решил этой задачи, порой противоречил себе, но он поставил этот вопрос и высказал по этому поводу свои соображения. В данном случае важнее не его конкретный ответ, даваемый с идеалистических позиций, а сама постановка вопроса.

Отличие названных понятий Лаппо-Данилевский видел прежде всего в моменте возникновения определенного направления или школы, в самой личности их основателя. В связи с этим он говорил о влиянии так называемого творца-историка на окружающее его общество и на последующие поколения.

«Историк-творец», по Лаппо-Данилевскому, создает выдающийся труд, который оценивается специалистами и публикой с разных и далеко не всегда совпадающих точек зрения. Но данный труд оценивается не только современниками. Он влияет и на последующие поколения, вызывая сторонников и подражателей — «словом, основывает направление или школу». Вот здесь Лаппо-Данилевский и ставил вопрос о различиях понятий «школа» и «направление». Он утверждает, что понятие «направление» более широкое, чем «школа». В школе нередко преобладает личное воздействие учителя-творца на ученика. Школьное учение «есть изучение не фактов, а мнений известных авторитетов об этих фактах. Школа дает *метод*; направление — сводится скорее к образованию исторического *пошиба* (genre)».

³⁸ Там же, л. 896.

«Направление общее — есть ориентировка»³⁹. В одном направлении, продолжает Лаппо-Данилевский, могут быть лица, совершенно независимыми друг от друга (т. е. не обязательно они должны быть учителем и учениками). Кроме того, результаты исследования могут быть достигнуты в одном направлении разными методами. Однако Лаппо-Данилевский не пояснял, что он конкретно понимает под «разными методами», могущими существовать у историков одного направления. Видимо, у него самого не было тут достаточной ясности, так как он сам при определении историографических направлений в качестве одного из критериев выдвигал именно метод исследования.

В направление или в школу объединяются, главным образом, продолжал Лаппо-Данилевский, последователи определенного труда, которые либо вполне следуют учителю, либо делают отступления. «Враги данного труда, — замечает он, — редко объединяются в направление или школу»⁴⁰. В качестве контраргумента уместно тут вспомнить о «скептической школе», которая в значительной степени объединилась на критике «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Какие же конкретные критерии выдвигал Лаппо-Данилевский при определении направлений? Над этим кругом вопросов он работал несколько позднее своих коллег — в 10-е годы XX в., когда уже всецело стоял на неокантианских позициях, что в области историографии особенно ярко сказалось как раз на его подходе к проблеме направлений в русской исторической науке XVIII в. Неокантианцы, как известно, при разделении наук на «номотетические» («науки о природе», т. е. естественно-математические) и «идиографические» («науки о духе», т. е. науки о культуре, куда причислялась и история, цель которой, согласно этой теории, ограничивалась задачами описания единичного, индивидуального, неповторимого), классифицировали науки по их методу; по формально познавательным целям; по объектам изучения. Эти-то признаки и взял Лаппо-Данилевский в качестве критерия при определении историографических направлений XVIII в. Так же, как Ключевский и Милюков, Лаппо-Данилевский называл три основных признака, но, при некоторой внешней их схожести, в устах Лаппо-Данилевского они приобретали иную окраску. В отличие от названных ученых, выделявших историографические направления по совокупности всех признаков, Лаппо-Данилевский определял направления по каждому критерию в отдельности. Поэтому его направления крайне не стабильны — они зависимы от примененного к ним критерия, от выбора которого менялись количество направлений, состав направлений и даже один и тот же историк мог одновременно принадлежать к нескольким направлениям.

³⁹ Там же, д. 68, л. 897.

⁴⁰ Там же.

Первый критерий оставался у Лаппо-Данилевского прежним — цели исследования. Так же, как и Милоков, он отмечал для историков XVIII в. две цели: утилитарную и научную, и соответственно выводил два направления. К первому, утилитарному направлению он относил В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и М. М. Щербатова. Ко второму, научному — Г.-З. Байера с Г.-Ф. Миллером и русского историка И. Н. Болтина. Объединением Болтина с двумя немецкими историками в одно направление Лаппо-Данилевский (впрочем, так же как и Ключевский) разрушал традиционное противопоставление историков XVIII в. лишь по национальному признаку. При этом варианте Шлёцер, как видим, не попал ни в одно из направлений.

Второй вариант — выявление направлений с точки зрения метода исследования. С начала XX в., когда буржуазные историки стремились приспособить свои концепции к новым историческим условиям, усилился интерес к методологическим проблемам. То была своеобразная реакция на марксизм. В университетах стали читаться специальные курсы, появлялись отдельные статьи и книги по методологии истории. И Лаппо-Данилевский после 1906 г. по поручению историко-филологического факультета вел преподавание исторической методологии, а к 1913 г. опубликовал два выпуска «Методологии истории».

Из изучаемых нами авторов проблемами методологии занимался и В. О. Ключевский, интерес к которым проявлялся у него с самого начала самостоятельной деятельности. С первого, еще только литографированного курса по русской истории 1872/73 уч. г. до последнего, опубликованного знаменитого «Курса русской истории» эти вопросы рассматривались во вступительных лекциях, предваряя общенсторический курс. Еще задолго до некоей «моды» на методологию, Ключевский прочел специальный курс «Методологии» в 1884/85 уч. г.⁴¹ Невольно возникает вопрос: почему Ключевский не выдвигал (как тот же Лаппо-Данилевский) в качестве одного из критериев метод исследования? Ответ находим в названии первого же «фонарика» курса «Методология»: «Отсутствие метода в нашей истории»⁴². Выходит как-будто бы логично — в русской истории нет метода, следовательно, он и не может служить критерием при выявлении историографических направлений. Однако в «Лекциях по русской историографии», прочитанных Ключевским восемь лет спустя, он делает исключение для Болтина, в трудах которого констатирует наличие метода. Ключевский рассуждал на эту тему в двух «фонариках»: «Метод и тенденция» и «Метод

⁴¹ Курс до сих пор не опубликован, но сохранилась его литография. См. подробнее: *Черепнин Л. В.* В. О. Ключевский. — В кн.: *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1960, т. 2, с. 158—161; *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974, с. 158—161.

⁴² НА ИИ СССР АН СССР, ф. 4, оп. 1, д. 27, л. 1.

И. Н. Болтина». В первом — он противопоставляет метод и тенденцию по ряду параметров, находя эти понятия различными, но не противоположными, и приходя в конце концов к заключению: «Методу не нужна тенденция, тенденция не может обойтись без метода. Но тенденция не разбирает методов — это дело науки»⁴³, т. е. в отличие от метода тенденция — не наука.

Понятие «метод» Ключевский раскрывает как «совокупность приемов для раскрытия какой бы то ни было истины»⁴⁴ и конкретно, разбирая его на примере Болтина, сводит метод этого историка к приемам аналогии. А «приемы исследования», как мы помним, Ключевский как раз и называл в качестве второго критерия при определении направлений. Заметим попутно, что Миллюков, тоже выдвигавший в качестве второго критерия «приемы изучения», имел в виду литературный стиль. Таким образом, здесь не было согласованности и не было единства в понимании и применении одних и тех же терминов. Но вернемся к Лаппо-Данилевскому.

С точки зрения метода исследования Лаппо-Данилевский разделяет теперь тех же историков XVIII в. на четыре направления: «Первое он называл *гевристическим*» (имеется в виду соби́рание источников, главным образом летописных), куда зачислен В. Н. Татищев. Второе направление — *«критическое»* — к нему был отнесен А.-Л. Шлёцер. Третье — *«прагматическое»*, представителем которого назван М. М. Щербатов. И последнее, четвертое направление — *«номологическое»*. Здесь упомянуто имя И. Н. Болтина⁴⁵. Видимо подразумевал Лаппо-Данилевский под термином «номологическое» направление (от греческого *Номо* — закон и *logos* — учение, слово) тоже, что «номотетическое». В одной из своих рукописей (1905 г.) он записал после упоминания имени Болтина: «Законы естественного развития данной национальности»⁴⁶. Мы не располагаем текстом Лаппо-Данилевского, раскрывающим приведенные положения. Возможно дальнейшие поиски будут более удачными. Безусловно только то, что данная терминология навеена неокантианством, для которого были весьма характерны терминологические изыскания, «мудреные» термины. Подобные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. разоблачил В. И. Ленин, называя их вздором, напыщенной претенциозной галиматьей, схоластической игрой в новые словечки, засорением «сути вопросов вычурными ухищрениями»⁴⁷. Лаппо-Данилевский, вслед за неокантианцами, уделяя чрезмерное внимание терминологическим изыска-

⁴³ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 431.

⁴⁴ Там же, с. 430.

⁴⁵ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 71, л. 843—844.

⁴⁶ Там же, д. 72, л. 3.

⁴⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 150, 357.

ниями, считая, что выработка терминологии содействует упразднению бесплодных споров между историками разных направлений⁴⁸.

Итак, при втором варианте каждое направление состояло, по Лаппо-Данилевскому, всего из одного историка. Но теперь вне направлений оказались Ломоносов, Байер и Миллер.

Напоминаем, что и Ключевский и Милюков третьим критерием историографических направлений называли «отношение к источнику». Исторические источники всегда были в поле зрения историков и ставились некоторыми из них чуть ли не во главу угла историографического изучения. Однако Лаппо-Данилевский, сам много сделавший в области теоретической разработки проблем исторического источника, все же не этот принцип посчитал определяющим. Третий критерий у Лаппо-Данилевского — объект изучения.

С точки зрения *объекта изучения* не было названо ни одного направления, и ни одного имени историка. В этой части автор указал на усилившийся интерес историков к «внутренней истории», на появление «нового материала и номологического исследования», на появление «местных» и «частных историй». По существу, он указывал здесь на элементы зарождавшегося буржуазного направления, что обычно опускалось в печатной историографической литературе. Но и Лаппо-Данилевский не раскрыл эту тему.

Таким образом, невозможно сосчитать, сколько же направлений видел Лаппо-Данилевский в русской исторической науке XVIII в. Нередко он сам сбивался (например, то разделял Щербатова и Болтина по различным направлениям — как говорилось выше, одного относил к «прагматическому», другого к «номологическому», то объединял обоих в одно «номотетическое» направление). Противоречиво высказывался он и о других историках. Возьмем для примера Шлёцера. Применяя свой первый вариант в определении направлений по целям исследования, Лаппо-Данилевский ни к одному из двух указанных им направлений Шлёцера не относил. При втором варианте (по методу исследования) Шлёцер представлял «критическое» направление. Но вот в других частях рукописи встречаем положения о критической «школе», основанной Шлёцером⁴⁹. Но ведь «школа» и «направление», по утверждению Лаппо-Данилевского, понятия разные, при этом «школа» понятие более узкое. Так что же основал Шлёцер — «школу» или «направление»? Несмотря на то, что Лаппо-Данилевский сознательно разграничивал понятие «направление» и понятие «школа», в его рукописях находим и другие противоречия, свидетельствующие о том, что, видимо, он сам для себя не считал еще вопрос об историографических направлениях решенным. Вероятнее всего то были не окончательные формулировки, а

⁴⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Пг., 1923, вып. 1, с. 10.

⁴⁹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 446.

всего лишь поиски ответа на сформулированный им вопрос. Это происходило оттого, что анализировалось им не идейно-теоретическое содержание, а лишь внешние признаки историографических направлений. Не учитывалась им и борьба направлений.

Как видим, Лаппо-Данилевский своеобразно трактовал историографические направления XVIII в., хотя критерии его в своей основе и имели много общего с критериями Милюкова и Ключевского.

Работа буржуазных историков над проблемами направлений в отечественной историографии XVIII в. шла хотя и медленно, но в целом носила поступательный характер. Сам факт попытки перехода авторов историографических работ от изложения истории исторической науки сугубо «по историкам» к изложению «по направлениям» и постановка проблемы историографических направлений — объективный свидетель внутреннего роста историографии как научной дисциплины. Эта дисциплина стала вырабатывать и свою терминологию, что особенно ярко видно на примерах работ Ключевского, Милюкова, Лаппо-Данилевского.

•

Итак, по мере накопления историографических наблюдений, подход к интересующей нас проблеме, как мы могли убедиться, постепенно углублялся. Вначале историки лишь упоминали о некоторых направлениях, ограничиваясь констатацией чисто внешних признаков, таких, как литературный стиль или национальная принадлежность. Деление историков XVIII в. на русских и немецких стало общим местом суждений буржуазных историков и долгое время существовало как устойчивая традиция, которая частично начала преодолеваться Ключевским и Лаппо-Данилевским.

Со временем историки в историографических работах стали подчеркивать столкновения отдельных направлений. Но в силу классовой ограниченности, авторы этих работ не могли подняться до понимания борьбы направлений в области истолкования общественных явлений, отражающих борьбу классов. Поэтому-то они, как правило, проходили мимо зарождения новых направлений в исторической науке — не только революционного, но даже и буржуазного.

Выделение направлений в исторической науке, безусловно, было шагом вперед и известным этапом развития историографических знаний. Но важно не только это. Историки поднимались еще на одну ступень, когда стали теоретически подходить к проблеме историографических направлений, стремясь выработать критерии, руководствуясь которыми можно было бы определять их. Однако, отмечая отдельные, порой вполне правильные, действительно важные черты, но носящие лишь частный, односторонний характер, они в целом не давали ответа на поставленный вопрос. По существу их критерии ничего не определяли и не могли определить, так как не имели принципиальной обоснован-

ности и не включали главнейший признак — классовую подоснову мировоззрения изучаемых историков.

Если наши авторы смогли бы вдруг сравнить выявленные ими направления применительно к русской историографии XVIII в., то, возможно, они сами бы крайне удивились. Критерии у них, можно сказать, были одни и те же. А практическое применение их слишком пестрое и количество направлений получалось различное, и назывались они вразнобой, и историки по направлениям группировались различно. Общим оказалось лишь то, что ни одно из «найденных» направлений не вошло в научный оборот и не утвердилось в литературе. Более того, свои собственные критерии, примененные названными историками при изучении русской историографии XVIII в., не распространялись ими на изучение истории исторической науки последующего времени. Сами создатели этих критериев уже не вспоминали о них, и вероятно, на этом основании можно предполагать: историки сознавали, что научно верного решения проблемы найдено ими не было.

2. ПРОБЛЕМА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Мы видели, как исследователи при конкретном изучении истории исторической науки XVIII в. все более и более убеждались в том, что историография — не простой регистратор исторических сочинений, не сводка биографий и трудов историков прошлого, а постоянно развивающийся и усложняющийся процесс. У историографов стало постепенно вырабатываться представление о внутреннем развитии исторической науки, что сказывалось, в частности, в их стремлении обнаружить и проследить за связью, преемственностью, а также за различиями исторических взглядов отдельных представителей исторической науки. Так возникло понимание существования в исторической науке различных направлений, а вслед за тем и потребность в выявлении критериев для отнесения исследователей к тому или иному направлению. Однако те критерии, которыми пользовались историки науки при определении направлений в русской историографии XVIII в. не применялись ими при выявлении историографических направлений XIX — начала XX в. Освещая общее развитие русской исторической науки дореформенного (и отчасти пореформенного) времени, авторы историографических трудов не изобретали уже по собственному усмотрению названия для историографических направлений, а пользовались теми, которые возникали в общественной практике, чаще всего в пылу полемики («скептическая школа», «славянофилы», «западники», «юридическая школа»). Индивидуальное «словотворчество» возобновилось при характеристике исторической науки конца XIX — начала XX в. Данное наблюдение характерно для всех изучаемых нами ученых, поэтому представляется нецелесообразным повторять его многократно при рассмотрении историографических

представлений каждого из них. Плодотворнее сосредоточить внимание на разногласиях и общности мнений историков науки при оценке ими отдельных направлений указанного периода, что мы и попытаемся сделать в настоящем разделе. Возможно, при этом может показаться, что мы меняем ранее избранный принцип изложения. В действительности он остается тем же — проблемно-тематическим, только сами проблемы даются теперь более локально и как бы более крупным планом. Такой подход позволяет детальнее проанализировать историографические концепции каждого изучаемого автора, дать их в эволюции и сопоставлении друг с другом, отчего контрастнее, более рельефно выявляются особенности историографических концепций каждого историка и общие черты тех направлений, которые они сами представляли. А это, в свою очередь, помогает увидеть движение проблемы во времени, т. е. уяснить историю ее изучения в русской дореволюционной историографической науке.

В условиях общего кризиса буржуазной науки для историков либерально-буржуазного направления, чьими усилиями, главным образом, разрабатывалась отечественная историография в России, особенно важно было выявить в истории науки те моменты, когда либерально-буржуазная историческая наука была на подъеме и, оттесняя своих противников, успешно отстаивала свои позиции. По существу, в истории исторической науки дореформенного периода их интересовала не вся идейная борьба в полном объеме, проходившая на историческом фронте, а лишь соперничество дворянской и буржуазной науки. Для них настолько важно было увидеть и подчеркнуть, с одной стороны, историю укрепления и жизнеспособность буржуазной исторической науки, а с другой — слабость позиций дворянской, что они мимоходом обратили внимание на декабристов, и то главным образом как на критиков Н. М. Карамзина. Это не означает, конечно, что авторы историографических сочинений выделяли исторические взгляды декабристов в какое-либо особое направление или течение в науке, — отнюдь! Но тем не менее, этот неожиданный момент, который до сих пор, как правило, не попадал в поле зрения исследователей, очень важен в изучении истории отечественной историографии. Не менее важен он и для нашего понимания отношений историков того времени к идейному наследию декабристов. Поэтому считаем необходимым более внимательно и подробно рассмотреть этот вопрос.

Частичное признание профессиональными историками науки заслуг декабристов в русской историографии делалось настолько скромно и разбросано, что это до последнего времени почти и не отмечалось специалистами. Лишь С. С. Волк во введении к своей книге, специально посвященной историческим взглядам декабристов, в общей форме отметил, что «авторы некоторых историографических обзоров при характеристике воззрений Карамзина стали упоминать и об исторических взглядах его политических противников, не интересуясь, впрочем, более никем из то-

варищей Никиты Муравьева»¹. В ссылке автор указывал на работы М. О. Кояловича и П. Н. Миллюкова (книги которых, кстати сказать, вряд ли справедливо называть «обзорами»). Неточен автор и в утверждении, что эти историки ограничивались лишь одним Никитой Муравьевым. Коялович, например, помимо него, в своей «Истории русского самосознания...» называл К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, Михаила Муравьева, на чем подробнее мы остановимся ниже.

Представляется правомерным начать наш небольшой экскурс по работам историков — специалистов в области истории исторической науки с С. М. Соловьева. Высказывания Соловьева о декабристах встречаются в его «Записках»². Не следует забывать, что они писались автором для весьма ограниченного круга и не предназначались для широкого читателя.

Ту часть «Записок», где речь шла о декабристах, Соловьев писал в 1856 г.³ Это означает, что к тому времени даже книга верноподданного барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» не издавалась «для публики» (она была обнародована лишь в 1857 г.⁴), а А. И. Герцен и Н. П. Огарев не начали еще публиковать мемуары декабристов, отстаивая и защищая деятелей декабристского движения от клеветы со стороны бар. Корфа. Но ими была уже издана за границей первая книга «Полярной звезды», названная так в память альманаха А. Н. Бестужева (Марлинского) и К. Ф. Рылеева. В России же по-прежнему «журналы и газеты выражали только мнение и волю правительства; издатели не смели иметь своего мнения»⁵, т. е. легальная печать была «наглухо закрыта даже для беглых упоминаний о случившемся»⁶.

Письменные источники Соловьева были крайне скудны: он не мог изучать историю движения декабристов по подлинным документам, так как не дожил до того времени, когда архивы, хранящие дела декабристов, стали (после революции 1905 г.) доступны для исследователей. Во времена Соловьева была официально известна лишь правительственная версия, сознательно фальсифицирующая весь смысл движения декабристов: были опубликованы царские манифесты и «Донесение следственной комиссии», а также «Историческое обозрение царствования императора Николая I», составленное на основании все тех же ма-

¹ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М., Л., 1958, с. 7.

² Соловьев С. М. Мои записки для моих детей, а если можно, и для других. Пг.: Общественная польза, Б. г. (Далее: Соловьев С. М. Записки).

³ Там же, с. 116.

⁴ Корф М. А. Восшествие на престол имп. Николая I. 3-е изд. (первое для публики). СПб., 1857. Как известно, первые два издания в количестве 25 экземпляров предназначались, «как семейная тайна», только для членов императорского дома. См.: Там же, с. IV.

⁵ Розен А. Е. Из «Записок декабриста». — В кн.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1980, т. 1, с. 173.

⁶ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 8.

нифестов и «Донесения» реакционным историком Н. Г. Устряловым⁷. В принципе Соловьев мог быть знаком с заграничной прессой, где, кроме повторения правительственной версии, появлялись и более объективные высказывания⁸. С. М. Соловьев в 1842—1844 гг. был за границей — он посетил Германию, Бельгию, Францию, Чехию. Однако прямых данных, подтверждающих это предположение, у нас нет.

Возможно, Соловьев в значительной степени опирался на устную традицию, на затаенное общественное мнение. При этом не следует упускать из вида и факт личного знакомства Соловьева с А. И. Герценом, о чем читаем в его «Записках»⁹. Вероятно также, что историк писал под непосредственным влиянием ожившего в 1856 г. общественного интереса к декабристам в связи с амнистией и разрешением вернуться им в европейскую часть России.

«Записки» Соловьева построены в форме автобиографического хронологически последовательного рассказа. Естественно, что при таком изложении Соловьев, родившийся в 1820 г., не мог непосредственно писать о восстании декабристов. К событиям 1825 г. он возвращается в «Записках» по аналогии: Соловьев проводил параллель между реакцией царского правительства на восстание декабристов и на европейские революции 1848 г. И хотя революционного взрыва в России после 1848 г. не последовало, правительственная политика, утверждает Соловьев, была той же — европейские революции 1848 г. создали в высших сферах Российского государства ту же ситуацию смертельного страха перед революционным взрывом. «Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция». Политика Николая I, пишет Соловьев, была воплощенной реакцией «всему, что шевелилось в Европе с конца прошлого века», а «колоссальная фигура» Николая и «ныне давит духовное развитие России»¹⁰.

Декабристов Соловьев называл людьми, которые принадлежали «к самым просвещенным и даровитым, они все думали, рассуждали, критиковали, и следствием этого было 14-е декабря». Восстание декабристов он называл событием «великой важности, ибо оно объясняет многое в жизни русского общества». Вместе с тем Соловьев находил, что дело декабристов «было произведением незрелости русского общества», а самих декабристов называл даже «поверхностно образованными» людьми, их взгляды расценивал как «младенческий лепет»¹¹ и упрекал их за незнание русской действительности.

⁷ Устрялов Н. Г. Русская история. 5-е изд., исправленное и дополненное историческим обозрением царствования государя императора Николая I. СПб., 1855, ч. 2. Новая история.

⁸ Крестова Л. Н. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. — Исторические записки, 1942, т. 13.

⁹ Соловьев С. М. Записки, с. 102, 133.

¹⁰ Там же, с. 121, 116.

¹¹ Там же, с. 119—120, 115, 116.

Однако после резких слов в адрес декабристов Соловьев как бы спешит оправдаться: «Да не сочтет кто-либо слов моих словами укора: сохрани боже! Грустный опыт, грустный взгляд на настоящее не позволяет мне укорять моих несчастных предшественников; прошло более тридцати лет после их попытки, и мы находимся (в 1856 г.) в совершенно таком же положении, как и они»¹². Вчитываясь еще и еще раз в текст Соловьева, пожалуй, можно прийти к заключению, что он осуждал декабристов не столько за их взгляды (он, может быть, и сам разделял их, ведь назвал же он декабристов своими «несчастливыми предшественниками»), сколько за открытое, революционное выступление. Подобная позиция была характерна не только лично для Соловьева — сторонника реформаторства, но и для либерально-буржуазной исторической концепции в целом.

Почти через 30 лет после «Записок» С. М. Соловьева, в 80-х годах XIX в. появились две историографические работы: литографированные «Лекции по историографии» К. Н. Бестужева-Рюмина и книга М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»¹³. За эти годы самым выдающимся явлением в декабристоведении было создание А. И. Герценом и Н. П. Огаревым революционной концепции движения декабристов. Внутри же России, кроме утверждения корфовской тенденции, стала создаваться либеральная трактовка движения¹⁴, которая наиболее полным образом отразилась в книге А. Н. Пыпина «Исторические очерки: Общественное движение в России при Александре» (1870). Вероятно, именно эта работа стимулировала ряд высказываний, которые мы встречаем в последующих историографических трудах. Важным для нашей темы представляется и тот момент, что в 1866 г. М. П. Погодин опубликовал отрывки из записки Никиты Михайловича Муравьева об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина¹⁵, что дало возможность историкам, в том числе и Кояловичу, ознакомиться, хотя и фрагментарно, с этим важнейшим документом, характеризующим исторические воззрения декабристов¹⁶. Однако этой публикацией не воспользовался еще К. Н. Бестужев-Рюмин и не говорил об исторических взглядах декабристов, но их вооруженное выступление рассматривал в историографической цепи событий.

¹² Там же, с. 116.

¹³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Лекции по историографии за 1881/82 года. СПб., Б. г.; *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. Далее цит. по 3-му изд. (СПб., 1901).

¹⁴ Подробнее см.: *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. 1, с. 13—18.

¹⁵ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866, ч. 2, с. 198—203.

¹⁶ Полностью записка Н. М. Муравьева «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» была опубликована только в советское время. См.: Литературное наследство. М.; Л., 1954, т. 59, с. 569—598.

В «Лекциях по историографии за 1881—82 года» К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал: «В конце XVIII века и начале XIX в. замечается полная денационализация», в русском обществе ни у кого не было «сознательного отношения к прошлому, сознательного понимания главных свойств своей страны», господствовало западноевропейское воспитание. «Но результаты европейского образования,— продолжал он,— сказались для правительства в заговоре 25 декабря». Декабристы были людьми не русского воспитания: «Поживши в Европе, поучившись у французских эмигрантов и начитавшись французских книг, они сделались поклонниками франц[узского] правового порядка». В подтверждение этого положения историк приводил достаточно близкий пример из семейной хроники: Михаил Павлович Бестужев-Рюмин (родной брат отца автора) при даче показаний пользовался французским словарем и семейные письма писал по-французски, следовательно, говорит он, «М. Бестужев-Рюмин не умел писать по-русски». И на основании этого частного факта делался обобщающий вывод: «Каков был он, таковы были и все»¹⁷. Но вряд ли сам он верил в это всерьез, так как трудно допустить, чтобы К. Н. Бестужев-Рюмин не знал изданные Вольной русской типографией мемуары и другие документальные материалы декабристов, написанные на прекрасном русском языке. Да и он сам свидетельствовал в позднейших «Воспоминаниях», что еще летом 1857 г. прочитал «Полярную звезду» и начавший выходить тогда «Колокол» и что познакомил его с этими изданиями В. И. Касаткин¹⁸— видный деятель в истории русского общественного движения. Поэтому нелогично допускать, чтобы и в дальнейшем племянник казненного декабриста, бережно хранивший у себя его письма, не интересовался бы и не следил за декабристской литературой.

Акцентируя внимание на европейском воспитании декабристов, Бестужев-Рюмин, казалось, был близок к правительственной версии, толковавшей о том, что их выступление носило-де случайный характер и не имело якобы никаких исторических корней в русской действительности. Но Бестужев-Рюмин достаточно трезво рисовал общую обстановку в стране и резко характеризовал представителей царской власти, да и самих государей¹⁹, но ни тени упрека не брошено им в адрес декабристов. Более того, демонстрируя некую оторванность декабристов от реальной жиз-

¹⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по историографии..., с. 180—181, 182.

¹⁸ Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания (до 1860 г.).— В кн.: Сб. Отд-ния русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1900, т. LXVII, № 4, с. 50.

¹⁹ «России никто не знал и не сочувствовал ей, окружившие государя смотрели на нее с высоты европейского величия. От Аракчеева остались только кнут да розга»; Александр I мало был «русским человеком»: «к поляку, пану-аристократу он относился гораздо доброжелательнее, чем к русским». Николая I он называл непригодным к правлению и позднее в «Воспоминаниях» (с. 46) писал, что его царствование было слишком тяжело. См.: Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по историографии..., с. 182.

ни России, Бестужев-Рюмин тем самым стремился оправдать их: «Во времена Аракчеева только и можно было жить в такой идеальной сфере», в какой, считал он, пребывали деятели движения. А идеалистом и отвлеченным либералом, добавляет он, был и сам государь-император Александр Павлович²⁰. Представляя декабристов безопасными мечтателями, Бестужев-Рюмин разделял либеральную концепцию, выхолащивающую революционный смысл из всей их деятельности.

Бестужев-Рюмин сделал очень важное историографическое наблюдение: он единственный из всех наших авторов увидел в движении декабристов непосредственную причину возникновения теории официальной народности. После выступления декабристов Николай I, писал он, «понял необходимость стать на национальную почву» и стал сверху, без общества, внедрять идею народности. Была найдена знаменитая формула: «Православие, самодержавие, народность». Общество относилось к ней недоверчиво уже потому, что она была официальна. Ответной реакцией на триаду явилось равнодушие, затем — усиление позиций «людей европейского направления», и как реакция на последних — «явилось славянофильское направление»²¹. Таким образом, Бестужев-Рюмин вполне органически вплет декабристов в историографическую ткань своего курса.

С иных идейных позиций писал о декабристах М. О. Коялович. В своей книге «История русского самосознания...» он специально останавливался на исторических взглядах деятелей движения. Коялович касался данной темы в связи с анализом критики «Истории государства Российского». В главе VIII («Н. М. Карамзин») выделялись им специальные пункты: «Суждения тогдашних противников Карамзина. Крайние тогдашние направления, — декабристы и Аракчеев. Положение Карамзина среди этих крайностей». «Самое резкое и крайнее мнение» об истории Карамзина, читаем в книге Кояловича, вышло «из партии действительно революционной» — из кружка молодежи, «в среде которой подготовлялось известное дело декабристов»²². Следует обратить внимание на подчеркивание Кояловичем революционности декабристов, что шло вразрез с утверждавшейся в то время в буржуазной науке либеральной трактовкой декабризма, которая ставила своей задачей «реабилитацию» декабристов от обвинения в подготовке революции. Именно потому Коялович и занял враждебную позицию по отношению к декабристам, тогда как либеральные историки, затушевывая революционный характер движения декабристов, писали о них в сочувственном тоне.

Хотя Коялович называл Никиту Муравьева весьма умным членом общества и даже цитировал его, но он так и не показал, в чем же заключалась сущность его критики дворянско-монар-

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 183—184.

²² Коялович М. О. История русского самосознания..., с. IV, 157.

хической концепции карамзинской истории. Вместе с тем Коялович верно подметил, что А. С. Пушкин выразил в известной эпиграмме²³ общие настроения передовой молодежи. Сам Коялович ни в коей мере не разделял критической оценки «Истории» Карамзина, более того — она представлялась ему чуть ли не кощунством. Поэтому критику Никиты Муравьева он квалифицировал как «нападки», «бредни» и даже «воплъ» русского «западноевропейца». Небезынтересно отметить, что Коялович в позиции Никиты Муравьева усмотрел еще один историографический аспект — влияние ее на истоки «скептической школы», о чем подробнее мы скажем ниже. Таким образом, Коялович был близок к позициям «охранителей», которые расценивали любую критику Карамзина как выступление против самодержавия.

Как уже отмечалось, из декабристов, кроме Никиты Муравьева, Коялович называл еще К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля и М. Н. Муравьева. В историографической книге Коялович говорил даже, правда весьма выборочно, об отдельных моментах истории движения декабристов. При этом он допускал ряд искажающих истину утверждений.²⁴

Идеи декабристов, связанные с освобождением крестьян, Коялович одобрял. После 1812 г. иные «додумывались, — писал он, — до исправления действительного русского зла — крепостного состояния наших крестьян; но только лучший декабрист, Рылеев смотрел на это серьезно и додумался даже до освобождения крестьян с землею»²⁵. (Заметим попутно, что Михаила Муравьева, рано отошедшего от тайных обществ и заклеянного историей за свою последующую деятельность кличкой «вешатель», Коялович тоже называл «лучшим» из декабристов). Но о том, что «Русская Правда» Пестеля предусматривала освобождение крестьян с землею у Кояловича нет ни слова. Пестель для него был автором «конституции» — всё равно какой в глазах Кояловича, ибо все конституционные проекты вызывали у него протест, так как «конституция» сама по себе означала уже отход России от неких «исконных начал», что было непростительным грехом с точки зрения «славянофильского субъективизма» Кояловича. В этом плане Коялович упрекал и Александра I за либеральные мечты в начале царствования. А. М. Бакунин, писал с

²³ В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1962, т. 1, с. 341).

²⁴ Например, П. И. Пестелю, стороннику единой российской республики с сильной централизованной властью, Коялович приписывал помыслы «раздробить всю Россию на федеративные области». За эту «позицию» Коялович обвинял Пестеля — одного из наиболее образованных людей своего времени — в невежестве в делах России и противопоставлял ему «более русских», «дельных людей», возмущенных «крайностями» Пестеля. См.: Коялович М. О. История русского самосознания..., с. 160.

²⁵ Там же, с. 159.

удовлетворением Коялович, «в прах разбил конституционные мечты декабристов и замечательно умно доказывал необходимость для России самодержавия»²⁶. За подробностями Коялович отсылает к книге Д. А. Кропотова²⁷, послужившей для него основным источником, откуда он черпал не только конкретные сведения, но и реакционную концепцию. Кропотков был одним из первых историков, кому стали доступными следственные дела декабристов²⁸. Но главным источником послужил для него рассказ младшего из братьев Муравьевых — С. П. Муравьева, который в свою очередь основывался на устных воспоминаниях М. Н. Муравьева и отставного дипломата А. М. Бакунина, «бывшего в ту пору закулисным советником и руководителем» братьев Муравьевых. Чтобы представить политическое лицо Бакунина, достаточно сказать, что Кропотков его характеризовал как строгого консерватора и монархиста²⁹.

Для Кропотова воспоминания недолго бывшего членом «Союза благоденствия» М. Н. Муравьева имеют «все признаки достоверности». Воспоминания же других членов тайных обществ, прошедших через каторгу и ссылку (к тому времени значительная часть их была уже издана Герценом), автор находил лишь «любопытными». Он считал, что в этих воспоминаниях якобы «мало можно найти искренних указаний на ход заговора или настоящего побуждения заговорщиков». Цель Кропотова — обелить Михаила Муравьева и, по возможности, всех Муравьевых вообще, в основном за счет очернения П. И. Пестеля. Ради этого он не жалел слов унижения в адрес Пестеля, которого называл главным виновником «общего несчастья», втянувшим декабристов «в омут безумных революционных утопий»³⁰. Эта позиция Кропотова и была некритически воспринята Кояловичем.

Следующая крупная историографическая работа появилась в 80-х годах XIX в.: «Главные течения русской исторической мысли» П. Н. Милокова. В этой книге не предусматривался параграф, посвященный декабристам, как то было у Кояловича, но

²⁶ Там же, с. 161.

²⁷ *Кропотков Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно*. СПб., 1874. В этой книге декабристам отведена довольно обширная (VI) глава, а в приложении опубликовано несколько документов, в частности «Конвенция, заключенная Бестужевым-Рюминым с польскими заговорщиками в 1824 году» (Там же).

²⁸ В нашей литературе принято считать, что до революции 1905 г. к следственным делам декабристов были допущены лишь четыре реакционно-монархических историка: барон М. А. Корф и три военных историка — генералы М. И. Богданович (*История царствования императора Александра I и Россия в его время*. СПб., 1871, т. 6), Н. Ф. Дубровин (*Русская жизнь в начале XIX в.* СПб., 1902) и Н. К. Шильдер (*Имп. Николай Первый: Его жизнь и царствование*. СПб., 1903, т. 1). Оказалось, что и перед полковником Д. А. Кропотковым были открыты секретнейшие дела, причем значительно раньше, чем перед Дубровиным и Шильдером, работы которых были изданы в начале 900-х годов, книга же Кропотова — в 1874 г.

²⁹ *Кропотков Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева...*, с. VII, 208.

³⁰ Там же, с. 132, 194.

тем не менее автор неоднократно касался этой темы. Милюков тоже говорил о декабристах в связи с критикой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Он писал, что «История» Карамзина стала выходить из печати тогда, когда «недовольная гвардейская молодежь уже готова была к основанию тайных обществ». В противоположность Кояловичу, идеализировавшему Карамзина, Милюков, как известно, старался свести его роль в истории исторической науки до минимума. Можно сказать, что он с сочувствием относился к возражениям будущих декабристов против «морализирующего мировоззрения» Карамзина и точно указал на суть позиции Никиты Муравьева, который горячо «выговаривал Карамзину за его похвалы самодержавию, за монархический дух его истории»³¹. Разница во взглядах Карамзина и декабристов на весь ход русской истории проистекала, писал Милюков, из различия их политических воззрений.

П. Н. Милюков возвращался к декабристам при характеристике 30—40-х годов XIX в., когда после суда над декабристами «интеллигентная жизнь», по выражению Милюкова, переместилась из Петербурга в Москву, из гвардии — в университет. При этом Милюков, как уже отмечалось, верно обращал внимание на формирование разночинной интеллигенции. Надо сказать, что и при первом упоминании декабристов в книге Милюков также подчеркивал этот момент, считая его важной вехой в истории науки. Напомним, что в авторском введении, обосновывая свою периодизацию «главных течений русской исторической мысли», он, в частности, выделял 1826—1827 гг. в качестве грани, разделявшей два крупнейших периода ее развития³². И в качестве одного из аргументов в пользу этой грани он указывал на время после восстания декабристов и свершения над ними приговора³³.

Таким образом, выделяя как рубеж в русской историографии события, связанные с восстанием декабристов (вернее, с его последствиями), Милюков указал на новый аспект влияния декабристов — их воздействие на развитие истории отечественной исторической науки. Однако к самим декабристам с их историческими взглядами Милюков не проявил особого интереса — исключение составило упоминание о Никите Муравьеве, о чем говорилось выше, хотя некоторые из работ декабристов по истории уже начали публиковаться³⁴. Больше внимание Милюкова привлекали «идеалисты 30-х годов». При этом он даже оспаривал идейную преемственность поколений 20—30-х годов XIX в. Он утверждал, что только в популярном изложении «идеалисты тридцатых годов» явились «как бы непосредственными преемниками положе-

³¹ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897, с. 215, 216. Далее цит. по 3-му изд. (СПб., 1913).

³² Подробнее см. главу «Проблема периодизации русской историографии».

³³ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 5.

³⁴ Сведения о первых публикациях исторических работ декабристов собраны в кн.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов, с. 7—8.

ния, сошедшего со сцены в 1825 г.». И тут Милюков становится на путь формальной логики. Он рассуждает так: учителей молодого поколения 30-х годов следует искать среди деятелей александровской эпохи, но «эти учителя не имеют ничего общего с военной молодежью, участвовавшей в движении 14 декабря. Их идеи не требовали жертв: вместо политики и общественной жизни они сосредоточили свой интерес на философских вопросах»³⁵. Да, действительно, декабристы не занимали университетских кафедр, а отбывали ссылку в Сибири, но Милюков совершенно не учитывает огромного идейного и нравственного воздействия подвига декабристов, и не только на ближайшее по времени молодое поколение. Чтобы опровергнуть Милюкова и буржуазно-либеральную трактовку вообще, — ее-то и отражал Милюков, — достаточно вспомнить диаметрально противоположные многочисленные свидетельства А. И. Герцена, тоже включенного Милюковым в категорию «идеалистов 30-х годов»³⁶. Искусственно «огораживая» от декабристов непосредственных учителей поколения 30—40-х годов, которых, писал Милюков, преследовали «за мнимую связь их идей с мистическими или революционными взглядами» и мировоззрение которых «было чуждо Пестелям и Рылеевым», Милюков переходил на свой любимый конек: подчеркивание решающего значения западноевропейских философских идей на развитие русской исторической науки, отходя при этом от конкретной, общенносторической жизни России.

Вновь Милюков упоминал декабристов при рассмотрении мировоззрения П. Я. Чаадаева. Но и в данном случае он указывал не на общие черты, а подчеркивал различие позиций декабристов и Чаадаева, обусловленные, как утверждал Милюков, их различным общественным положением. Настроение немногочисленного и немногим доступного аристократического круга, в котором вращался Чаадаев (при этом Милюков не учитывал, что некоторые видные деятели движения декабристов также принадлежали к высшим слоям тогдашнего общества), «не совсем соответствовало тому, которое вынесли из тех же заграничных походов будущие декабристы». «Разочарования прошлого были здесь (т. е. «в кругу Чаадаева». — Р. К.) гораздо сильнее надежд на будущее. Относясь скептически или враждебно к мечтам о какой-то новой эре политической свободы, люди этого круга не могли помириться с крушением старой доброй традиции и ждали всего не от писанных конституций, а от восстановления старинной дисциплины, общественной и нравственной»³⁷. В этом видит причину отклонения Чаадаева от «общего настроения столичного офицества», т. е. от декабристов. Но если Милюков говорит об «отклонении», то, следовательно, до того, как отклониться, надо было к чему-то примыкать? Однако о том, что Чаа-

³⁵ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 254.

³⁶ Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902.

³⁷ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 324.

даев был дружен со многими декабристами, особенно с И. Д. Якушкиным, что он сам был членом «Союза благоденствия» и привлекался по делу декабристов, Милюков не упомянул. И в этой теме для него решающим являлось все то же пресловутое влияние философских учений Запада. Он и Чаадаева ценил главным образом за то, что тот привносил в Россию западноевропейские философские идеи.

В «Курсе русской истории» В. О. Ключевский, как известно, низводил движение декабристов до попытки обычного для России XVIII — начала XIX в. гвардейского переворота. То, по Ключевскому, был эпизод в истории одного сословия — дворянства, и даже не целого сословия, а лишь части его — дворянской образованной молодежи³⁸. Эта точка зрения Ключевского имела хождение в последующей исторической литературе, даже в советское время. (Ярчайшим тому примером может служить книга Б. И. Сыромятникова «Последний дворцовый переворот», изданная к 100-летию со дня восстания декабристов.)

Однако сам Ключевский в более поздних набросках к курсу несколько расширил и углубил свою трактовку: «Декабристы важны не как заговор, как тайное общество; — писал он теперь, — это нравственно-общественный симптом, вскрывший обществу недуги, которых оно само в себе не подозревало; это целое настроение, охватившее широкие круги, а не 121 человек, только признанных виновными»³⁹.

Насколько можно судить по дошедшим до нас разрозненным историографическим наброскам Ключевского, относящихся к истории исторической науки первой трети XIX в., он не предусматривал специальной темы о декабристах, но упоминания о них встречаются. Ключевский, например, вскользь касался этой темы при общей характеристике «пробуждения патриотизма после 1812 г.» Он говорил о влиянии войны 1812 г. на пробуждение веры в народные силы «в смысле свободы, чувства и достоинства», на «поправление сознания», причиной чего он считал близкое знакомство с жизнью Западной Европы. «Энтузиазм патриотизма и борьбы за свободу имел нравств[енное] действие, — писал он, — и бросил в русские умы новые [общ]ественно-полит[ические] понятия. Это расширение из высшего круга [перешло] на общества военное и т. д.»⁴⁰. Здесь, бесспорно, Ключевский имел в виду декабристов. Но патриотический подъем не был однороден, на что Ключевский и обратил внимание. В патриотическо-литературном возбуждении, во главе которого стоял гр. Ф. В. Ростопчин, он обнаруживал связь с «официальным историческим сознанием после 1825 г.», в частности, с М. П. Погодиным и со славянофилами⁴¹. (Заметим в скобках, что зачатки

³⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937, ч. 5, с. 311—312; ср.: Он же. Соч. М., 1958, т. 5, с. 242.

³⁹ Запись от 10 апр. 1908 г. — В кн.: Ключевский В. О. Соч. М., 1958, т. 5, с. 458.

⁴⁰ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 11.

⁴¹ Там же, п. 12, д. 2.

официальной народности Ключевский усматривал уже в панегириках XVIII в.). Одновременно Ключевский указывал и на оппозицию этому направлению, которое началось, писал он, с П. Я. Чаадаева и декабристов⁴². Как видим, в отличие от Милюкова, подчеркивавшего отчужденность Чаадаева от декабристов, Ключевский, наоборот, объединял их. Однако это наблюдение осталось неразвитым.

Умеренный буржуазный либерал Д. И. Багалей читал в Харьковском университете историографические лекции уже после того, как тема о декабристах была «открыта» и уже были опубликованы работы, написанные на основании изучения в архивах подлинных дел. Однако это не отразилось на его историографической работе, литографированной в 1911 г. Багалею, менее чем кто-либо другой из рассматриваемых нами авторов, уделил внимание декабристам, точнее сказать, он лишь мимоходом упомянул о факте существования критики Н. М. Муравьева на «Историю государства Российского», без малейшей попытки раскрыть ее. При этом он даже полностью не причислял Н. М. Муравьева к декабристам⁴³.

По иному подошел к этой проблеме В. С. Иконников. Он рассматривал как важный исторический источник воспоминания и письма декабристов, за публикацией которых в запрещенных герценовских, (а потом и в других) изданиях, он постоянно и внимательно следил. В ряде случаев Иконникову принадлежит первенство введения в России в научный оборот материалов «Вольной русской типографии». А в 1905 г., когда под влиянием Первой русской революции усилился интерес к истории освободительного движения, и в том числе к движению декабристов, Иконников сразу откликнулся на зов времени. В том же году он опубликовал ценную исследовательскую работу, основанную на новых архивных материалах, где показал непосредственную связь восстания Черниговского полка с крестьянскими волнениями на юге России в местах действия повстанческого полка, происходившими под знаком требований освобождения от крепостной зависимости⁴⁴. В неопубликованной части «Опыта русской историографии» Иконников дважды говорил о декабристах: в отделе «Обзор мемуаров русских людей и лиц, служивших в России» и в отделе «Переписка...» В этом труде, посвященном анализу источников личного происхождения, он отводил мемуарному

⁴² Там же, п. 13, д. 11

⁴³ Д. И. Багалей писал, что в некоторых журналах того времени появились отрицательные отзывы об «Истории государства Российского». Отрицательные мнения были высказаны...— Багалей тут перечислял несколько имен — и добавлял: «...и наконец, Муравьевым, который до некоторой степени примыкает к декабристам. Другие лица,— тут же продолжал он,— высказывали восторженные отзывы», к рассмотрению которых он и переходил. См.: Багалей Д. И. Русская историография. Харьков, 1911, ч. 1, с. 110.

⁴⁴ Иконников В. С. Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени: (По архивным материалам). СПб., 1905.

наследию декабристов специальную главу, хотя это даже в какой-то степени нарушало принятую им структуру изложения «по царствованиям». Декабристская глава оказалась между «временем Александра I» и «временем Николая I». Уже одно это свидетельствует о его крайне высокой оценке записок декабристов.

Начинал Иконников с краткой характеристики эпохи. Он обращал внимание на то, что движение декабристов, ознаменовавшееся чрезвычайно разнообразными действиями и имевшее важные последствия, вызвало обширную литературу. В противоположность Кропоткову, пренебрежительно отнесшегося к воспоминаниям декабристов, Иконников очень высоко ставил их и довольно полно и точно отражал их содержание. Декабристскую литературу Иконников ценил не только как важнейший исторический источник, но и как произведения, обладающие замечательными литературными достоинствами.

После общей характеристики мемуаров декабристов, Иконников знакомил с воспоминаниями конкретных лиц. Начинал он с записок кн. С. П. Трубецкого.

Во втором отделе книги «Переписка русских людей и лиц, служивших в России», Иконников также выделял в отдельный параграф декабристскую тему. Подробно информируя о переписке самих декабристов как за годы их деятельности в тайных обществах, так и за годы каторги и ссылки, он справедливо называл важнейшими источниками этого времени также и официальную переписку и донесения агентов высшей полиции по делу декабристов⁴⁵.

Подавляющее большинство рассмотренных нами авторов историографических трудов писало свои работы в трудное для изучения движения декабристов время; долгие годы царил запрет темы, необходимые источники оставались недоступными. Однако историки науки все же находили возможность так или иначе коснуться этой темы и своеобразно отражали ее в своих произведениях, но конечно, не они задавали тон в изучении проблемы. Эти работы, в которых содержались строки о декабристах, были далеко не одинаковы по своему предназначению: почти конспиративные «мысли для себя» в «Записках» Соловьева; лекции в студенческой аудитории Бестужева-Рюмина, Ключевского и Багалей; попутные высказывания в открытой печати Кояловича и Милюкова; специальное изучение темы Иконниковым в опубликованной статье и в подготавливавшейся к печати книге. Они по-разному и с разных сторон подступали к теме: касались конкретной истории движения, программы и целей декабристов как борцов против крепостничества (Коялович, Иконников), отмечали влияние движения декабристов на политику царизма (Соловьев), говорили об общем идейном настрое тогдашнего русского общества и об отдельных оттенках в нем (Бестужев-Рюмин, Коялович, Милюков, Ключевский, Багалей), проводили параллели меж-

⁴⁵ Архив АН СССР, ЛО, разряд II, оп. 1, д. 252, л. 203 об.— 206.

ду разными эпохами (Соловьев, Миллюков), вводили декабристов в общее русло европейского революционно-освободительного движения (Соловьев). Отмечали и чисто историографические аспекты: Бестужев-Рюмин видел причинную связь движения декабристов с возникновением теории официальной народности; Коялович, Миллюков, Багалей отмечали критику декабристами исторической концепции Н. М. Карамзина; Коялович усматривал влияние декабристов на взгляды представителей «скептической школы»; Миллюков и Иконников выделяли события 1825 г. как грань в истории исторической науки; рассматривали мемуары и переписку декабристов как исторический источник и т. д.

Несмотря на перечисленные выше частные наблюдения, все же в целом проблема влияния декабристов на историческую науку не была изучена дореволюционной дворянско-буржуазной наукой. Она не была даже отчетливо сформулирована и поставлена как исследовательская задача. Но какое бы скромное место в работах по истории исторической науки буржуазные историки не отводили теме декабристов (а они в общем чрезвычайно скупо, как мы видели, писали о них) сам факт вкрапления этой проблемы в общую историографическую ткань повествования свидетельствовал о том, что и они, эти историки, подтверждали влияние идеологии декабристов на развитие общественной мысли вообще, и исторической мысли, в частности.

•

В дореволюционной историографической литературе не все направления в исторической науке выявлялись и изучались в одинаковой мере. Это наблюдение относится не только к представителям революционной мысли. Мы уже отмечали, что при рассмотрении историографических направлений в XVIII в. не был замечен момент зарождения буржуазного направления, а в истории исторической науки XIX в. не выделялось и не анализировалось, например, официально-охранительное направление. Вместе с тем упоминания о теории официальной народности и «портретные» характеристики отдельных историков, стоящих на ее позициях, встречаются довольно часто. Таким образом, изучение историографических направлений носило выборочный характер.

В начале XIX в. важным этапом в формировании крепнувшего буржуазно-либерального направления являлось выступление так называемой «скептической школы»⁴⁶ во главе с М. Т. Каченовским (1775—1842) — одним из первых критиков «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. По существу оно выражало протест против методологических и источниковедческих основ господствовавшего тогда в исторической науке дворянско-монархического направления. В противоположность консервативной точке зрения дворянских историков, отстаивавших

⁴⁶ Это название, полученное из уст противников в пылу полемики, закрепилось за ними в последующей литературе и вошло в научный оборот.

идею о якобы исключительности исторического развития России, представители «скептической школы» рассматривали русскую историю как часть мирового исторического процесса. Их требование критического отношения к источникам вело к выработке новых методов исследования. Несмотря на известную слабость ряда отдельных конкретных выводов «скептиков» и на то, что они необоснованно подвергали сомнению достоверность основных памятников Древней Руси, в целом «скептическая школа» оказала значительное влияние на последующее развитие критической мысли, на формирование и укрепление позиций буржуазно-либерального направления в русской исторической науке.

Позиции историков, принадлежавших к «скептической школе» (в которую входили братья С. М. и П. М. Строевы, Я. И. Бередников, Н. В. Станкевич, Н. Стрекалов и другие), а также возражения их противников — историков официально-охранительного направления (М. П. Погодин, П. Г. Бутков и другие) достаточно известны, и нет необходимости подробнее освещать их. Поэтому сразу перейдем к анализу оценок «скептической школы», которые встречаются в трудах историков, профессионально занимавшихся проблемами истории русской исторической науки.

Напомним, что историки-охранители вынесли «скептической школе» весьма суровый приговор. Восприняв сам факт критики придворного историографа как вызов официальной идеологии, как подрыв устоев самодержавия, они не только подвергли резкой критике ошибочные суждения Каченовского и его сторонников, но и полностью отрицали какое бы то ни было их научное значение. К тому же кафедра в Московском университете, ранее занимаемая Каченовским, была передана его главному оппоненту — М. П. Погодину. «Оскорбители», по выражению С. М. Соловьева, трубили победу.

Но и в те годы иногда раздавались голоса в поддержку «скептической школы». К примеру, в 1837 г. Н. И. Надеждин обронил замечание: «скептики» «не вполне безосновательны»⁴⁷. Великий революционер-демократ В. Г. Белинский и до (в 1834 г.) и после разгрома «скептической школы» (в 1843 г.) говорил о здравом, основательном и умном скептицизме Каченовского и заявлял о необходимости справедливой оценки ученого, тем самым квалифицируя разразившуюся в его адрес критику как несправедливую⁴⁸. Вместе с тем это не мешало Белинскому быть объективным и осуждать нигилистическое отношение «скептической школы» к историческому прошлому русского народа⁴⁹.

Восстановлением научной репутации «скептической школы», и прежде всего его главы М. Т. Каченовского, занялись историки либерально-буржуазного направления. Они по мере укрепле-

⁴⁷ Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России. — В кн.: Библиотека для чтения. СПб., 1837, т. 20, с. III.

⁴⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 1, с. 88; М., 1955, т. 7, с. 59.

⁴⁹ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963, с. 80.

ния своих позиций в науке (чему немало способствовала в свое время «скептическая школа») ощущали потребность противопоставить «охранителям» свою точку зрения. Перед авторами из либерально-буржуазного лагеря стояла определенная задача. Им важно было не столько дать научно-точную и всестороннюю оценку «скептикам», сколько выявить и подчеркнуть их положительные черты и обратить внимание на оказанное ими влияние на дальнейшее развитие исторических знаний. Но делалось это с осторожностью и постепенно. В 1847 г. К. Д. Кавелин попутно, в связи с разбором исторических трудов М. П. Погодина, отзывался и о позиции Каченовского. Он находил, что в полемике названных историков последний был более прав, хотя и впадал в крайность, «которая существенно повредила его делу». Каченовский, писал он, пытался «снять с глаз повязку» и «привести русскую историю к ее естественным размерам». Кавелин выражал даже уверенность, что в ближайшем будущем Каченовский «найдет себе защитников и продолжателей»⁵⁰. И он оказался прав.

Первая статья в защиту М. Т. Каченовского появилась без подписи через восемь лет (в 1855 г.) в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета». Она принадлежала С. М. Соловьеву. Как обычно в очерках подобного рода, находим там краткие биографические данные, сведения о служебной деятельности, обзор основных работ историка. Соловьев с большим пиететом писал о Каченовском, называя его работы то замечательными, то образцовыми, то оригинальными, и т. п. Всё находило одобрение Соловьева: и интерес Каченовского к истории славян, и изучение источников, и внимание к кн. М. М. Щербатову, и защита А. Л. Шлёцера, и замечания в адрес Н. М. Карамзина. Но ни о каких спорных вопросах или ошибках в версии Каченовского автор не упоминал — все острые моменты были им обойдены. В изображении Соловьева Каченовский выглядел излишне кротким, а речь о нем велась изолированно и от его противников, и от его сторонников⁵¹: не было и самого выражения «скептическая школа». Проскользнул лишь глухой намек на существование у него «отъявленных врагов». В более поздних автобиографических «Записках» Соловьев откровеннее высказался об известной полемике, доставившей Каченовскому, как он писал, много врагов, среди которых теперь

⁵⁰ Кавелин К. Д. Соч. СПб., 1897, т. 1, стб. 100 и след. См. также: Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии второй половины XIX в. Л., 1977, с. 27—28.

⁵¹ Вскользь упомянуты лишь З. Я. Ходаковский и Н. С. Арцыбашев, замечания которых на Карамзина Каченовский опубликовал в «Вестнике Европы», за что «известной стороной» был прозван именем злобного критика, «бича Гомера», — Зоила. Определенным подбором цитат из Каченовского Соловьев стремился доказать незаслуженность подобного прозвища. См.: [Соловьев С. М.]. Каченовский Михаил Трофимович. — В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855, ч. 1, с. 395.

открыто назвал Погодина. Но в опубликованной статье он был значительно осторожней. Не беря на себя роли судьи над полемистами, даже как бы умышленно отстраняясь от их борьбы, Соловьев — университетский ученик обоих историков — не только вставал на сторону Каченовского, но и отстаивал его позицию.

Одну из главнейших заслуг Каченовского Соловьев видел «в старании сближать явления русской истории с однохарактерными явлениями» у других народов⁵².

Важным представляется то, что Соловьев связывал позицию Каченовского с современными ему научными требованиями. До XIX в., писал он, на историю смотрели преимущественно как на художественное произведение, изображали различные эпохи одинаковыми красками. Первое дело, которым должна заняться наука, состояло, по Соловьеву, в том, чтобы «уничтожить это смешение эпох, выставить каждую из них в соответствующем ей характере, уяснить, таким образом, постепенный ход истории, преемство явлений, естественный, законный выход одних явлений из других, последующих из предыдущих». Каченовский и выступил, писал Соловьев, согласно с требованиями времени. Здесь отчетливо сформулированы задачи, стоявшие тогда перед новым направлением в исторической науке, которые сам Соловьев разделял и проводил в жизнь. В этом-то состоит, на наш взгляд, главная историографическая ценность названной статьи Соловьева. И как утверждение данной позиции звучат его слова: отрицание Каченовского освобождало «от вредной односторонности» и давало «простор для других разнородных влияний, для других объяснений, от чего наука много выиграла»⁵³.

Вскоре (в 1859 и 1860 гг.) появились рецензии начинающего ученого, тогда еще не имевшего научных степеней, К. Н. Бестужева-Рюмина на труды своих университетских профессоров С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, где содержалась характеристика и «скептической школы». Со свойственной молодости горячностью Бестужев-Рюмин заявлял, что в выступлении «скептиков» он видел «одно из знамений времени», называл Каченовского одним из даровитейших ученых своей эпохи, основные мысли которого могли бы составить славу и гордость любого ученого. Господствовавшее до того в науке карамзинское воззрение он критиковал за ограниченность, за отсутствие понимания различий между эпохами, за невнимание к развитию народной жизни. Как видим, Бестужев-Рюмин развивал дальше положения Соловьева. Но он горячо говорил и о слабостях позиции Каченовского и его учеников, которые «кинулись в другую сторону», обличая не историков, искаживших факты, а подвергли сомнению сами факты, достоверность источников. А сами-то они недостаточно знали исторические источники и факты, поэтому путь их Бестужев-Рюмин называл неверным. Однако, для истории науки

⁵² Там же, с. 402—403

⁵³ Там же.

важны и значительны были не положительные результаты «скептиков», утверждал он, а то, что они своими сомнениями возбудили потребность ближе ознакомиться с источниками, проверить не только сообщаемые ими факты, но и достоверность самих источников; они «подготовили появление здравого взгляда на историю»⁵⁴.

Рядом со «скептической школой», Бестужев-Рюмин рассматривал позиции еще одного критика Карамзина — Н. А. Полевого, «Историю русского народа» которого считал несправедливо забытым сочинением. Несмотря на указываемые автором различия между Каченовским и Полевым, он в то же время подчеркивал их общность: «Оба хотели понять органическое развитие Руси; оба не верили в тождество человека и народа IX и XIX веков; оба понимали, что не только внешность, формы различают людей разных поколений. Этими-то воззрениями сильны они оба; за это-то давно пора отдать полную честь и тому, и другому»⁵⁵. Следовательно, Бестужев-Рюмин соглашался с оппонентами Карамзина, с правомерностью их критики. Таким образом, рассмотренная нами характеристика «скептической школы» отразила тот период в эволюции исторического мировоззрения Бестужева-Рюмина, когда он ближе стоял к позициям либерального лагеря.

Бестужев-Рюмин справедливо отмечал, что ранее говорили о Каченовском только общими местами, и что уже наступило время представить полную оценку его деятельности. Однако тут же сделал оговорку: «Но об этом когда-нибудь после». Но и «после» он не написал специальной работы ни о Каченовском, ни о его школе. Работы не было до 1871 г., когда появился труд В. С. Иконникова «Скептическая школа в русской историографии и ее противники», остающийся до сего времени наиболее крупным исследованием «скептической школы». Само название, данное Иконниковым своему труду, говорит о более широком подходе к теме; если Соловьев писал об одном Каченовском, если Кавелин лишь упоминал о нем попутно, анализируя работы Погодина, а Бестужев-Рюмин хотя и рассматривал проблему несколько шире, но тоже говорил о ней только в связи с рецензированием работ выше названных авторов и лишь пообещал подробнее вернуться к теме, то Иконников ставил перед собой задачу определить место всей «скептической школе» в отечественной историографии.

Так как до Иконникова все еще преобладало негативное отношение к Каченовскому и к его последователям, то ему пришлось отстаивать право на изучение «скептической школы» как историографического явления. Он вынужден был писать, что в

⁵⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории, как науки. — Московское обозрение, 1859, кн. 1, с. 54—55; Он же. Сочинения К. Кавелина. Четыре тома. Москва, 1859. — Отечественные записки, 1860, № 4, с. 76.

⁵⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. Сочинения К. Кавелина..., с. 77.

науке, как и в жизни, бывает пора «приливов и отливов», что «история всех научных теорий, как бы они ни казались иногда, в своих дальнейших результатах, несостоятельными, заслуживает такого же внимания, как любой исторический факт, приводящий к положительному, или отрицательному заключению» и т. п.⁵⁶.

В «скептиках» Иконников справедливо видел предшественников Кавелина и Соловьева. В развитие историографических взглядов последнего он старался развенчать позицию противников данной школы. В частности, он упрекал М. П. Погодина и П. Г. Буткова за их упрощенный подход при выявлении причин возникновения в науке такого явления, как «скептическая школа», говоря, что они воспринимали позицию Каченовского примитивно, как прихоть одного человека, задумавшего пошеголять новизною⁵⁷. Иконников, так же как и Соловьев, видел эти причины в потребностях самой исторической науки. Поэтому он требовал к оценке Каченовского и «скептической школы» в целом подходить с учетом того, что застали они в науке к моменту своего выступления и что внесли в нее своего, нового. С этой точки зрения Иконников анализировал конкретные работы и «скептиков», и близких к ним историков (куда он относил, как и Бестужев-Рюмин, Н. А. Полевого), и труды их противников (Погодина и Буткова). Исторические взгляды Каченовского и его сторонников рассматривал он в эволюции, но трактовал ее несколько односторонне как простую смену влияния Шлёцера влиянием Нибура без учета воздействия отечественной историографии.

Недостатки и слабости «скептической школы» Иконников не скрывал, а наоборот, говорил о них, в отличие от Соловьева. Но в каждом конкретном случае, даже при ошибочном выводе «скептиков», он старался, в противовес им подчеркнуть их достоинства. К примеру, он делал акценты на тех моментах, которые были так или иначе развиваемы и использованы другими исследователями, главным образом из либерально-буржуазного лагеря. Иконников всячески показывал, что усилия Каченовского и его сторонников не пропали даром, что они своими сомнениями заставили серьезно заняться отечественной историей. Важным достоинством «скептической школы» Иконников считал их попытки отыскивать в истории общие законы; заслугу их видел и в требовании критического подхода к источникам, и в стремлении изучать русскую историю в связи со всеобщей.

Признавая отдельные утверждения «скептиков» ошибочными, Иконников в целом положительно оценил их роль и оказан-

⁵⁶ Иконников В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871, с. 97.

⁵⁷ Кстати сказать, значение М. П. Погодина в истории исторической науки Иконников признавал прежде всего в качестве противника «скептиков», так как между ними завязалась борьба, длившаяся 30 лет и в университете и в литературе. См.: Там же, с. 95, 93, 96—97.

ное ими влияние на последующее развитие исторической науки в России. Главную их заслугу он видел именно в оживлении интереса к истории — за Каченовским шла фаланга исследователей, а против него другая — противников; «скептическая школа» вызвала литературное движение, давшее немаловажные научные результаты⁵⁸.

Таким образом, Иконников публикацией специального труда о «скептической школе» (до того остававшейся в тени) не только привлекал к ней внимание, но и стремился доказать ее крупное историографическое значение, которое он несколько переоценил, что было, характерным в современной ему историографической ситуации для историков его направления. Работа Иконникова отразила определенный этап в истории либерально-буржуазного направления, когда оно уже утвердилось в академической науке, а дворянское направление, подпадая под влияние буржуазной историографии, утрачивало свою ведущую роль.

Тринадцать лет спустя, в 1884 г., появилась противоположная трактовка «скептической школы», которая во многом регрессировала к первой ее оценке, вышедшей из стана историков-«охранителей». Речь идет о книге М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Почитатель Н. М. Карамзина, разделявший взгляды позднего славянофильства, Коялович не мог спокойно отнестись к «скептической школе» вообще и к ее главе Каченовскому, в частности. Ему представлялось кощунственным, что эта школа осудила Карамзина за то, что тот «в своей истории был слишком русским и стал будто бы в разлад с европейской наукой»⁵⁹. «Обрусение европейской науки», как он выражался, протекавшее в стенах Московского университета, произвело величайшую путаницу в области русской истории.

Чрезвычайно любопытным представляется уже отмеченное нами стремление Кояловича связать истоки возникновения «скептической школы» с декабристами, а конкретно, — со взглядами Никиты Михайловича Муравьева, что в устах Кояловича звучало осуждением. Общее между «скептиками» и Никитой Муравьевым он видит в их критике карамзинского сочинения. Никита Муравьев, писал Коялович на страницах своей книги, требовал понимания в истории внутренней борьбы и соглашения понятий, желаний народа. И далее идет цитата: «Горе стране, (...) где все согласны! Можно ли ожидать там успехов просвещения? Там спит силы умственные; там не дорожат истиною, которая, подобно славе, приобретается усилиями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода суждениям читателей! Сомнения, изложенные с приличием, могут ли быть оскорбительными?» Это рассуждение декабриста Коялович осуждал как «вопль русского запад-

⁵⁸ Там же, с. 56, 92.

⁵⁹ Коялович М. О. История русского самосознания..., с. 175

ноевропейца». И Коялович продолжал: «Услышали или нет в Москве этот вопль, мы не знаем; но там сейчас же после выхода в свет истории Карамзина стали выполнять программу Муравьева (...). Каченовский в своем „Вестнике Европы” прежде всего напал на патристическое отношение в науке к своему прошедшему и потребовал холодного, безучастного отношения к фактам, каковы бы они ни были, лишь бы восстанавлилась истина»⁶⁰.

Вряд ли есть необходимость говорить, что симпатиями и сочувствием Кояловича пользовались те историки официального направления, кто «очищал» науку от «чужих национальных форм» и «чудовищных извращений». Вместе с тем Коялович все же должен был признать и положительное значение «скептической школы» в истории науки, правда, в несколько своеобразной форме. Он писал: «Но и путаница (имеется в виду «путаница», внесенная «скептической школой». — Р. К.) и выпутывание из нее принесли немалую пользу нашей науке. Тут многие работали с искренним усердием, некоторые обладали и большими дарованиями и большим знанием». Да и сам Каченовский, снисходительно замечал Коялович, хотя и служил высшим задачам ошибочно, но «с нелицемерною искренностью и честностью»⁶¹. Как видим, Коялович, при всей своей антипатии к «скептикам», не мог уже полностью отвергать их значение в истории науки. Таким образом, определенные заслуги «скептической школы» в русской историографии стали признаваться не только либерально настроенными историками.

При построении историографического курса В. О. Ключевский отводил «скептической школе» место непосредственно после разбора трудов Н. М. Карамзина. В целом он положительно оценивал выступления «скептиков» как критиков Карамзина, но, к сожалению, эта часть его курса не сохранилась.

Попутные высказывания Ключевского о «скептической школе» находим лишь в небольшой заметке о формировании исторических взглядов Соловьева, опубликованной лишь в советское время, в 1959 г. в приложении к 7-му тому его сочинений. Из заметки видно, что Ключевский высмеивал слишком преувеличенное недоверие «скептиков» к источникам. Не без иронии он характеризовал сущность школы: «Настоящее слишком плохо, чтобы допустить возможность столько хорошего в прошедшем, значит, все хорошее в прошедшем подделано плохим настоящим». Эту логику Ключевский называл комической, ибо она приводит к заключению, что «хорошее (талант) может подражаться плохим (бездарностью), и эта поддельная бездарность выше, даровитее бездарного подлинника. Но как бездарность может подражать таланту, недоумеваю»⁶². В результате школа Каче-

⁶⁰ Там же, с. 177.

⁶¹ Там же, с. 177, 193, 176, 184.

⁶² Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 7, с. 465.

новского, писал Ключевский, «поселила отвращение» к исторической критике. Поэтому, очевидно, Соловьев предпочитал брать сведения из источников в «нетронutom», «сыром» виде и вносить их в текст своей истории. Здесь Ключевский отметил суть несовершенных источниковедческих приемов «скептиков», в то же время упрекнул и Соловьева в недостаточно критическом подходе к источникам. На основании этой иронической оценки все же нельзя окончательно судить о том, какую роль отводил Ключевский «скептической школе» в истории русской исторической науки. Но, пожалуй, начиная с Ключевского, в историографической литературе можно констатировать наступавшее «успокоение» вокруг «скептической школы» и более научно-объективное отношение к ней.

Ко времени П. Н. Милюкова все более усиливалось сближение дворянской и буржуазной исторической науки, начавшееся еще в годы Первой революционной ситуации. В этом проявлялась обоюдная тенденция русского дворянства и либеральной буржуазии идти на компромисс в целях совместной защиты от нарастающего революционного движения. Эта тенденция сказывалась, в частности, и в подходе Милюкова к «скептической школе». Он объективно был прав, когда призывал пересмотреть оценки, даваемые «скептической школе» в историографической литературе. Пора снять, писал он, «ложное освещение, приданное ученому спору борьбой общественных партий»⁶³. С этой точки зрения Милюков рассматривал взгляды своих предшественников — Соловьева, Иконникова, Кояловича (Бестужева-Рюмина он опускал), и никто из них не удовлетворил строгого автора. Но так ли уж сильно отличается позиция самого Милюкова от оценки историков либерального направления, писавших ранее его? Правда, Милюков, в отличие от них, довольно жестко говорил о несамостоятельности Каченовского при решении некоторых исторических вопросов. Он указывал на «переходный характер», на «промежуточное положение» «скептической школы» в русской историографии, и считал, что «скептическая конструкция русской истории не удалась». Но в конце концов и Милюков признал: «Новые идеи, которые он (Каченевский. — Р. К.) начал пропагандировать в 20-х годах, были действительно новы и значительны для того момента». «Общие идеи скептической школы о закономерности исторического процесса, — продолжал он, — о роли легенд в древнейшей истории, точно так же, как ее понятия о реальной критике, представляли несомненный шаг вперед в развитии русской исторической мысли. Но приложение этих взглядов и приемов к разработке русских источников вышло чересчур неосторожным»⁶⁴. Таким образом, делается очевидным, что Милюков критиковал «скептическую школу» за

⁶³ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 250.

⁶⁴ Там же, с. 230, 241, 253, 251, 245.

те же ошибочные утверждения в отношении истории Древней Руси, что и Иконников, правда, в более резкой форме. Милюков так же достаточно высоко оценил новаторскую для своего времени их трактовку русской истории, подчеркивая, что Каченовским и его учениками была сделана первая самостоятельная попытка критического изучения⁶⁵. И здесь трудно согласиться с утверждением советского историка Н. Л. Рубинштейна о том, что Милюков будто бы игнорировал историческое значение «скептической школы» в историографии⁶⁶. Правильность этого нашего наблюдения подтверждает и обычно не анализируемая в историографической литературе статья Милюкова «Скептическая школа в русской историографии», написанная и опубликованная им в словаре Брокгауза и Ефрона несколько позднее «Главных течений...» — в 1900 г. Уже по названию видно, что целью автора было определение места данной школы в истории отечественной исторической науки. В этой статье уже не говорится о несостоятельности Каченовского, хотя и отмечается слабость подготовки и знания фактического материала со стороны его учеников. Напротив, здесь Милюков писал о значении «скептической школы» «не только в истории науки, но также в истории русской общественности»⁶⁷.

А. С. Лаппо-Данилевский, так же как и В. О. Ключевский, не успел создать законченный историографический труд, и судить об его историографических взглядах можно лишь по разрозненным и разновременным материалам. В литографической записи сохранился его ранний курс по русской истории (1890/91 уч. г.), в состав которого входил раздел «Источниковедение и историография». Это очень сжатый текст с предельно емкими характеристиками. Научную деятельность М. Т. Каченовского Лаппо-Данилевский, так же как его университетский учитель Бестужев-Рюмин и Иконников, рассматривал одновременно с деятельностью Н. А. Полевого. Лаппо-Данилевский тут же противопоставил этих историков. Каченовского он характеризовал как критика, а не как историка-философа, ибо он «обладал скорее аналитическим, чем синтетическим умом», в то время как Полевой «не был критиком», а «стремился построить русскую историю в связи с западно-европейской». На Полевого влиял

⁶⁵ Там же, с. 250—251.

⁶⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 241.

⁶⁷ П. Н. Милюков, например, писал, что высказанная «скептиками» «мысль о необходимости сопоставить русский исторический процесс с западным была очень плодотворна; еще важнее было то, что понятия скептической школы об исторических методах далеко оставили за собой идеи Шлёцера и даже самого Каченовского. Здесь впервые вошли в русскую историческую науку идеи европейского романтизма <...>» и дальше: «Эта новая тогда мысль, — а также характер протеста против националистического возмущения древнейшего периода русской истории, — сообщили [скептической] школе ее значение не только в истории науки, но также в истории русской общественности» (Милюков П. Н. Скептическая школа в русской историографии. — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900, т. 59, с. 196).

более широкий круг западных ученых — Гизо, Тьерри, Гераер, Шлегель, Шеллинг и другие, тогда как Каченовский, писал Лаппо-Данилевский, испытал влияние только Шлегера и Нибура. Лаппо-Данилевский, так же как и Миллюков, чрезмерно преувеличивал влияние западных идей на развитие русской исторической мысли. Отметим еще одно сходство оценок, Лаппо-Данилевского и Миллюкова — оба относили Каченовского к «переходному времени».

Основное внимание Лаппо-Данилевский сосредотачивал на выявлении причинно-следственной связи историографических явлений. Главный его критерий в оценке исторической работы — ее влияние на последующие труды. «Научная деятельность М. Каченовского и Н. Полевого, — говорил он, — в значительной мере возникла как реакция против труда Карамзина, и в свою очередь вызвала протест со стороны М. П. Погодина»⁶⁸. Таким образом, Лаппо-Данилевский воспринимал возникновение «скептической школы» не как нонсенс, а как органическое звено в общей историографической цепи: «скептическая школа» — результат предшествующего развития исторической науки и стимул последующего ее развития. Так в оценке «скептиков» сказался свойственный Лаппо-Данилевскому эволюционизм.

Несколько полнее можно представить отношение Лаппо-Данилевского к «скептической школе» по сохранившемуся плану-проспекту историографического курса начала 1900-х годов. К интересующей нас теме относятся два крупных раздела. В одном из них лектор предполагал анализировать причины, вызвавшие реакцию против концепции Карамзина. Эти причины он совершенно справедливо видел не только в узких, чисто научных потребностях исторической науки того времени, как то объясняли другие рассмотренные нами ученые. Лаппо-Данилевский подходил к проблеме значительно глубже. Он выделял две группы причин — внутреннего и внешнего свойства, причем теперь на первое место он ставил внутренние причины. В указанном плане им записано: «Неблагоприятные условия дальнейшего развития нашей историографии, созданные правительством». И далее он конкретизировал: «а) стеснения по части высшего образования; в) деятельность Ученого комитета;»⁶⁹ с) консервативное направление в русской и иностранной цензуре»⁷⁰. К другой группе причин Лаппо-Данилевский относил влияние западноевропейской исторической науки и влияние германской философии.

В отличие от раннего литографированного курса, где почти не было личных характеристик историков, теперь Лаппо-Дани-

⁶⁸ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 259, л. 60.

⁶⁹ Речь идет об Ученом комитете Министерства народного просвещения, в инструкции которого, между прочим, указывалось: «Ложные учения о происхождении верховной власти не от бога, а от условия между людьми подлежат (...) отвержению».

⁷⁰ Имеются в виду цензурные уставы 1826 (прозванный «чугунным») и 1828 гг.

левский предполагал довольно подробно осветить биографию, общие взгляды, критические приемы, достоинства и недостатки трудов Каченовского. Но в последующие годы, как о том можно судить по его поздним рукописям, он опять отказывался от включения в историографический курс подробных биографических и библиографических данных.

Важно отметить, что только Лаппо-Данилевский связывал со «скептической школой» возникновение интереса к изучению истории самой историографии, которую он начинал именно с 20—30-х годов XIX в., когда споры между «скептиками» и «апологетами» вызвали появление ряда обзоров критической истории⁷¹. Этим Лаппо-Данилевский выявлял новый аспект значения «скептической школы» в истории русской исторической науки.

После работ Лаппо-Данилевского особенно формальной и сухой представляется оценка «скептической школы», данная Д. И. Багалеем в литографированном курсе «Русская историография» (1911). Багалея отмечал, что данная школа явилась «реакцией Карамзинскому направлению». Он приводил краткую биографическую справку о Каченовском с небольшим аннотированным перечнем его статей; говорил об учениках и последователях Каченовского, а также о его противниках; указывал на общие заслуги представителей «скептической школы»: «применение высшей критики и к источникам, и к фактам русской истории»; указание на общие исторические законы, которые они пытались применить к русской истории; «скептики» обратили внимание на значение «событий западной истории для русской истории». Во всем этом Багалея видел влияние Шлёцера, «только Каченовский, — писал он, — пошел дальше его»; отмечал он и влияние нибуровского скептицизма⁷². Все эти черты уже ранее отмечались другими авторами, а Багалея не прибавил к тому ни новых наблюдений, ни новых выводов. Ближе всего он был к позиции В. С. Иконникова и, очевидно, его работа «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» была взята им за основу.

Эволюция оценки «скептической школы» в историографических трудах дореволюционных исследователей отразила общую историю становления и укрепления буржуазно-либерального направления в русской исторической науке. Либеральная трактовка «скептической школы» утверждалась в полемике с официально-охранительной позицией, полностью отвергавшей значение «скептиков». Первые высказывания против этой точки зрения делались весьма осторожно (Кавелин и отчасти Соловьев), затем по мере укрепления позиций нового направления — более уверенно и определенно (Бестужев-Рюмин, Иконников). Со временем эти позиции стали настолько сильны, что, так сказать, рецедив Кояловича выглядел анахронизмом. По мере сглажива-

⁷¹ Подробнее см. Введение к настоящей книге.

⁷² Багалея Д. И. Русская историография, с. 136, 137, 139, 144—145.

ния былых острых разногласий между дворянско-монархическим и буржуазно-либеральными направлениями историографические оценки «скептической школы» теряли свою злободневность. Никто уже не сомневался в ее определенном значении в истории исторической науки, к ошибкам «скептиков» относились академически спокойно — их указывали, но о них уже не спорили. В целом же «скептическая школа», как историографическое явление, не была все же всесторонне проанализирована в дореволюционной историографии. К тому же отдельные тонкие и интересные наблюдения таких крупнейших историков, как Ключевский и Лаппо-Данилевский остались лишь в рукописях.

•

В русской досоветской историографической литературе, где так или иначе затрагивались вопросы истории исторической науки XIX в., в центре внимания находились разногласия между славянофилами и западниками. Социально-экономические процессы, проходившие в России 30—50-х годов XIX в., усиление кризиса крепостничества, развитие новых буржуазных отношений, поднимавшаяся волна освободительного движения ставили на повестку дня вопрос о судьбах России, о перспективах ее дальнейшего развития: идти ли России по «самобытному» пути, или же идти на сближение с Западной Европой. Для подтверждения своей точки зрения оппоненты апеллировали к историческому прошлому, что, естественно, содействовало развитию исторических знаний.

В ходе жарких идейно-политических дискуссий, которые велись в ту пору всюду — в журналах, на университетской кафедре, в салонах, — возникли названия двух полемизирующих группировок, подхваченные и закрепленные впоследствии литературой: славянофилы и западники. Однако по своим философским и политическим позициям и славянофилы и западники представляли собой разновидность умеренного буржуазно-помещичьего либерализма. И те и другие выступали за отмену крепостного права, признавая необходимость преобразования России путем реформ, и те и другие были убежденными противниками революционной борьбы. Это и легло в основу начавшегося вскоре их взаимного сближения в ходе практической деятельности по подготовке реформы 1861 г. Славянофилам и западникам противостало революционно-демократическое направление русской общественной мысли — процесс идейного размежевания либерализма и демократии углублялся.

Историками академической школы, к которой принадлежат наши авторы, развитие революционной исторической мысли не учитывалось, поэтому вся идейная борьба минувшего столетия сводилась ими почти исключительно к спорам между славянофилами и западниками. Однако единства в оценке историографического значения обоих направлений достигнуто не было. Напротив, в данном вопросе наиболее остро скрещивались различ-

ные суждения, что прежде всего зависило от того, к какой из позиций ближе стоял сам автор, и в какое время он жил: был ли он непосредственным участником дискуссий или современником их, или же его воззрения складывались на основании кабинетного изучения материала. Для С. М. Соловьева эти споры были частью личной биографии — он сам разделял одно время славянофильские воззрения: «Я был действительно жаркий славянофил, и только пристальное занятие русскою историею спасло меня от славянофильства и ввело мой патриотизм в должные пределы», — читаем в его «Записках»⁷³. Соловьев, быстро преодолев славянофильские увлечения, стал одним из лидеров так называемой западной партии, выступавшей в те годы против реакционной теории официальной народности и критиковавшей либерально-консервативные позиции славянофилов. Соловьев стал выступать с хлесткой критикой славянофилов; те, в свою очередь, не менее остро отвечали ему. В этой полемике Соловьев обосновывал свои научные позиции, прежде всего принцип истории против теории славянофилов об исконных, неизменных началах «народного духа». По существу все работы Соловьева, начиная с магистерской диссертации («Об отношениях Новгорода к великим князьям Рюрикова дома», 1847) и кончая многотомной «Историей России с древнейших времен», были направлены против славянофильской трактовки русской истории.

Непосредственной критике славянофилов была посвящена и специальная историографическая статья Соловьева «Шлёцер и антиисторическое направление» (1857) и близкие к ней «Исторические письма» (1858). В этих работах автором не употреблялся термин «славянофилы», но это не меняет сути дела. Соловьев анализировал в противопоставлении два взгляда на прошлое России, два направления в исторической науке. Одно из них он называл «историческим», другое — «антиисторическим». Основателем первого направления, куда автор причислил и себя, он считал Шлёцера, указавшего «на закон исторического развития положением, что всё великое в природе начинается с малого» и которому «принадлежит научное введение русского народа в среду европейских исторических народов». Направление Шлёцера, по убеждению Соловьева, «есть начало историческое, начало движения, начало развития, без которого истории нет»⁷⁴. К противоположному, антиисторическому направлению Соловьев относил славянофилов, называя их так в знак протеста против данного ими Шлёцеру и его последователям названия «отрицательное направление». Пользуясь методом сравнительного изучения быта различных народов, Соловьев доказывал ненаучность славянофильских утверждений об особом

⁷³ Соловьев С. М. Записки, с. 103.

⁷⁴ Соловьев С. М. Шлёцер и антиисторическое направление. — Собр. соч. СПб.: Общественная польза, стб. 1580, 1581, 1582, 1600.

происхождении, месте и об особенной роли славянских народов в мировом историческом процессе.

Подробно и обстоятельно Соловьев оспаривал основные положения славянофилов, касающихся проблем русской истории — споры о родовом и общинном быте, о деятельности Земских соборов; особенно резко он расходился со славянофилами в оценке реформ Петра I. Соловьев обвинял славянофилов в плохом знании и плохом понимании истории, а их позицию квалифицировал как позицию застоя, противопоставляя ей идею исторического закономерного развития, идеалистическую теорию исторического прогресса. Ближе знакомый с крупными представителями славянофилов, Соловьев беспощадно критиковал их. А. С. Хомякова он обвинял в способности выдумывать факты, К. С. Аксакова — в чудовищных натяжках, в способности «перевернуть всякое слово и событие в свою пользу», Ю. Ф. Самарина — в недостатке ученого образования. Славянофильский кружок сложился не из мыслителей, писал он, а из мечтателей, поэтов, из дилетантов от науки⁷⁵.

Фактически Соловьев не признавал никаких заслуг славянофилов перед отечественной исторической наукой. Он нескрываемо решал чисто полемические задачи: с одной стороны, разбивал теоретические позиции противников, отнюдь не забывая о выявлении их вклада в историческую науку, а с другой — утверждал свое понимание процесса исторического развития. Таким образом, Соловьев подходил к славянофилам с позиций западника 50-х годов XIX в.

После напряженных лет Первой русской революционной ситуации, в результате которых царь вынужден был пойти на отмену крепостного права в целях предотвращения революционного взрыва, наступила эпоха буржуазных реформ и последовавшего наступления царизма на революционный лагерь. Те процессы, которые были еще недостаточно ясны и определены в 30—40 годы и даже в начале 50-х годов прошлого века, обнаруживались со все большей очевидностью. Вскрывалась классовая сущность русского либерализма и все отчетливее проходило размежевание революционно-демократического и либерально-буржуазного лагерей. (Центр идейной борьбы перемещался теперь сюда). Буржуазное направление в исторической науке оформилось в так называемую «государственную школу», которая утвердилась в ней и стала ведущей.

Наступившая новая полоса развития историографии заставляла историков науки по другому подходить и к решению проблемы взаимосвязи славянофилов и западников.

Эволюция либерального западничества отчетливо отразилась в эклектических воззрениях К. Н. Бестужева-Рюмина. Его историографическая оценка славянофилов и западников, пожалуй, наиболее наглядно выявила противоречия историков-либе-

⁷⁵ Соловьев С. М. Записки, с. 104, 105, 106.

ралов, основная часть которых в условиях буржуазных реформ заметно утрачивала былую оппозиционность и ассимилировалась со своими недавними «антагонистами» из славянофильского лагеря.

Еще работа «Современное состояние русской истории, как науки» (1859 г.) была написана Бестужевым-Рюминым в основном с позиций «западной партии». В ней автор не ставил перед собой задачи дать полный очерк развития русской историографии, включающий обзорные все существовавших в то время исторических мнений. Его цель — «указать на существенные фазы развития науки русской истории с тех пор, как она стала наукой, а главное — проследить ее настоящее направление». Тем важнее делаемый им выбор. Как мы помним, Бестужев-Рюмин считал нужным охарактеризовать и поддержать «скептическую школу», тем самым признав ее определенную роль в истории науки и отдавая ей явное предпочтение перед другими историографическими явлениями, в том числе и перед славянофилами, о которых он в указанной статье не обмолвился ни словом. Бестужев-Рюмин почти отмахнулся тогда и от славянской школы, говоря, что упомянул о ней «только для счета». Главу этой школы, Ю. И. Венелина, он хотя и признавал человеком умным, но находил, что у него воображение преобладало над умом — «отсюда все нелепости этой школы, рано прекратившей свое существование»⁷⁶.

Но эту точку зрения он разделял не так уж долго. Вскоре начался медленный и не сразу ставший явным поворот в его умонастроениях — он постепенно стал приближаться к славянофильской платформе. То, быть может, первыми заметили его недавние друзья западной ориентации, в частности графиня Е. В. Салиас-де Турнемир, урожденная Сухово-Кобылина (сестра известного писателя), в доме которой Бестужев-Рюмин встречался с Т. Н. Грановским, П. Н. Кудрявцевым, М. А. Максимовичем, И. С. Тургеневым и рядом других лиц. О том свидетельствовал историк сам: «Раз показалось ей, что я стал слишком консервативным, и она вознегодовала на меня (это было в 60-х годах); потом мы опять примирились, но встречались редко и редко переписывались»⁷⁷, то есть налицо ослабление личностных контактов по идейным соображениям. Некоторому отходу от западников, видимо, способствовал и тот факт, что в 1859 г. Бестужев-Рюмин покинул Москву. Он переехал в Петербург для работы в редакции журнала «Отечественные записки». В этом издании впоследствии печатались многие его статьи, в том числе и работы «Различные направления в изучении русской народности» (1860) и цикл из трех статей под общим названием

⁷⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории, как науки. — Московское обозрение, 1859, № 1, с. 132, 56.

⁷⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания (до 1860 года). — В кн.: Сб. отд-ния русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1900, т. LXVII, № 4, с. 28.

«Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе» (1862). Как зафиксировано в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, то было «первое по времени обстоятельное и беспристрастное критическое изложение славянофильства»⁷⁸. После остро полемических статей, спокойный тон Бестужева-Рюмина, его неспешное, последовательное изложение основного содержания работ корифеев славянофильства (работа «Славянофильское учение...» объединяет в себе три рецензии на Полные собрания сочинений И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и А. С. Хомякова) производили на читателей того времени благоприятное впечатление. Автор призывал объективно разобраться в позициях славянофилов и считал незаслуженными резкие упреки, раздававшиеся ранее в их адрес. Пора «безотчетных возгласов, — писал он, — толков о мистицизме и об антиисторическом направлении давно прошла»⁷⁹ — за этим скрывается легко угадываемый упрек С. М. Соловьеву. В статье 1860-го года Бестужев-Рюмин старался занять промежуточную позицию и утверждал, что «безусловной правды не было ни на той, ни на другой стороне». Себя же он причислял к спокойным зрителям борьбы, которая благодаря своим крайностям дала возможность возникновения, как он полагал, «много нового направления, равно непричастного увлечениям ни той, ни другой партии»⁸⁰. Здесь заметны первые ростки буржуазного объективизма, который со временем будет исповедовать Бестужев-Рюмин. В 1862 г. он называл славянофильское учение уже одним из самых важных явлений в истории умственного развития России, утверждая, что их стройное учение «еще больше вросло в почву и каждый день находит себе новых и новых союзников», а сами славянофилы «всё более и более уходили вглубь русской жизни, всё ближе и ближе пододвигали к действительности»⁸¹.

В годы написания названных статей Бестужев-Рюмин только начинал подходить к славянофилам и был еще далек от того, чтобы полностью воспринять все их доктрины. Пока он признавал одно — самобытность русской народной жизни, что и стало характерным для правого крыла западничества. Воззрения Бестужева-Рюмина того времени на славянофилов были созвучны общей позиции журнала, членом редакции которого он был. Советский исследователь В. А. Китаев, специально изучавший роль и место «Отечественных записок» в идейной борьбе первых реформенных лет, очень верно отметил: «Не удовлетворяясь ни

⁷⁸ Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1891, т. III-А, с. 622.

⁷⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. — Отечественные записки, 1862, № 2, с. 683.

⁸⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. Различные направления в изучении русской народности. — Там же, 1860, № 3, с. 29, 33.

⁸¹ Бестужев-Рюмин К. Н. Славянофильское учение... — Там же, 1862, № 3, с. 26; № 2, с. 679, 682.

национально-политическим нигилизмом западников, ни славянофильскими идеалами, „Отечественные записки” были в то же время очень далеки от единственно возможного в 60-х годах реалистического и прогрессивного подхода к решению проблемы народности — выделения в ней прежде всего социального содержания. Либеральный журнал, естественно, не мог отважиться на переход от попыток объяснения, что такое народ, к требованию его действительного социального освобождения и предпочитал оставаться на классово нейтральной, как казалось, ни к чему не обязывающей почве этнографизма»⁸². Подобная позиция как нельзя более устраивала Бестужева-Рюмина, ее он и проводил на страницах названного журнала, да и в других работах тоже.

Бестужев-Рюмин ратовал за народность, однако выступал в начале 60-х годов XIX в. против ее славянофильской идеализации: «Нечего искать в ней любви, смирения и т. п. качеств», «мы знаем, что в русском народе нет того глубокого смирения, которое видели славянофилы»⁸³. Выступал он и против славянофильской трактовки русских начал; он стоял за более реалистический, как он выражался, непредвзятый подход к решению проблемы народности. Резко тогда критиковал он и религиозно-философские концепции славянофилов. «Православие, как религия заимствованная, — писал он, — не может служить отличительным признаком народа»⁸⁴. В славянофильском построении Бестужев-Рюмин видел многие стороны, «далеко неудовлетворяющие мыслящего человека нашего времени»⁸⁵. К таким заблуждениям славянофилов наряду с их трактовкой православия как основы народности он относил положение о чисто нравственном значении общества, о «любовном», нравственном союзе между государством и обществом, о единовластии»⁸⁶.

В 1863 г. Бестужев-Рюмин выступил в газете «Санкт-Петербургские ведомости» со статьей «Русская история в связи с историей других славянских народов», где высказал, по суще-

⁸² *Китаев В. А.* «Отечественные записки» в идейной борьбе начала 60-х годов XIX в. — В кн.: «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978, с. 161.

⁸³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Различные направления... — Отечественные записки, 1860, № 3, с. 33, 35.

⁸⁴ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Славянофильское учение... — Там же, 1862, № 2, с. 684—685. Ср.: «Новейшая наука до очевидности доказала нам, что если христианство легко принялось на русской земле, если оно не встретило сильного, открытого сопротивления, то оно чрезвычайно мало укоренилось в нравах и понятиях. Даже без подробных исследований можно было аргюи понять всю странность подобной мысли: разве есть необразованный народ в мире, который отрекся бы от своих мифических поверий... Самые христианские понятия и представления в жизни такого народа получают непременно полужызыческий оттенок» (*Бестужев-Рюмин К. Н.* Различные направления..., с. 30—31).

⁸⁵ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Славянофильское учение... — Там же, 1862, № 2, с. 682—683.

⁸⁶ Там же, № 5, с. 23.

ских народов, без которой непонятна русская история. Вместе с тем отдаление от западников делалось все существеннее, а позиции славянофилов делались ему все ближе. В его личной биографии немало тому способствовали знакомство и дружеские отношения со славянофилами, в частности с А. Ф. Гильфердингом. Бестужев-Рюмин сам становится видным деятелем славянского движения: он вступил в Славянский благотворительный комитет (1868), входил в состав издательской комиссии и стал товарищем председателя (1877—1878), а затем и председателем Славянского общества (1880—1882), редактировал «Известия» Общества.

Таким образом, в 70-е годы Бестужев-Рюмин значительно отошел от былого западничества, приближался к славянофилам и отдавал дань теории Н. Я. Данилевского о прогрессе, как смене культурно-исторических типов. Теперь Бестужев-Рюмин не оспаривал больше религиозные положения первых славянофилов: «Я не вдруг пришел к этому заключению. Как человеку, воспитанному по-европейски, мне долго приходилось бороться с собою, пока я убедился, что основа нашей истории — в православии», — заявил он в речи, произнесенной в связи с 15-летием Петербургского Славянского благотворительного общества⁸⁷. Но все же «чистым» славянофилом Бестужев-Рюмин так и не стал.

В историографических лекциях 80-х годов XIX в. Бестужев-Рюмин занялся проблемой выяснения предпосылок и причин возникновения славянофильского направления. Он доказывал, что славянофильство возникло как реакция на общую прозападническую обстановку, обрисовывая которую он сильно сгущал краски. Появление в стране национального направления Бестужев-Рюмин называл чудом, так как образование в России, утверждал он, всегда было наносным: то византийским, то польско-немецким, то французским. Говоря так, он тем самым предвосхищал П. Н. Милюкова, всегда безмерно преувеличивавшего факт западно-европейского влияния. Но в данном конкретном случае даже Милюков оказался мягче Бестужева-Рюмина, ибо признавал существование и русской национальной исторической теории⁸⁸.

В русском обществе, продолжал Бестужев-Рюмин, отсутствовала идея народности и не было сознательного отношения к прошлому, не было в нем и сознательного понимания «главных свойств своей страны» и понимания различий между Россией и

⁸⁷ Первые 15 лет существования С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1883, с. 475.

⁸⁸ Напомним одно из мест книги П. Н. Милюкова: «Наша средневековая философия истории есть, несомненно, заимствованная — польская. Образование последней начинается еще с XIII века, с Кадлубка, а в XVI веке ее результаты употребляются уже для создания русской национальной исторической теории» (Милюков П. Н. Главные течения..., с. 4).

Европой; не было сознательного отношения и к религии. В следствие указанных причин в конце XVIII — начале XIX в. русское общество, по Бестужеву-Рюмину, достигло полной денационализации. «Результаты европейского воспитания, — читаем в его лекциях по историографии, — сказались для правительства в заговоре 25 декабря». И он связывает в единую цепь историографические событий восстание декабристов с возникновением теории официальной народности: неподготовленный к правлению Николай, вступив на престол «при взрыве военного восстания», понял необходимость стать на национальную почву. Национальность стали отыскивать «сверху так, чтобы общество в этом не участвовало». Была найдена знаменитая формула — «общество относилось к ней недоверчиво уже потому, что она была официальной»⁸⁹, и им овладело равнодушие. Вполне можно согласиться с приведенной мотивировкой причин, заставивших правительство Николая I подыскивать «философскую» основу для обоснования своей внутренней политики. В противовес официальной точке зрения, продолжает Бестужев-Рюмин, усилилась позиция сторонников западной партии. То было время преобладания западничества и в университетах: «кафедры занимались людьми европейского направления». В работах 90-х годов Бестужев-Рюмин также утверждал, что западничество тогда принижало все национальное⁹⁰. В конце концов началась ответная реакция — явилось славянофильское направление.

Возникновению славянофильства, кроме того, способствовало, писал Бестужев-Рюмин, с одной стороны, развитие славизма, а с другой — немецкая философия. Мы не забыли, что в работе «Современное состояние русской истории как науки» он отводил славянской школе более чем скромную роль — упоминал о ней лишь «для счета». Теперь он значительно подробнее останавливается на Ю. И. Венелине, которого считает еще не достаточно оцененным и констатирует его роль в развитии исторической науки. В противоположность собственному быломu тезису о том, что славянская школа рано прекратила свое существование, теперь он видит и называет три поколения славистов, щедащих за Венелиным. Представители первого поколения славистов — О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский и В. И. Григорович — «держались только идеального славизма», не становясь при этом славянофилами. Ко второму поколению профессор относил А. Ф. Гильфердинга, А. А. Котляревского, А. А. Майкова, Е. П. Новикова, В. И. Ламанского. Они, в отличие от старшего поколения, «посмотрели на славизм с политической стороны» и сами были «уже более или менее славянофилы»⁹¹. О третьем поколении автор упомянул глухо.

⁸⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по историографии..., с. 180, 181, 182, 183.

⁹⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. А. Ф. Гильфердинг. — Славянское обозрение, 1892, т. 3, кн. 9, с. 6.

⁹¹ Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по историографии..., с. 100, 185, 198.

Так, же, как в статьях «Славянофильское учение...», Бестужев-Рюмин в лекциях по историографии останавливался на портретных характеристиках братьев И. В. и П. В. Киреевских, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, присоединив к ним Ю. Ф. Самарина. Несколько слов сказал он о И. Д. Беляеве и В. Н. Лешкове. Мы не будем подробно останавливаться на пересказе этих характеристик. Скажем лишь, что первых славянофилов он называл «настоящими», поскольку они внесли в изучение русской истории несколько новых идей.

Разбирая полемику между славянофилами и С. М. Соловьевым, Бестужев-Рюмин уже не упрекал последнего, а во многом солидаризировался с ним, справедливо подчеркивая, что для Соловьева важно было установить общий ход истории, что он стоял на исторической почве, тогда как славянофилы не стояли на ней, и потому Соловьев в полемике с ними написал известную статью «Шлёцер и антиисторическое направление». Как видим, здесь уже нет и намека на упрек в адрес Соловьева. Вместе с тем Бестужев-Рюмин считал, что Соловьев стоял ближе всех к славянофилам и что примирение между ними было возможно — «нужно было только сойти с идеальных высот»⁹².

Говоря о последнем тридцатилетии (т. е. о 50-х — начале 80-х годов XIX в.), Бестужев-Рюмин отмечал, что в исторической науке «продолжают существовать споры и противодействие между двумя крайними воззрениями — государственными, выходящими из родового быта, — и славянофильством»⁹³. Он противопоставлял здесь славянофилам не расплывчатое понятие «западников» вообще, а представителей государственной школы — это было известным шагом вперед. Но развитие революционно-демократической мысли им игнорировалось. В целом менявшаяся оценка славянофилов Бестужевым-Рюминым запечатлела общий процесс расслоения внутри либерального лагеря в условиях пореформенной России, процесс сближения между правыми западниками и славянофилами.

Работы В. С. Иконникова возвращают нас к концу 60-х — началу 80-х годов XIX в. Об интересующем нас сейчас моменте в истории русской исторической науки середины XIX в. историографических печатных работ у него не было, за исключением небольшой ранней лекции «Общий взгляд на развитие науки русской истории» (1868). Но не следует упускать из вида его монографию «Максим Грек и его время», направленную против славянофилов, где он утверждал, что их учение есть не что иное, как повторение, «при менее извинительных условиях, проповеди полной отрешенности России от всего западного, ведущейся „под видом спасения душ“» Максимом Греком или авторами Домостроя и Стоглава⁹⁴. О взглядах Иконникова можно судить и по

⁹² Там же, с. 208—209.

⁹³ Там же, с. 213.

⁹⁴ Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1865, вып. 1, с. 196.

ряду его программ по историографии за 1868—1879 гг., и по рукописным «Запискам по историографии» его жены А. Л. Иконниковой. Историографические воззрения обоих Иконниковых были в основе своей едины, но все же не полностью идентичны. Надо сказать, что в ряде характеристик Иконникова была более категорична и определена, поэтому в ее изложении отчетливее и полнее выразилась их совместная позиция. Если «сравнить тексты указанной статьи Иконникова и «Записок по историографии» Иконниковой, то можно заметить при большой общности взглядов и отдельные расхождения. Так, Иконников констатирует много искусственности в положениях славянофилов, а автор «Записок» этот упрек адресует сторонникам теории юридической школы и упрекает Соловьева в догматизме его приемов⁹⁵. Однако на основании этих и других различий не следует преувеличивать степень их расхождений, так как нельзя забывать, что статья Иконникова была опубликована в 1868 г., а «Записки» Иконниковой писались в 1879—1880 гг. и, возможно, отразили изменившиеся к тому времени некоторые оценки Иконникова.

В историографических работах В. С. и А. Л. Иконниковы рассматривали не общественные течения вообще, а конкретные направления в исторической науке. Видимо, такое ограничение позволило им избежать применения расплывчатого термина «западничество» или «западники». В исторической науке оба автора противопоставляли славянофилам государственную школу (называя ее, как то было принято в буржуазной науке, историко-юридической школой).

Без полемической запальчивости, спокойно освещали Иконниковы характерные черты той и другой стороны, у обеих стараясь выявить и достоинства, и недостатки. Начинали они с рассмотрения позиций историко-юридической школы. Иконниковы показывали распространение влияния этой теории в странах Европы и в России, где первыми представителями нового направления называли И.-Ф.-Г. Эверса, потом С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. Ф. Тюриня, Дмитриева, А. С. Павлова. Наиболее подробно Иконникова останавливалась на трудах первых трех историков. Ей удалось уловить суть данной школы: последователи этой теории, показывающие зависимость юриспруденции от исторических условий и народного духа, писала она, «строго держались консервативных начал и стояли за постепенность общественного развития, враждебную всяким потрясениям»⁹⁶. За этим справедливым замечанием, однако, не последовало рассмотрения позиций революционной исторической мысли, взгляды представителей которой так и остались незамеченными.

Довольно подробно рассматривается в «Записках» славянофильское учение в целом и взгляды основных представителей

⁹⁵ Центральная научная библиотека АН УССР, ф. 46, д. 625, с. 138—139.

⁹⁶ Там же, с. 105—106.

старшего поколения — И. В. Киреевского, А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. В славянофильских теориях автор видела известную неопределенность и неясность, подчеркивала и их общность с некоторыми западноевропейскими учениями, несмотря на всю претензию славянофилов построить науку исключительно на русских национальных основах. «Они и сами, того не подозревая, — писала Иконникова, — шли тем же путем, как и защитники чистоты германской общины и культуры»⁹⁷. Вместе с тем В. С. и А. Л. Иконниковы указывали на связь славянофилов с воззрениями Карамзина и некоторыми положениями Погодина, но не отождествляли их.

Освещая достоинства и недостатки обеих исторических теорий, Иконникова подчеркивала славянофильский отпор государственной школе и, главным образом, отмечала их реакцию на труды Соловьева. Именно выход 1-го тома «Истории России с древнейших времен» дал К. С. Аксакову «возможность высказать свой взгляд на ход русской истории», а целый ряд статей (П. А. Бессонова, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова и других) был написан «как опровержение статьи Соловьева „Шлёцер и антиисторическая школа”». Основное достоинство славянофилов Иконникова видела в их указаниях на слабости Соловьева — на «преобладание государственного элемента в ущерб изображения общественной жизни и народной истории. В этом, собственно, и состоит главная заслуга славянофилов. Они ощущали отсутствие главного фактора истории — общества и постоянно указывали на необходимость введения его в историю»⁹⁸.

В целом Иконниковы дали более объективную историографическую оценку спорящим сторонам. Poleмичность проблемы вновь придал труд М. О. Кояловича.

Под пером Кояловича, отстаивавшего позднее славянофильские убеждения, возникла открыто тенденциозная оценка вклада славянофилов и западников в изучение отечественной истории. Этой теме отведены в его книге две специальные главы («Западники» и «Так называемые славянофилы»).

Истоки славянофильского учения Коялович видел в татищевской, болтинской и особенно в карамзинской теории о русском самодержавии. Возникновение славянофилов и западников Коялович непосредственно связывал с последствиями полемики между «скептической школой» (во главе с Каченовским) и ее противниками (во главе с Погодиным), хотя последователи того и другого историков, отмечал Коялович, уходили от своих вождей очень далеко и «нередко забывали их, и даже чуждались». Коялович верно заметил, что с этого времени в исторической науке все более явственно проявлялись различные направления, что «работникам по русской истории невозможно уже было (...) выступать с неопределенным знаменем», что окраска этих

⁹⁷ Там же, с. 134—135.

⁹⁸ Там же с. 133, 137, 138—139.

знамен «яснее и яснее обозначалась, и чем дальше, тем больше разделяла и ученых по русской истории и вообще членов русского общества на так называемых славянофилов и западников»⁹⁹.

Но Коялович излишне упрощенно противопоставлял западникам славянофилов, наивно утверждая, что если историк описывал отрицательные стороны в русской истории, то он — западник, ибо цель западников, по Кояловичу, изображать только изнанку лучших исторических дел, изучать ненормальные явления русской исторической жизни. Если же тот же историк отмечал положительные черты, то это воспринималось Кояловичем как влияние славянофилов, как переход данного историка на позиции последних, так как славянофилы разрабатывали положительные стороны русской жизни.

Те упреки, которыми в свое время Соловьев осыпал славянофилов, Коялович переадресовал западникам. Он упрекал их в том, что ими «факты не собираются, а выбираются; и не объединяются, а насильно подгоняются под начала, наперед составленные, взятые готовыми у чужих людей». В противоположность тому же Соловьеву, упрекавшему славянофилов в незнании и в непонимании русской истории, Коялович находил, что западники были мало сведущими в литературе русской истории и были бессильны создать что-либо «цельное, положительное». Заслуги западников Коялович признавал только в области критики и полемики. В данном случае Коялович, видимо, исключал из рядов западников многотомный труд Соловьева, который он очень ценил. Он находил, что Соловьев «чем дальше, тем больше входил в область чисто русских воззрений и очищал себя от иноземных взглядов». Коялович возводил заслуги историков-славянофилов, полагая, что они «выставили поклонникам Запада высший идеал человеческих обществ». Но и он все же вынужден был признать невозможность в то время написать русскую историю по славянофильским началам, что такое сочинение может появиться лишь в «особые эпохи», что справиться с созданием такого труда «весьма нелегко» и, возможно, появление его «весьма не скоро»¹⁰⁰.

Признавая «русский субъективизм» славянофилов лучшим и в народном, и в научном смысле, и даже «в смысле возможно правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации»¹⁰¹, Коялович почетное место в книге отводил славянофилам. Не будем перечислять все основные положения учения славянофилов, изложенные Кояловичем — книга его давно издана и хорошо известна исследователям. Скажем только, что Коялович отразил все или почти все стороны этого учения, всецело разделяя их. Более того, Коялович до такой степени преувеличивал заслуги славянофилов, что они уже в его книге приобретают

⁹⁹ Коялович М. О. История русского самосознания..., с. 239—240.

¹⁰⁰ Там же, с. XLIV, 352, 250, 260.

¹⁰¹ Там же, с. XLV.

противоположный замыслу автора смысл: обнажают слабости славянофильской концепции русской истории. Отчетливо отразил Коялович и страх славянофилов перед революцией.

Несмотря на свой крайний субъективизм, выразившийся в явном преувеличении заслуг славянофилов и в умалении заслуг западников, Коялович вместе с тем видел и общие черты западников и славянофилов, хотя и трактовал это явление односторонне — только как победу славянофилов, как вынужденные уступки им со стороны западников:

Тем не менее Коялович подчеркнул некоторые важные историографические моменты. Он заметил элементы эволюции обоих направлений и, что особенно важно, обратил внимание на внутренние противоречия западничества, что на том уровне развития науки увидеть было нелегко. Он указал на то, что лагерь западников не был единым, что там происходило размежевание: Герцен ушел «в среду революционеров»; это была та «крайность» от которой «громадное большинство западников отшатывалось»¹⁰². Конечно, было бы большим преувеличением утверждать, что Коялович изучал процесс размежевания буржуазного либерализма и революционного демократизма (к которому он относился враждебно). Но даже такое указание на дифференциацию западничества и на революционность Герцена было редчайшим случаем в историографических сочинениях дореволюционной России.

В. О. Ключевский в еще большей степени, чем другие авторы работ по историографии, придавал исключительно важное значение в истории науки славянофилам и западникам. Он считал, что их разногласия определили собой почти все дальнейшее развитие русской историографии, так как споры, возникшие вокруг них, были самыми сильными столкновениями в исторической науке России в течение всего XIX и даже начала XX в. Ключевский неправоммерно широко оперировал понятиями «славянофилы» и «западники». Он стремился доказать, что эти два направления возникли не в первых десятилетиях XIX в., когда отчетливо стал ощущаться кризис крепостнической России, а задолго до этого времени — в XVIII в. (напомним, что одно из течений в «Екатерининский период» он так и называл — «скептицизм западников») и даже в XVII в., называя И. А. Хворостинина «прадедом русского западничества». Оба направления, считал он обозначились во 2-й половине XVII в.; «Они родились в головах людей (...), переживших Смуту»¹⁰³. Со временем такая трактовка довольно широко бытовала в исторической литературе — ее можно найти и в трудах Г. В. Плеханова, который также первыми западниками называл И. А. Хворостинина, В. А. Ордин-Нащокина, Г. К. Котошихина и других, и, как показывает советский исследователь славянофильства Е. А. Дудзин-

¹⁰² Там же, с. 240.

¹⁰³ Ключевский В. О. Соч. М., 1957, т. 3, с. 260—262.

ская, до сих пор встречается в трудах некоторых зарубежных и советских историков¹⁰⁴.

И к западникам и к славянофилам Ключевский относился критически, хотя и признавал их важную роль в развитии отечественной историографии. Это лучше всего видно из его историко-литературных набросков, в которых он с юмором воспроизводил их воображаемые диалоги и переписку: «Сл[авянофильство] и зап[адниче]ство — две попытки изучить светила неб[есные] в микроскоп. Обе головы свихнуты — одна направо, другая налево, но ни та, ни другая не смотрят прямо»¹⁰⁵.

В историографическом курсе Ключевский сравнительно большее внимание уделил истории западничества в связи с рассмотрением всегда интересовавшей его проблемы западного влияния, тогда как его коллеги в большинстве случаев сравнительно большее внимание уделяли славянофилам. Кн. Хворостинина Ключевский назвал прадедом русского западничества и «неясным силуэтом» того типа, который с тех пор будет постоянно жить в русском обществе. Но выступать он будет в разных видах: «Во второй половине XVII в. в виде *латиниста* приверженца польско-латинской школы, во второй половине XVIII века в виде *вольтерианца*, туманного и нетерпеливого поклонника западно-европейских политических форм, в 30—40-х годах текущего столетия (т. е. XIX в. — *Р. К.*) под собственным званием западника, восторженного и ученого почитателя зап[адно]-европейской мысли и науки, преимущественно шеллингианской и потом гегелианской философии, наконец, в виде современного *интеллигента*, осторожного и даже боязливого, а потому неясного в речах приверженца всевозможных течений западно-европейской мысли и жизни»¹⁰⁶. Общей чертой всех этих разновидностей западника Ключевский считал их «осознание» отсталости Отечества и превосходства Запада. Западник стремился либо перебраться в чужой мир, либо этот мир с его политическими и другими удобствами перенести на родину; либо «личная эмиграция», либо «народная имитация». Первый путь, писал Ключевский, противоречит нравственному долгу. «Но это вопрос политической морали, а не историографии».

¹⁰⁴ Е. А. Дудзинская пишет, что понятие «славянофильство» толкуется отдельными авторами в расширительном смысле: «Одни авторы называют славянофилами всех деятелей славянского Возрождения; другие — ученых-славистов; третьи — людей, в той или иной мере интересующихся славянством, т. е. «славянолюбов»; четвертые — видят начало русского славянофильства чуть ли не в XVII в. и ведут до Первой мировой войны, а некоторые даже до современной эпохи» (Дудзинская Е. А. Русские славянофилы и зарубежное славянство. — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 263).

¹⁰⁵ НА ИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, д. 179, л. 3 об.

¹⁰⁶ Зимин А. А., Киреева Р. А. Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии). — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1972. М., 1973, с. 324.

Второй путь имеет близкое отношение к историографии. Здесь вопрос ставится так: оставаться нам русскими или стать европейцами? Но и над вторым вариантом Ключевский откровенно насмехался и называл его добродушным историческим недоразумением, которое вытекало, по его мнению, из невнимания к законам исторического процесса. Самую постановку подобного вопроса Ключевский считал несвоевременной ни для XVII в., ни для XIX в. так же, как несвоеременно молодому человеку в 20 лет решать задачу, какой ему лучше иметь голос — бас или тенор. «Тенор будет петь тенором, даже если бы было доказано, что для него было культурнее петь басом»¹⁰⁷.

Конфликт между славянофилами и западниками Ключевский сводил только к различной оценке западно-европейского влияния. Проследившая историю западного влияния с XVII в., Ключевский пытался доказать, что его испытывали лишь высшие классы и вглубь общества оно не проникало. Все выступления против западно-европейского влияния Ключевский считал лишёнными активного, «дейтельного характера». «Это больше ученая академическая полемика, чем практическая борьба, больше трактаты об национальной самобытности, чем попытки самобытной деятельности»¹⁰⁸.

В западном влиянии усматривал Ключевский и определенную пользу, видя в нем возможную защиту от общественных потрясений, т. е. то, что больше всего пугало его. Россия, не переживая революционных потрясений Запада, могла, по мнению Ключевского, использовать готовые результаты не только в «житейских удобствах», но и в «исторической опытности». Однако происходившие до сих пор заимствования, оказывается, происходили, по мнению Ключевского, не совсем правильно, а надлежит учиться правильно заимствовать и воспринимать западное влияние. Избежать его уже невозможно: оно «не свет, от которого можно укрыться, это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая. Но и в воздухе не все здорово, и им надо уметь дышать, наблюдать его химический состав и температуру»¹⁰⁹.

Тезис о восприятии «полезной» и спасающей от переворотов «исторической опытности» Запада сводился в конце концов к доказательству невозможности революции в России и к необходимости создания в России условий, выгодных для буржуазного развития. Таким образом, проблема славянофилов и западников становилась для Ключевского острополитической проблемой конца XIX—начала XX в.

Обострение борьбы между славянофилами и западниками Ключевский относил к 30—40-м годам XIX в. Характеризуя последующий период русской историографии, он верно указывал на смыкание обоих направлений: «Былые богатырские битвы

¹⁰⁷ Там же, с. 325.

¹⁰⁸ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 1.

¹⁰⁹ Там же

западников со славянофилами затихли <...> Постепенно растворяясь новыми влияниями и взаимными уступками, оба направления сближались и привыкали друг к другу, теряли сектантскую исключительность и, ассимилируясь, жизненной частью своего состава входили в общее сознание, даже становились общим местом <...>»¹¹⁰. Но Ключевский не давал ответа на вопрос, почему их борьба обострялась, а потом затухала, что повлияло на взгляды сторонников ранее враждовавших направлений, отчего происходило их сближение. Не видя всей сложной, многогранной идейной борьбы, не обращая внимания на формирование революционно-демократического лагеря, Ключевский и не мог объяснить причины начавшегося в годы Первой революционной ситуации 1859—1861 гг. сближения дворянских и буржуазных историков. По существу он не признавал революционную деятельность Герцена и Белинского, ставя их в один ряд с Грановским и называя их «негодующими людьми» и сожалея об отсутствии «угрожающих людей», в результате чего «постыдное царствование имп. Николая I благополучно кончилось севастопольским поражением и Парижским миром»¹¹¹.

Книга П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» заканчивается на том периоде в развитии исторической науки, когда стали возникать столкновения между славянофилами и западниками. Но автор вплотную уже подходил к этой теме. Повествуя о развитии исторической мысли в России в первые десятилетия XIX в., он сосредоточивал внимание на проблеме влияния западно-европейских философских идей и указывал, что учения Шеллинга и Гегеля легли в основу концепции славянофилов. Милюков считал, что проблема всемирно-исторической роли православной идеи и вопрос о закономерном развитии этой идеи в истории русского народа была основной задачей, поставленной «шеллингистской философией истории на решение славянофилов. Нам предстоит, — писал он, — рассмотреть теперь, как и при каких обстоятельствах они ее разрешали»¹¹². Однако этой фразой закончился первый том «Главных течений...», а второго не последовало. Тем не менее в некоторых разновременных историографических статьях находим милюковскую разработку этой темы. Первый раз он затронул этот вопрос в пробной лекции, которой начинал свою преподавательскую деятельность в Московском университете. Спустя год, в 1886 г., лекция была опубликована в журнале «Русская мысль» под названием «Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич)».

Важно подчеркнуть, что уже в этой ранней работе Милюков обратил внимание не столько на различия между славянофилами и западниками, сколько на их общность. Это наблюдение бы-

¹¹⁰ Там же, п. 12, д. 2.

¹¹¹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 298.

¹¹² Милюков П. Н. Главные течения..., с. 342.

ло ново, по сравнению с мнениями его коллег, рассмотренных нами выше. Несмотря на то, что та и другая стороны чистосердечно считали себя непримиримыми врагами, «на деле это были — писал Милюков, — две разные формулы одного и того же историко-философского мировоззрения». И в более поздних работах он также подчеркивал сходные черты противников. Он находил, что идеи обеих сторон «стояли высоко над материалами, над действительностью в русской истории, не только не объясняя ее, но даже и не соприкасаясь с ней». И вот этим-то идеям автор противопоставлял представителей юридической школы, которые «чувствуют потребность понять историю, как развивающийся процесс, даже не только в том, что этот процесс все они строят на смене политико-юридических форм; мало всего этого: самые схемы, в которых они выражают смену этих форм, в сущности, есть одна и та же схема»¹¹³. И к этой-то схеме переходил Милюков. Он как бы выносил юридическую школу за скобки, тем самым у него образовывалось противопоставление юридической школы не только славянофилам, но и западникам, частью которых в исторической науке и была государственная школа.

Внутри юридической школы Милюков противопоставлял Соловьева трем историкам-юристам — Б. Н. Чичерину, К. Д. Кавелину и В. И. Сергеевичу. Схема Соловьева, разъяснял он, считалась с внешней обстановкой исторического процесса, а схемы названных юристов постепенно устраняли этот элемент среды, конкретно исторический процесс у них все больше сводился к отвлеченным юридическим формулам. Поэтому Милюков, как и Иконников, находил некоторые критические замечания славянофилов в адрес юридической школы справедливыми, в частности, их упреки в том, что новое направление изучает одни формы, что «за формами не видать „духу“ у этих историков». Главную заслугу юридической школы он видел в том, что она навсегда избавила историков от науки Погодина, «этого верного стража науки от всяческих теорий», и от философии славянофильства¹¹⁴.

К вопросу о славянофилах и западниках Милюков вернулся через 14 лет, и на этот раз более обстоятельно рассмотрел его, особенно историю славянофильства. Речь идет о двух статьях, опубликованных в 1900 г. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона («Славянофильство», и «Источники русской истории и русская историография»). В первой статье славянофилы рассматривались как направление русской общественной мысли XIX в. вообще, а не в плане исследования их значения в истории исторической науки. Вторая же часть другой статьи, как то видно из названия ее, посвящалась историографическим сю-

¹¹³ Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии. — Русская мысль, 1886, кн. IV, с. 82, 83.

¹¹⁴ Там же, с. 92.

жетам, внутри которых данная тема рассматривалась как одно из явлений в истории русской исторической науки.

Подход Милюкова к проблеме заметно усложнился и стал более многогранным. Славянофилов и западников Милюков рассматривал как общественные группы, которые к 1844 г. окончательно размежевались и «стояли друг против друга, как два враждебные лагеря»¹¹⁵. Возникновение славянофилов в России он объяснял и западным влиянием и состоянием русской исторической науки после «Истории государства Российского» Карамзина. Молодое поколение 20-х годов XIX в. осуждало работу Карамзина, писал Милюков, как «не критическую» и «не философскую». В результате был предпринят ряд попыток создать исторические построения, среди которых славянофильскую позицию он считал наиболее значительной.

Милюков указывал на три элемента, составляющих суть славянофильства: теория «национальной самобытности», которая была сформулирована при помощи восточных мистиков и философских систем Шеллинга и Гегеля; националистический протест против заимствований с Запада; и панславизм. К учению славянофильства Милюков подходил не как к статичному явлению, а как к изменяющемуся процессу. В истории его развития он четко выделял три периода. Первый, названный им подготовительным, он начинал с 20-х годов XIX в. и доводил до середины 40-х годов. На этом этапе старшие славянофилы (А. С. Хомяков, Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский и А. И. Кошелев) вели совместную теоретическую работу. Этот кружок, подчеркивал Милюков, держался обособленно, не допуская в свою среду «несоответствовавших им по уму, по социальному или образовательному цензу», безусловно чуждался «политического общественного направления тогдашней молодежи» и тотчас после 14 декабря закрыл свое «Общество любсмудрия», тем самым автор обратил внимание на определенную политическую окраску и классовую кастовость названного кружка.

Второй период — с середины 40-х и 50-е годы XIX в. он назвал временем расцвета, в течение которого произошло соединение националистического настроения с шеллингианской теорией и восточным мистицизмом, т. е. соединение двух указанных Милюковым элементов славянофильства. Но к концу периода, замечает автор, направление стало переживать себя, что и привело к третьему периоду — к периоду разложения. Выделение Милюковым этого последнего периода важно подчеркнуть, так как кроме него в историографических трудах об этом никто не писал.

Итак, к концу 50-х годов XIX в. славянофильское направление начало переживать себя и в теоретическом и в практическом отношениях. Попытки обновить славянофильскую теорию на новом теоретическом фундаменте Милюков называл безус-

¹¹⁵ Милюков П. Н. Славянофильство. — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900, т. 59, с. 308.

пешными. К. Н. Леонтьев, утверждал он, довел теорию славянофильства до крайних пределов национализма, от которых отшатнулись бы старшие славянофилы. В его теории «охранение русской самобытности» становилось само по себе целью. Дальше этого, очевидно, идти было нельзя; но и вернуться к старой славянофильской теории, после того как ее иллюзии были разоблачены и ее философский фундамент разрушен ее собственными последователями, тоже было неудобно. В этом смысле <...> развитие славянофильской теории ее эпигонами было вместе и ее разложением»¹¹⁶.

Освещая историю славянофильства, Милюков сделал ряд ценных наблюдений: отмечал влияние, оказанное на славянофилов революцией 1848 г.; обратил внимание на то, что славянофилы были противниками революции в России, которую трактовали как антихристианское движение; указывал на близость славянофилов к представителям официальной народности и вместе с тем протестовал против смещения Ап. Григорьевым «старших славянофилов» с погодинским кружком. Но в отношении западников Милюков не высказался столь основательно и определенно. Из его отдельных замечаний не заметно, чтобы он обращал внимание на отмежевание от них революционных демократов, хотя бы в тех пределах, как то делал Коялович.

Милюков шел значительно дальше своих коллег, когда применительно к 60—70-м годам XIX в. говорил о либеральном и консервативном направлениях. Он считал, что оба старые направления, т. е. славянофильство и западничество, дали пищу обоим новым направлениям, но от прямой связи с ними отказывался. Прежние направления, писал он, в перемешанном виде вошли в новые. Поэтому Милюков стал оперировать такими понятиями как «западнический консерватизм» и «славянофильский консерватизм» одновременно с понятиями «либеральное западничество» и «либерально-славянофильское направление». Между этими «западническими либерализмами» и «консерватизмами» и «славянофильскими консерватизмами и либерализмами» Милюкову понадобилось еще «промежуточное положение», к которому он относил «непоместившихся» в указанные направления историков. Таким образом, он отчетливо видел начавшееся слияние этих направлений, подчеркнул сложность явлений, пытался разобраться в них, но упустил основное. Очень интересная критика в его адрес была сделана Лаппо-Данилевским, который писал, что Милюков «совершенно пренебрегает влиянием теории эволюции и слишком мало выяснил зарождение социалистического направления»¹¹⁷.

Значительно проще к проблеме славянофилов и западников подходил Д. И. Багалей. Он, вслед за Иконниковым, противопоставлял юридической школе славянофилов, хотя, в отличие от

¹¹⁶ Там же, с. 314.

¹¹⁷ Архив АН СССР. ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 72, л. 469.

последнего, применял и термин «западники». Чрезвычайно интересное замечание, оставшееся, пожалуй, единственным в истории отечественной дореволюционной историографии, сделал Багалей по поводу юридической школы. Это — отсутствие у нее изучения «инородческого элемента». Но и он сам не развил это положение об изучении народов России, и это уникальное замечание по существу повисло в воздухе.

Из всех рассмотренных нами авторов историографических работ, один Багалей по существу полностью отождествил славянофилов с теорией официальной народности — другие, как мы помним, справедливо подчеркивали лишь близость их к этой теории.

Говоря о западничестве, Багалей отмечал некоторую дифференциацию в нем: «Западническое направление дошло до крайности в лице Белинского и Грановского и вызвало реакцию в членах того же кружка»¹¹⁸. Но различия между Белинским и Грановским он не делал.

Таким образом, в историографической литературе разработка проблемы славянофильства и западничества заметно углублялась. Исследователи, постепенно отходя от злободневной полемичности, стали обращать внимание на внутреннюю неоднородность данных направлений, а также на существовавшую общность между ними. Но в целом и эта проблема не была изучена с исчерпывающей полнотой.

Круг авторов, освещавших состояние русской историографии пореформенного периода, заметно сужается. При этом то небольшое единство в выявлении историографических направлений, которое наблюдалось ранее, теперь почти окончательно утрачивается. Славянофилы и западники оказались последними направлениями, которые признавались всеми. По существу к их полемике и сводилась буржуазно-дворянскими историками идейная борьба XIX и начала XX в. Правда, Ключевский останавливался еще на одном крупном научном столкновении в истории русской исторической науки, имевшем острый общественно-политический характер. Это дискуссии о начале русского государства — так называемый «варяжский вопрос», вокруг которого в течение почти двух столетий шли ожесточенные споры. В историографических работах других авторов обычно говорилось о позициях сторонников норманнской теории и о точке зрения антинорманистов, но делалось это ими сугубо в рамках изучения деятельности отдельных представителей исторической науки. В обобщенном историографическом плане никто, кроме Ключевского, эту проблему не рассматривал. Тем интереснее опыт Ключевского.

В середине XIX в., в связи с подготовкой к празднованию ты-

¹¹⁸ Багалей Д. И. Русская историография, с. 293.

сячелетия основания Руси, с новой силой вспыхнул старый спор о происхождении Русского государства, который отразился в известном диспуте 1860 г. между норманистом М. П. Погодиным и умеренно-либеральным историком Н. И. Костомаровым, высказавшем также ошибочную гипотезу литовского происхождения Руси. В эпоху Первой революционной ситуации 1859—1861 гг. наиболее реакционные историки пытались поставить норманнскую теорию на службу слабеющему царскому трону, стремясь истолковать ее в пользу исконности и незыблемости российского самодержавия. Идейные вожди и руководители революционной демократии, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, разоблачали «совершенную нелепость доказательств, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси»¹¹⁹ и, что особенно важно, вскрывали реакционный политический смысл норманизма.

В годы жизни и деятельности В. О. Ключевского норманнская теория была уже, таким образом, основательно подорвана и утрачивала былое значение, но тем не менее продолжала удерживаться в науке. Осторожный Ключевский не решался еще открыто высказывать свое отношение к ней, в чем он и признавался в приватном письме к коллеге и приятелю В. И. Герье: «Замечания на новые теории о начале Руси я изготовил *про себя* и едва ли решусь показать их людям...»¹²⁰. Ученые усилия, потраченные на разрешение этой проблемы, Ключевский считал научно бесплодными, называя их «нескладицей», праздною игрой в гипотезы и даже явлениями патологии. Он справедливо отказывался видеть в решении «варяжского вопроса» ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни.

В историографическом плане Ключевский дважды подходил к изучению данной проблемы, о чем свидетельствуют четыре рукописных наброска¹²¹. В 70-х годах XIX в. он рассматривал решение «варяжского вопроса» в трудах некоторых историков XIX в. — «Погодина с братией» (по его выражению), Д. И. Иловайского, И. Е. Забелина, С. А. Гедеонова, В. Г. Васильевского

¹¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 7, с. 298.

¹²⁰ Письмо В. О. Ключевского В. И. Герье, 18 авг. 1876 г. (Подчеркнуто В. О. Ключевским). — Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории, с. 154.

¹²¹ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983, с. 113—123. От 70-х годов XIX в. сохранились два наброска, непосредственным поводом к написанию которых послужил выход из печати в 1876 г. двух работ Д. И. Иловайского «Разыскания о начале Руси» и 1-го тома «Истории России» и книги И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен». В 90-е годы Ключевский вернулся к этой теме в связи с работой над историографическим курсом. Подробнее см.: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, с. 31, 55, 183—189. К названным наброскам можно присоединить и «Ответ Д. И. Иловайскому», написанный по поводу статьи последнего «Поборники норманизма и туранизма» (Русская старина, 1882, № 12). Эта статья при жизни Ключевского не публиковалась; впервые издана в советское время. См.: Ключевский В. О. Соч., т. 7, с. 163—169.

и др. Позднее, в 90-х годах XIX в. Ключевский написал еще два отрывка, где сосредоточивал свое внимание на истории возникновения в исторической науке «варяжского вопроса» и на определении его значения в русской историографии. Здесь он говорил не только о трудах историков XVIII в. Г.-З. Байера и Г.-Ф. Миллера, но разбирал и «Начальную летопись», верно указывая на тенденциозность ее автора — ученого книжника XII в., которого Ключевский называл решительным норманистом. Он раскрывал мотивы, побудившие летописца выступить с подобной теорией — она покрывала «скандал пиратской узурпации... политической программой народного договора с князем». Это было сделано, пишет Ключевский, в угоду новой власти, ибо автор теории дорожил «гражданскими порядками» и «благами княжеского управления». Поэтому, заключает он, следует «начинать изучение вопроса не с того, что случилось с варягами-Русью на новгородском Севере около половины IX века, а с того, почему русские книжные люди 2½ столетия спустя так представляли себе случившееся».¹²²

Ключевский не без иронии характеризовал взгляды на «варяжский вопрос» историков XVIII и XX вв. Он критически разбирал доводы как сторонников норманнской теории, так и ее противников¹²³. При этом основное внимание он сосредоточивал на критике позиций историков официально-«охранительного» направления, будь то ярый норманист М. П. Погодин или Д. И. Иловайский, выступавший с критикой норманизма. Но выступления представителей передового лагеря — декабристов, революционеров-демократов — Ключевский не затрагивал. То была типичная позиция буржуазно-дворянской исторической науки, которая, как правило, признавала труды лишь историков «академической школы».

Собственную, весьма саркастическую позицию Ключевский, как указывалось, открыто не высказал. Это он называл «ученым целомудрием» и «ученой дисциплиной», которая основывалась на том правиле, что «не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что не имеет достаточных оснований». И далее: «Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол, как ненужный, но требуемый приличием обряд

¹²² Ключевский В. О. Неопубликованные произведения, с. 120, 121.

¹²³ «Новые теории о происхождении Руси,— читаем у Ключевского,— выступают с таким шумом и такими мужественными физиономиями, как будто они верх дном ставят все те основные факты, которыми открывается наша история. Когда я попытался воспроизвести эти настоящие исторические факты <...> и потом сопоставил с ними эти новые теории, я нашел, что первые остаются в том же положении; что же и о том же, те же приемы и результаты» (Там же, с. 115, 118).

«...». Потом мы рассказывали, как будто и нет спора о варягах с братней»¹²⁴.

На историн«варяжского вопроса», так же как и на примере славянофилов и западников, Ключевский иллюстрировал свой излюбленный тезис о «затухании»-де борьбы в исторической науке на современном ему этапе, так как, по Ключевскому, «варяжский вопрос», «вспыхивая по временам случайными столкновениями <...> убедился, что ему не выйти из области уравниний с тремя неизвестными, и утратил надежду и охоту сложиться в убежденную и научно-формулированную теорию»¹²⁵, а каких-либо иных разногласий он не видел.

Выше отмечалось, что в дореволюционной историографической литературе при определении направлений в исторической науке пореформенного периода наблюдается полнейший разноречивостью. Бестужев-Рюмин и Коялович пытались чаще всего придерживаться принципа выявления исторических теорий. Так, Бестужев-Рюмин выделял «народную теорию децентрализации», которая распадается, как ему представлялось, на «несколько разных видов и является совокупностью более или менее случайных усложнений»¹²⁶. Он относил сюда исследования Ф. И. Буслаева, мысль о федерации Н. И. Костомарова, работы по местной истории (например, М. О. Кояловича о западном крае или Д. И. Иловайского о Рязанском княжестве). Коялович в свою очередь указывал, например, на «реалистическую теорию для объяснения нашего прошлого» или на «федеративную теорию». Но оба они не выдерживали до конца этот принцип. Милюков историю исторической науки последнего периода предпочел излагать по университетам. Ему казалось, что «университетскими лекциями и диссертациями на ученые степени почти исчерпывалось содержание <...> историографии»¹²⁷. К концу XIX в., считал он, в русской исторической науке ученое творчество отступает на задний план перед осторожным эклектизмом. Он отмечал разный характер преподавания в университетах, указывая, к примеру, на «более реальное направление» в Московском университете по сравнению с Петербургским. Это направление называл он и «московской школой» историков, среди которых первое, руководящее место принадлежало В. О. Ключевскому. Смысл этого «нового исторического направления» Милюков видел в том, что исследователи погружались в область архивного материала по истории учреждений и быта — материала почти не затронутого русскими учеными и чрезвычайно богатого¹²⁸. Го-

¹²⁴ Там же, с. 119, 120

¹²⁵ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

¹²⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по историографии..., с. 217.

¹²⁷ Милюков П. Н. Источники русской истории и русская историография. — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900, т. «Россия», с. 444—445.

¹²⁸ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955, т. 1, с. 126.

ворил Милюков о школе Киевского университета, упоминал Львовский университет, затем Харьковский, Казанский, Юрьевский, Варшавский, Одесский и некоторые лицеи, сводя постепенно свой перечень к пересказу исследовательских тем профессоров отмеченных им учебных заведений.

Более часто встречаются в историографических работах попытки определять направления по темам исследования, будто бы одна и та же проблематика не могла изучаться историками разных направлений. Такие названия направлений, как «бытовое», «археологическое» или «этнографическое» были наиболее распространены. Багалеи добавлял к ним «историко-географическое» и «историко-археологическое»; Лаппо-Данилевский — «научно-антикварное направление» и т. п. Тот же Багалеи иногда выделял направления по географическому принципу: «западно-русская и южно-русская школа в русской историографии». Лишь изредка можно встретить упоминания о народническом направлении (Милюков, Ключевский, Лаппо-Данилевский), которое, однако, не подвергалось историографическому анализу. Вспоминался опять литературный стиль — так последним словом современной науки Бестужев-Рюмин считал художественную историю, т. е. то, что в свое время оспаривал еще Н. А. Полевой, видевший задачу историка в выявлении научной истины и в критике исторических источников, а не в доставлении читателям художественного наслаждения. О «художественном» направлении говорил и Иконников. Иногда он употреблял выражение «сентиментальное направление Карамзина», а Коялович — «русское направление Карамзина» и т. п. Но никто из рассматриваемых нами историков не придерживался единого принципа (или единой совокупности принципов) при выявлении историографических направлений для указанного времени. Сравнительно большая последовательность отличала в данном вопросе Лаппо-Данилевского, бравшего чаще всего за основу определения направлений философские теории, влиявшие на развитие исторической мысли.

Еще в раннем историографическом курсе 1890/91 уч. г., где лишь намечалась тенденция к выделению направлений, Лаппо-Данилевский, говоря о последнем периоде в развитии отечественной исторической науки — «Научная обработка русской истории», — выделил три группы работ: «Научная разработка русской истории под влиянием идей XVIII в. и реакция против этих идей», «Разработка русской истории под влиянием идеи о едином начале развития: славянофилы и западники» и «Разработка русской истории под влиянием идеи о множественности начал развития». Внутри последнего раздела им выделены: «Этнографическая точка зрения в приложении к историческому изучению русской народности» и «Полиархическая точка зрения в приложении к историческому изучению русской народности»¹²⁹.

¹²⁹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 259, л. 55об., 62об., 77, 81об.

Лаппо-Данилевский очень широко задумал осветить историю исторической науки в России, главным образом, с точки зрения влияния западно-европейских философских систем (о чем мы неоднократно говорили). Сохранилось несколько детальных вариантов планов и проектов его историографического труда. Но в большинстве случаев намечаемые темы разработаны не были — материал к ним подбирался, систематизировался, делались попутные замечания, писались и отдельные тексты. Самым важным в этом материале представляется то, что Лаппо-Данилевский предполагал останавливаться в историографическом курсе не только на идеалистических теориях, но и материалистических¹³⁰. Предусматривал он «направления» и для тех историков, которые не «помещались» ни в одно из перечисленных; оно названо им «смешанные теории». Поистине, оригинальный выход из положения!

Но и Лаппо-Данилевский, больше других занимавшийся проблемой школ и направлений в исторической науке, не пришел к какой-либо определенности. Удивительно сбивчиво и нечетко стал он говорить на последнем этапе своей историографической эволюции о направлениях, как будто и не он писал ранее о необходимости различать понятия «школа» и «направление». Даже в относительно более историографически разработанном XVIII в. исчезли «гегристические», «номологические» и прочие направления. Как синонимы Лаппо-Данилевский употребляет теперь наряду с понятием «направление» выражения; «научно-критическое изучение», «научно-критическая традиция», «более широкое понимание», «течение», «настроение» и тому подобные весьма неопределенные определения. Одним словом, пропадала четкость, к которой он всегда стремился. Лаппо-Данилевский отходил как бы на исходные позиции своего первого, начального периода, как о том можно судить по его последней незавершенной работе, предназначавшейся для английского читателя и изданной частично посмертно. Остановимся на той части этого очерка, где речь идет об историографических направлениях.

А. С. Лаппо-Данилевский справедливо характеризовал историографический процесс в России как сложный и многообразный и верно указывал на то, что русские ученые расходились в понимании основных задач русской истории и придерживались различных точек зрения на ее ход. Эти-то различные взгляды и обуславливали образование нескольких школ и направлений, которые постепенно возникали, боролись и сменяли друг друга.

¹³⁰ Так, в одном из вариантов темы «Реакция против Гегеля (левая)» Лаппо-Данилевский выделял два пункта: «Материализм» и «Социализм и революция 1848 г. и реакция». В другом месте встречаем раздел «Борьба между научно-механистическим и научно-идеалистическим направлением в истории», в котором, в свою очередь, предусматривались две темы: — «1. Исторический материализм и сходные с ним направления», где под литерой а) стоит «Марксизм» и под литерой б) — «Эмпириокритицизм» (1), и «2. Исторический идеализм и сходные с ним направления» (Там же, д. 73)

Казалось бы, тут Лаппо-Данилевский должен был дать квинтэссенцию своих многолетних историографических размышлений и показать, какие же конкретные направления существовали в прошлом и какие существуют в настоящий момент в отечественной исторической науке. Но вместо этого он при суммарной характеристике развития русской историографии с древнейших времен почти все сводил к форме и манере изложения исторических сочинений. Так, он выделил с конца XI в. — летописные своды; с XVII в. — более сложные компиляции; с XVIII в. — появление критики и требования прагматического изложения; с начала XIX в. — научно-литературный оттенок, а время с 1830-х до 1910-х годов рассматривался как один период, для которого характерно нечто цельное — стремление к построению русской истории, основанное «частью на философских предпосылках, частью на началах старого научного исследования»¹³¹. Вот и все — конкретного раскрытия темы нет.

Всей этой пестроте так называемых направлений противостояла другая точка зрения, вообще чуть ли не отрицавшая наличие направлений в науке для данного времени. Причем, к подобной позиции склонялись те же самые ученые, о которых речь шла выше. Это ярчайшее проявление их непоследовательности и слабости исходных позиций особенно отчетливо обнаружилась в начале 1900-х годов, т. е. в годы начавшегося кризиса буржуазной исторической науки, когда общетеоретические взгляды русских буржуазных историков претерпевали существенные изменения. Это, в частности, проявлялось в том, что либеральные историки теряли свою былую веру в общественный прогресс, свойственную молодой восходящей буржуазии. Многим из них все ближе становились позиции историков дворянско-«охранительного» направления, давно уже стремящихся ограждать историческую науку от «пагубных», не исконнорусских влияний и желавших во что бы то ни стало законсервировать ее, или, говоря устами Н. Я. Данилевского, добиваться «приостановки жизни». Теперь нашими авторами рисовалась некая «идиллия» согласия. Русская историография, писал Милюков в 1900 г., носила «характер спокойного академического изучения»¹³²; Лаппо-Данилевский также говорил о появившейся после 60-х годов XIX в. потребности исторической науки «в смягчении исключительности прежних точек зрения»¹³³. «Никаких новых направлений с принципиальными разногласиями незаметно», теперь «работа русской историографии идет ровным ходом и в довольно миролюбивом духе», — утверждал Ключевский в 1902 г.¹³⁴. Под старыми направлениями, которых нельзя было не заметить, Ключев-

¹³¹ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии. — В кн.: Русский исторический журнал, 1920, кн. 6, с. 5, 6.

¹³² Милюков П. Н. Источники русской истории и русская историография, с. 444.

¹³³ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1, д. 259, л. 74.

¹³⁴ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

чевский имел в виду все тех же славянофилов и западников, да пресловутый «варяжский вопрос». Не случайно буржуазными историками гипертрофировались эти споры. Былыми, теперь загложими столкновениями они отвлекали свое внимание от все обострявшейся современной им идеологической борьбы, сглаживали реально существовавшие противоречия. На примере смыкания славянофилов и западников они пытались убедить себя в затухании каких бы то ни было столкновений вообще, в том, что всякая идейная борьба шла на убыль. С подобной меркой они пытались подойти и к марксизму, упоминания о котором в историографических работах были еще крайне редки. Свидетельства непонимания марксизма находим в рукописях Ключевского. То он старался доказать, что теория Маркса является только одним из многих западных учений, якобы «наскоро прочитанных» и непонятых в России и потому неприемлемых для нее, то ставил знак равенства между марксистами и толстовцами, считая и тех и других сектантами с затверженными заповедями, то писал: «Марксизм ложился на нашу мысль такой же механистической накладкой, какой парижские парики лежали на чиновных головах наших отдаленных предков»¹³⁵.

То, что дореволюционными учеными начинала осознаваться важность постановки проблемы историографических направлений, было немаловажным достижением на определенном уровне развития истории исторической науки. Для определения историографических направлений историки пробовали вырабатывать внешние критерии, выдвигая в качестве таковых национальный принцип, литературный стиль, отношение к источнику, метод исследования, проблематику исторических трудов, принадлежность ученых к определенному университету, географический принцип, влияние философских теорий и т. д. Но все выдвигаемые ими критерии носили нечеткий и неопределенный характер и последовательно не распространялись на всю историю исторической науки: одни применялись исключительно к историографии XVIII в., другие — для истории исторической науки дореформенного периода, иные — для пореформенного. Не случайно, что при такой пестроте принципов отбора большинство называемых направлений не утвердилось в науке. Таким образом, научно обоснованного способа решения данной проблемы профессиональными историками дореволюционной России найдено не было. Понятие «историографическое направление» оказалось наиболее расплывчатым из числа общих понятий, утверждавшихся в историографической литературе изучаемого времени. В результате в трудах по истории исторической науки продолжали преобладать «одинокие фигуры» историков вне направлений, т. е. биографический жанр оставался ведущим. Вместе с тем все чаще стал встречаться «смешанный» вариант, при

¹³⁵ НА ИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, д. 143, л. 1; д. 56, л. 4 об.; д. 60, л. 4.

котором отдельные направления вклинивались в поток имен историков.

Последствия отсутствия научно-определенного критерия в выявлении направлений особенно явственно проявились при попытках историков понять состояние исторической науки периода империализма. И дело здесь не только в том, что этот период был наименее исследован. Он был труден для изучения прежде всего потому, что у рассмотренных нами историков, продолжавших оставаться на идеалистических позициях, и не было по существу возможности объективно разобраться в этом вопросе. Ими выявлялись не реально существовавшие направления, а искусственно сконструированные группы, суть которых не раскрывалась, так как историки не проникали в классовый смысл историографических направлений, что и мешало им понять действительную картину истории исторической науки. По мере того как в России интенсивно развивалась революционная мысль, распространялся и углублялся марксизм, когда, по словам В. И. Ленина, «мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования»¹³⁶, либерально-буржуазные историки продолжали проповедовать старый, мирный, эволюционный путь развития, свойственный якобы и России и русской исторической науке. Подобная исходная позиция лишала их возможности провести строго научный анализ сложного развития исторической науки. «Не цветы виноваты в том, что слепой их не видит», сказал как-то В. О. Ключевский. И он же заметил: «Не наука виновата, если с ней не знают, что делать, как обращаться»¹³⁷. Наблюдение это говорит само за себя.

¹³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 331.

¹³⁷ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории, с. 265—266, 261.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проследили за изучением истории русской исторической науки с середины 50-х годов XIX в. до 1917 г. Эти несколько десятилетий были насыщены крупнейшими историческими событиями периода развития капитализма и империализма — Крымская война, возникновение в России Первой революционной ситуации, отмена многовекового крепостного права, русско-японская война, Первая российская революция 1905—1907 гг., первая мировая война... Сложные социально-экономические и общественно-политические сдвиги, обострение классовой борьбы влияли (и не могли не влиять) на историческую науку. С одной стороны, проходил процесс возрастания и укрепления революционной исторической мысли, чему способствовали деятельность революционеров-демократов, распространение марксизма в России, начало ленинского этапа в развитии исторической науки. С другой, — в общем страхе перед грядущей революциейистики либерально-буржуазного и дворянско-«охранительного» направлений, которые соперничали в начале изучаемого периода, к концу его стали все чаще смыкаться, ибо умеренный либерализм буржуазных историков мало чем стал отличаться от умеренного консерватизма дворянских.

Идеалистические философские принципы определяли собой исторические и, следовательно, историографические взгляды буржуазно-дворянских историков, которые в течение названного времени меняли свои методологические основы. Гегельянство и позитивизм, глубоко охвативший большинство русских дореволюционных историков, в определенных исторических условиях сыграли в России прогрессивную роль. Но неокантианство не несло в себе прогрессивного заряда — это был регресс, характерный для начавшегося общего кризиса буржуазной науки.

В позитивизме историков либерального направления привлекала, главным образом, идея компромисса, приемлемого якобы для всех классов антагонистического общества. Позитивизм признавал эволюционное развитие мира без борьбы противоположностей, без революционных скачков и взрывов. Упорное стремление во что бы то ни стало доказать идею бесконфликтного, спокойного развития авторы историографических работ переносили и на историю отечественной исторической науки.

В центре внимания настоящей книги находились историографические труды историков буржуазного и отчасти дворянского направлений, так как преподавать историографию в дореволю-

ционной России могли лишь представители официальной «университетской» науки. Историография создавалась именно в качестве учебной дисциплины, и почти все печатные работы по истории исторической науки базировались на историографических курсах. Круг буржуазно-дворянских авторов историографических сочинений не был однороден: в начале и в середине изучаемого периода более «левый фланг» занимал в нем И. В. Лашнюков, во многом следовавший за Н. И. Костомаровым; «правый» — М. О. Коялович и становившейся после 1861 г. все более консервативным К. Н. Бестужев-Рюмин. К концу периода популярными фигурами предстают В. С. Иконников и А. С. Лаппо-Данилевский. Но общим для всех этих историков было то, что все они имели высшее образование. Их профессионализм положительно сказался на повышении научного уровня историографических исследований.

С середины XIX в. до 1917 г. научная дисциплина «историография» проделала значительный путь. Мы пытались выявить как позитивные стороны, так и неудачи и слабые стороны историографического анализа дореволюционных историков. По сравнению с моментом, принятым нами за исходный, в историографии, которую разрабатывали, как правило, лучшие силы дореволюционной официальной науки, были достигнуты для своего времени определенные результаты и приобретен опыт преподавания предмета. Курс по историографии — один из наиболее сложных университетских дисциплин — читался уже не от случая к случаю, а стал занимать определенное место в системе высшего образования. В учебных заведениях России — в университетах, лицеях, духовных академиях, на Высших женских курсах — историография преподавалась как специальная дисциплина; историография вводилась в состав магистерских экзаменов; расширялась и ее география — историографические курсы разрабатывались в Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Харькове, Одессе, Дерпте, Варшаве, Нежине, Ярославле и, возможно, в других городах. Заметно возрастала историографическая литература. Таким образом, был накоплен обильный фактический материал, расширялся круг историографической проблематики, в научный оборот вовлекались новые историографические источники, совершенствовались исследовательские методы, разрабатывались историографические «каноны» — то есть начало складываться профессиональное отношение к предмету. Все чаще возникавшие в историографических работах элементы теоретического анализа свидетельствовали о качественном росте истории исторической науки. В настоящей работе нас интересовали не вообще все историографические труды определенных лет, а лишь те из них, где содержались подобные элементы. Избранные три кардинальные проблемы — предмет историографии, этапы ее эволюции и направления в науке, — не исчерпывали их, но именно в них сфокусировались главнейшие историографические черты, именно эти проблемы являлись основ-

ным нервом истории исторической науки. Выбор этих проблем обусловлен современными потребностями науки и уровнем историографического знания настоящего времени, для которого характерен углубленный интерес к теоретико-методологическим проблемам историографии. Мы впервые попробовали подойти с этих позиций к историографическим трудам историков дореволюционной России с середины 50-х годов XIX в., чтобы узнать, ставились ли там эти проблемы и как пытались ответить на них историографы прошлого времени. Избранный подход к изучению историографического материала — опубликованного, литографированного, рукописного — помог отчетливо увидеть сдвиги, происшедшие в области изучения отечественной историографии за указанный период, ее теоретический рост; уловить особенности эволюции историографических концепций и специфику историографической мысли каждого исследователя в их взаимосвязи с общим развитием истории современной им исторической науки и тем самым выявить главные черты тех историографических направлений, к которым принадлежали изучаемые нами авторы.

В трудах по русской историографии отражались не только концепционные взгляды их создателей, их умонастроения и идеалы, но и чисто индивидуальные особенности личности историков — способность В. О. Ключевского мыслить образами; строгость формулировок А. С. Лаппо-Данилевского; некая расплывчатость в манере изложения В. С. Иконникова; категоричность суждений П. Н. Милюкова. Мы стремились показывать не только личностные особенности историков, но подчеркивать влияния их друг на друга, ибо без преемственности не может быть развития науки.

В специальной главе мы останавливались кратко на истории термина «историография», который сразу же применялся в нескольких значениях; его многозначность не преодолена и сейчас. Следили мы и за развитием понимания историками прошлого предмета историографии как научной дисциплины, которое заметно эволюционизировало и имело тенденцию к расширению и углублению его содержания.

Когда первые историографические опыты носили лишь обзорный характер, тогда не вставал вопрос об определении ее предмета. По мере накопления фактического материала шло и осмысление его. Осознание историками особого, специфического круга вопросов, присущих историографии как научной дисциплине, свидетельствовало уже об определенном уровне знаний в этой области. Процесс вычленения историографии из недр исторической науки и разделение функций с источниковедением и исторической библиографией — определенная ступень в ее развитии.

При рассмотрении проблемы «предмет историографии» мы стремились не ограничиваться единичными дефинициями авторов, а пытались изучать проблему в движении, понять процесс

выработки и дальнейшего развития этого понятия, проследить насколько тот или иной автор был последователен, как изменялись в течение ряда лет его представления. Наиболее яркая эволюция понимания предмета «историография» обнаружена нами в трудах Иконникова и Лаппо-Данилевского.

Изучаемый материал показал, что представления о предмете историографии не были однозначными и что при возникновении новых, сравнительно более широких представлений продолжали одновременно существовать и старые. Историографию продолжали понимать и как обзор исторических источников и исторической литературы (даже в работе 1911 г. Д. И. Багaley именно так и определял историографию); понимали ее и как развитие исторической мысли, как филиацию идей (М. О. Коялович, П. Н. Милюков и др.); и как историю исторической науки в более широком смысле слова, в круг задач которой вводили изучение деятельности архивов, исторических учреждений и обществ, периодики, вспомогательных и специальных дисциплин, в том числе изучение истории самой историографии (В. С. Иконников и А. С. Лаппо-Данилевский). Но эти ценные наблюдения не были обобщены и не были четко сформулированы. Дореволюционные профессиональные историки, делая ряд ценных частных наблюдений, не поднимались, однако, до признания необходимости изучения социальной сущности истории исторической науки.

В среде историков — специалистов в области русской историографии — вставал вопрос о методах ее изучения. В связи с выходом из печати книги М. О. Кояловича «История русского самосознания...» разгорелся, пожалуй, единственный спор по вопросам историографии в дореволюционной России. В результате этого столкновения мнений отчетливо проявились две тенденции, обе в равной степени характерные для буржуазно-дворянской науки — тенденциозный субъективизм (М. О. Коялович) и безучастный объективизм (К. Н. Бестужев-Рюмин). В 1900-е годы наиболее резкое выражение этих тенденций встречаем в трудах Лаппо-Данилевского и Иконникова.

Поднимался вопрос и о назначении историографии — она должна была выполнять информационную и учебно-научно-познавательные функции: давать сведения об уже сделанном в науке (К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович, В. С. Иконников), осмыслить современное состояние науки и помочь определить собственное место в ней (П. Н. Милюков).

Важным моментом, который следует подчеркнуть, было появление стремления историков определить место историографии в общей системе наук. Так, В. О. Ключевскому историография рисовалась как часть сугубо исторического знания, наряду с источниковедением, методологией и терминологией истории; П. Н. Милюкову — как часть русской культуры; М. О. Кояловичу — как часть национальной русской науки — «русского самосознания»; А. С. Лаппо-Данилевский говорил уже об историко-

графии как части науки о науке вообще без национальных ограничений.

Итак, специалисты в области историографии стали трактовать ее предмет достаточно широко. Вместе с тем у них стало возникать ощущение предварительности собственных историографических трудов, ибо они не чувствовали в себе силы реально воплотить свои историографические представления и создать полное и цельное историографическое произведение. Современный им уровень науки наводил на мысль, что еще не настало время для написания, так сказать, «идеальной» историографии. Коялович даже высказывал соображения, что такое время наступит весьма не скоро — не раньше XXI в. Наиболее трудолюбивый и упорный в работе Иконников отчетливо понимал, что он создает не историю исторической науки, а лишь историографический опыт. По свидетельству его близких Иконников нередко сетовал на чисто физическую невозможность в одиночку создать задуманный труд. Те же настроения встречаем и в его переписке. В частности, в письме к К. Н. Бестужеву-Рюмину он признавался, что у него бывали моменты, когда он сожалел, что начал свой труд и думал прекратить его. «И чем дальше я тащил мою работу, тем более повышались требования других относительно ее и чувство неудовлетворенности во мне самом»⁴. Между тем, он до конца жизни продолжал систематически работать над своим фундаментальным «Опытом русской историографии» и оставил после себя в рукописи еще целый том.

Подобные соображения высказывались не только применительно к историографии, но и к исторической науке вообще. Историки сравнительно давно начали понимать важность объединения усилий для выполнения трудоемких видов работ. В истории науки имелся уже опыт квалифицированной помощи Н. М. Карамзину в работе над Примечаниями к его «Истории государства Российского». Деятельность исторических обществ, археографических и архивных комиссий по существу так же была первичной формой коллективной работы ученых и любителей истории. В одной из рукописей Ключевского находим любопытный экскурс в историю науки по проблеме, которую условно можно назвать «возникновение идеи объединения сил русских историков». Ключевский, отстаивающий самостоятельность развития исторических знаний в России, оспаривал мнение о том, что первое объединение историков возникло в начале XIX в. по инициативе А.-Л. Шлёцера — имеется в виду Общество истории и древностей Российских (ОИДР). Он доказывал, что подобная мысль зародилась и зрела на Руси давно, что следы «какой-то собирательной историографической работы» обнаруживаются в XVI в., когда составлялись обширные летописные своды с подробными оглавлениями, генеалогическими таблицами и т. д. Ключевский считал возможным допустить, что «Алексей

⁴ ИРЛИ в Ленинграде (Пушкинский дом), ф. 24183/CLXXX 6.17.

Адашев руководил какой-то работой над „летописцем лет новых“, по всей вероятности, над так называемой Царственной книгой». Следующий опыт создания учреждения, которое Ключевский «по сродству задач» называет ранним предшественником ОИДР, — он относит к 1657 г., когда дьяку Т. Кудрявцеву велено было при Записном приказе продолжить работу над Степенной книгой. Для этой цели предписывалось создание «историографической комиссии» (название Ключевского.— *Р. К.*) в составе двух старших и шести младших подъячих во главе с дьяком Кудрявцевым, для которой было отведено помещение «в тесной и гнилой «избенке», где притом рядом с историографами сидели арестанты со сторожившими их стрельцами». Однако неудавшийся опыт этой комиссии не погасил, пишет Ключевский, мысли о создании особого исторического учреждения — историк разбирал ряд нереализованных предложений, высказанных в XVIII в., и отмечал несколько возникавших в том же столетии обществ, а также указы Екатерины II, где «просвечивает мысль, что предварительную работу историографии, собирание и первоначальную обработку исторического материала должно вести дружным совместным трудом многих по определенному плану», так же как «стройное здание строится одним архитектором, но со многими работниками»².

И у Лаппо-Данилевского, характерной особенностью которого была, как свидетельствуют его ученики, замкнутость и одиночество в личном труде, «крепло сознание, что один в поле не воин». Он стремился организовать вокруг себя «воинство» для коллективной научной работы. Путь к такой организации Лаппо-Данилевский видел в систематическом воспитании «молодых сил в методах исследовательского труда и выработки форм учебного академического сотрудничества на русской почве, а также шире — в международном научном общении и международной академической союзности»³. Однако, несмотря на все эти верные и плодотворные соображения, в дореволюционной России так и не было предпринято попыток объединить коллективные усилия специалистов в области разработки истории отечественной исторической науки. Но речь о «коллективной историографии» (выражение Ключевского) уже велась.

Мы видели, что возникновение представления о нескольких этапах, которые в своем развитии прошла историческая наука, способствовало углублению историографического анализа. Задачу истории исторической науки начинали видеть и в том, чтобы проследить последовательные ступени ее развития. Разработка проблем периодизации сосредотачивала внимание историков на выявлении особенностей каждого периода, что и дава-

² Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983, с. 188—189, 190, 192, 194.

³ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922, с. 16, 6.

до основания отличать их один от другого, тем самым стимулировала более глубокое понимание процесса развития истории исторической науки в целом. Это содействовало и расширению хронологических рамок русской историографии, которую до того чаще всего ограничивали XVIII в. Постепенно хронологические пределы были расширены в обе стороны — и вглубь веков и в более современный период: от летописного, и даже от времени устного творчества, до начала XX в.

Проблема периодизации как бы сама подталкивала ученых и «заставляла» их обратить внимание первоначально хотя бы на определение исходного и конечного рубежей без внутренней прадации. Усилиями таких историков, как И. В. Лашнюков, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, А. С. Лаппо-Данилевский, проблема периодизации отечественной историографии была значительно продвинута. Она уже признавалась ими как особая задача, для решения которой вырабатывались критерии. Каждый из указанных авторов по-своему пытался определить принципы периодизации, мотивируя их рядом общих и частных соображений. Так, Ключевский и Лашнюков при периодизации русской историографии учитывали, главным образом, общественно-политические моменты в истории страны, тогда как в основе периодизации Милюкова и Лаппо-Данилевского лежали научные идеи. При более детальном рассмотрении особенностей каждой фазы развития истории исторической науки эти ученые все чаще выдвигали и чисто историографические явления: изменения видов и типов исторических произведений, появление крупных исторических трудов, оказавших сильное влияние на последующее развитие исторических знаний и оставивших заметный след в истории науки, и т. д. При этом, однако, историки все же часто сбивались и на деление историографии по царствованиям, особенно тогда, когда речь шла о XVIII в. — бесспорное свидетельство их непоследовательности.

Вырабатываемые критерии периодизации по-разному применялись к русской историографии различными авторами. Ключевский, к примеру, стремился применять свои критерии для определения всех периодов истории науки с древнейших времен до современного ему времени, тогда как Лаппо-Данилевский выдвигал соображения о зависимости методов периодизации от особенностей научных идей различных эпох. Поэтому историографию XVIII в. он предлагал периодизировать по свойствам индивидуальных идей, а XIX в. — по свойствам коллективных идей (т. е. по направлениям). Таким образом, единства в решении проблемы периодизации отечественной историографии в дореволюционной России достигнуто не было. Но не было и каких-либо споров и обсуждений этой проблемы — каждый периодизировал по-своему, не отвергая, но и не используя опыт других.

Одним из любимых жанров историографических работ продолжительное время был «портретный», когда изложение шло

от одной персоны к другой. Отход от «портретного» изложения не был преодолен даже тогда, когда уже вставал вопрос о существовании в истории исторической науки различных направлений. Гораздо чаще в историографических трудах можно встретить «одинокие» фигуры историков «вне направлений». Тем более важно было обратить внимание на появление понимания такого явления в истории науки, как историографические направления.

Существование различных направлений в науке и столкновения между ними признавались лишь для историографии XVIII и первой половины XIX в., другими словами для времени, когда зарождалась и постепенно укреплялась буржуазная историческая наука. Большинство историографов видело и понимало тормозящую роль дворянского направления на определенном этапе развития исторического знания. Поэтому они и сосредоточивались в основном на порицании историков данного направления, признавая даже заслуги декабристов, как критиков Н. М. Карамзина. Но анализируя и критикуя труды дворянских историков, они оставляли в стороне классовую сущность и политическую направленность их исторических концепций. В результате самые резкие отзывы теряли свою остроту, что свидетельствует в конечном счете об идейной общности буржуазных и дворянских историков.

Для большинства рассмотренных нами авторов важно было лишь противопоставить в известный момент дворянской науке буржуазную, чтобы помочь последней занять ключевые позиции в исторической науке. На определенном этапе это было прогрессивным явлением. Но когда буржуазное направление достаточно прочно утвердилось и когда буржуазные и дворянские историки, несмотря на довольно значительные взаимные упреки, стали сближаться, опасаясь разрастающейся классовой борьбы, они перестали замечать новые передовые направления и не включали их в свое поле зрения. Основное их внимание сосредотачивалось на анализе взглядов историков «академической школы». Поэтому в историографической литературе, несмотря на то, что там содержались отдельные совершенно верные и интересные наблюдения, все же однобоко отражалось истинное положение исторической науки и не воссоздавалась целостная картина ее развития. Не вскрывая антагонистические разногласия буржуазного общества, которые не могли не влиять на историческую науку, авторы этих работ не признавали революционной теории исторического процесса — исторического материализма. Буржуазно-дворянские историки совместными усилиями стремились уберечь идею «мирного», эволюционного процесса в противоположность революционному учению Маркса, которое они сперва игнорировали, но потом все же принуждены были хотя бы упоминать, пытаясь при этом всячески доказать его несовместимость с историческими условиями России. Идеалистическая сущность их мировоззрения не давала возможности объек-

тивно взглянуть на реальное состояние дел и оценить его. Они продолжали отстаивать устаревшие идеологические позиции, пробуя подновлять и подкреплять их.

Все это наглядно свидетельствовало о несостоятельности буржуазной науки, о ее беспилни научно оценить создавшееся положение в исторической науке и тем более предвидеть дальнейшие перспективы ее развития. Невольно хочется применить к буржуазно-дворянским историкам изречение одного из них — Ключевского: «задрапировали темный угол и думают, что осветили его».

Проблема направлений оказалась пробным камнем для буржуазно-дворянских историков исторической науки. Именно она в наиболее обнаженной форме продемонстрировала теоретическую слабость этих историков, которая была заложена в их исходных позициях. Все отчетливее проявилась тенденция к сохранению этими учеными своих старых установок, принципов и способов мышления в период кризиса буржуазной исторической науки. Вместо очевидно необходимого коренного пересмотра своих идейных позиций они переконструировали старые формы, сущность которых оставалась прежней. Чтобы развивать и совершенствовать историческую науку дальше, необходимо было освободиться от идеалистических представлений, мешавших объективно анализировать сложнейшие процессы истории исторической науки. Дореволюционные историографы исчерпали свои возможности. Но накопленный ими опыт весьма полезен для современных исследователей, ибо историки прошлого обогатили историю исторической науки обильным фактическим материалом, конкретными наблюдениями, отдельными теоретическими обобщениями. Следует признать, что ими был внесен значительный вклад в разработку проблем истории русской исторической науки.